

ФЕДЕРИКО МОЧЧИА

ТРИ МЕТРА НАД НЕБОМ

трижгы
мы

Три метра над небом

Федерико Моччиа

Три метра над небом. Трижды ты

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-4

Моччиа Ф.

Три метра над небом. Трижды ты / Ф. Моччиа — «РИПОЛ
Классик», 2017 — (Три метра над небом)

ISBN 978-5-386-10532-7

Заключительная часть трилогии «Три метра над небом» Федерико Моччиа. Главный герой Стэп, в прошлом уличный хулиган, решает начать новую жизнь. Дела идут в гору: престижная работа на телевидении, стильная квартира в живописном районе Рима. Стэп делает предложение своей девушке Джин, но на горизонте снова появляется его бывшая возлюбленная – Баби.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-4

ISBN 978-5-386-10532-7

© Моччиа Ф., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

1	6
2	10
3	11
4	15
5	17
6	19
7	21
8	23
9	25
10	27
11	31
12	36
13	38
14	41
15	43
16	45
17	47
18	49
19	52
20	54
21	57
22	60
23	63
24	64
25	69
26	71
27	74
28	80
29	85
30	88
31	91
32	96
33	99
34	103
35	105
36	108
37	113
38	115
39	117
40	120
41	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Федерико Моччиа

Три метра над небом. Трижды ты

Tre volte te © by Federico Moccia, 2017 by Agreement with Pontas Literary & Film Agency
© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,

2019

* * *

*Моему сыну, моему сердечному другу, который ежедневно дарит
мне все те воспоминания, о которых я уже забыл*

*Моей дочери, красавице, которая заставляет меня смеяться от
счастья*

Любовь — это когда счастье другого важнее своего собственного.
Г. Джексон Браун

1

«Люблю Джульетту безответно». Небольшое граффити на деревянном заборе свидетельствует обо всей безнадежности этого разочарования. Я улыбаюсь. Может быть, Джульетта никогда об этом и не думала, но мне не дано этого знать, и я, взволнованный, вхожу в дом. Иду молча до тех пор, пока не дохожу до той самой комнаты. Смотрю на море из того самого окна. Теперь это все мое – и смотровая терраса, плавно опускающаяся к скалам, и эти закругленные ступени, и распылители садового душа с перегородками из желтых и голубых плиток, вручную расписанных лимонами, и мраморный стол перед большим окном, отражающий горизонт. Строптивые морские волны то ли бунтуют против моего присутствия, к которому они еще не привыкли, то ли приветствуют мое возвращение. Они бьются о скалы, окружающие особняк в этой живописнейшей части высокого утеса. Солнце заходит, и от его света стены гостиной становятся красными. Точь-в-точь как в тот день девять лет назад.

– Вы передумали? Вы уже не хотите покупать дом?

Хозяин вопросительно глядит на меня, а затем – спокойный, неторопливый, невозмутимый – разводит руками и говорит:

– Вы, конечно, можете делать, что хотите: это же вы платите. Но если вы передумали, то вам придется или оплатить мне задаток в двойном размере, или судиться так долго, что, учитывая мой возраст, мне уже, разумеется, не увидеть моих денег.

Я смотрю на него и про себя усмехаюсь: старый-то он старый, но проворней любого мальчишки. Хозяин хмурится.

– Конечно, если вы такой хитрый, то спешить не будете. У меня-то вы суд, разумеется, выиграете, но уж моих детей и моих внуков вам не одолеть. Да и к тому же в Италии можно судиться годами!

Его одолевает приступ глухого надрывного кашля, так что старику поневоле приходится закрыть глаза и прервать свою обвинительную речь в духе последнего римского сенатора. Он немного ждет, переводит дух и, отдышавшись, откидывается на шезлонг, трет глаза и снова их открывает.

– Но вы-то хотите купить этот дом, правда?

Я сажусь рядом с ним, беру лежащие передо мной листы и, даже не читая, визирую страницу за страницей: мой адвокат уже все проверил. И на последней странице расписываюсь.

– Значит, вы его покупаете?

– Да, я не передумал; я получил то, что хотел...

Хозяин собирает документы и передает их своему поверенному.

– Что ж, должен сказать вам правду: я согласился бы и на меньшее.

– Так и я хочу сказать вам правду: я бы заплатил за него и двойную цену.

– Не может быть; вы говорите это нарочно...

– Думайте, как хотите.

Я ему улыбаюсь.

Наконец хозяин встает, идет к старинному деревянному серванту и открывает его. Он достает из холодильного отделения для вин бутылку шампанского и, немного попотев, с истинным удовольствием и удовлетворением откупоривает ее. Налив шампанское в два бокала, он спрашивает:

– А вы действительно заплатили бы двойную цену?

– Да.

– И не сказали это, чтобы меня позлить?

– Зачем это мне? Вы мне симпатичны: вот, вы меня даже угощаете отличным шампанским, – говорю я и беру бокал. – К тому же оно идеальной температуры, именно такое, как мне нравится. Нет, я бы никогда не захотел вас злить.

– Надо же...

Хозяин поднимает свой бокал вверх, в мою сторону.

– Я же говорил моему адвокату, что мы могли бы запросить и больше... – ворчит он.

Я пожимаю плечами и не говорю ничего – даже про те десять тысяч евро, которые я дал его адвокату, чтобы тот убедил хозяина принять мое предложение. Я чувствую на себе его встревоженный взгляд. Кто знает, о чем он сейчас думает.

Он кивает головой и улыбается: похоже, я его убедил.

– Что ж, хорошая сделка, я доволен... Давайте выпьем за счастье, которое приносит этот дом.

Он решительно подносит бокал ко рту и одним махом его осушает.

– Вот скажите-ка мне... И как это, интересно, вам удалось оставить за собой этот дом, как только я выставил его на продажу?

– Вы бывали в магазине «Виничио» – там, на горе? Знаете, где он?

– Еще бы, как не знать.

– Так вот: я, скажем так, давно знаком с его хозяином...

– Вы подыскивали себе дом в этой местности?

– Нет, я хотел знать, когда вы решите продавать свой.

– Именно этот? Этот и никакой другой?

– Именно этот. Он должен был стать моим.

И я мгновенно переносюсь назад, в прошлое.

Мы с Баби любим друг друга. В тот день она со всем классом поехала во Фреджене, в ресторан «Мастино», отмечать наступление тех ста дней, которые остаются до выпускных экзаменов. Она видит, как я подъезжаю на мотоцикле, и подходит ко мне, улыбаясь такой улыбкой, от которой могут рассеяться все мои сомнения. Я иду за ней, достаю ту синюю бандану, которую я у нее украл, и завязываю ей глаза. Она садится на заднее сиденье моего мотоцикла, прижимается ко мне, и мы под звучащую в наушниках музыку Тициано Ферро проезжаем всю Аврелиеву дорогу, до самой Фенильи. Море серебрится, мелькают заросли дрока, темно-зеленые кусты, а потом показывается этот дом на скале. Я останавливаю мотоцикл, мы слезаем, и я мгновенно придумываю, как туда пробраться. И вот мы входим в этот дом, о котором мечтала Баби. Это просто невероятно, словно я снова теперь вижу все это наяву – вижу, как держу ее за руку, и она, с завязанными глазами, окружена тишиной того дня. Солнце заходит, и в этой тишине мы слышим только дыхание моря, а наши слова эхом отдаются в пустых комнатах.

– Где же ты, Стэп? Не бросай меня здесь одну! Я боюсь...

Тогда я снова беру ее за руки, и она вздрагивает.

– Это я...

Она меня узнает, успокаивается, и я веду ее дальше.

– Это невероятно, но тебе я позволяю делать со мной все, что вздумается...

– Эх, хорошо бы!

– Дурак!

Ее глаза до сих пор завязаны, и она машет руками, тщетно пытаясь меня ударить, но, наконец, натывается на мою спину и уж тогда отыгрывается на мне волю.

– Ой-ой-ой! Когда на тебя находит, ты делаешь больно!

– Так тебе и надо... Но я хотела сказать, что это мне кажется дикостью – то, что я здесь. Мы проникли в дом, выбив стекло, и я делаю все это с тобой, не споря, не протестуя. И, в довершение всего, я ничего не вижу... А это значит, что я тебе доверяю.

– А разве это не здорово – доверяться другому человеку во всем? Полностью подчиняться его воле, не размышляя и не сомневаясь – точь-в-точь так, как сейчас доверяешь мне ты? Думаю, что на свете нет ничего лучше.

– А ты? Ты тоже мне доверяешь?

Я молчу и вглядываюсь в ее лицо, пытаюсь заглянуть в ее глаза, скрытые под банданой. Потом она отпускает мои руки и замирает, как в пустоте – может быть, разочарованная тем, что я ей ничего не ответил. Стойкая, независимая, одинокая. И тогда я решаюсь ей открыться:

– Да, и я тоже. И я тоже – в твоей воле. И это прекрасно.

– Эй, о чем вы там думаете? Вы как будто витаете в облаках... Давайте, возвращайтесь-ка на землю, к нам, радуйтесь! Вы же только что купили дом, который хотели, не так ли?

– Да-да, я просто задумался, на меня накатили приятные воспоминания... Я снова вспоминал те отчаянные слова, которые иногда говорят в порыве чувств. Не знаю почему, но мне пришла в голову нелепая мысль – словно когда-то я уже прожил это мгновение.

– А, ну да, дежавю! Со мной тоже часто такое случается.

Он берет меня под руку, и мы подходим к окну.

– Смотрите, какое красивое сейчас море.

Я бормочу: «Да», но, честно говоря, не понимаю, что он хочет мне сказать, и почему мы с ним отошли в сторону.

Его зачесанные назад волосы пахнут слишком сильно, и меня от этого запаха мутит. Неужели и я когда-нибудь стану таким же? Неужели и меня будет так же пошатывать? Неужели и у меня будет такая же неровная, неуверенная походка? Неужели и у меня будет так же дрожать рука, как и у него, когда он указывает мне на что-то, чего я еще не знаю?

– Вон, посмотрите-ка туда, раз уж вы уже купили этот дом. Видите эти ступеньки, которые спускаются к морю?

– Вижу.

– Так вот, когда-то давно по ним поднялись. Это немного опасно, потому что иногда люди поднимаются сюда со стороны моря, и вам, если вы решите остаться тут жить, нужно быть начеку, – говорит он мне с лукавством человека, умолчавшем об этом умышленно.

– Ну так кто поднимался со стороны моря?

– Думаю, какая-то парочка молодых, хотя, может, их было и больше. Они вышибли окно, бродили по дому, все разломали, а потом, в довершение ко всему, даже осквернили мою постель. На ней были следы крови. Либо они принесли в жертву животное, либо женщина оказалась девственницей!

Он говорит это с ухмылкой и оглушительно хохочет, задыхаясь от смеха. А потом продолжает:

– Я нашел мокрые халаты. Они развлекались, даже вытащили из холодильника бутылку и вылили из нее шампанское. И, самое главное, украли драгоценности, серебро и другие ценные вещи на пятьдесят тысяч евро... Хорошо, что я их застраховал!

И он самодовольно смотрит на меня, словно гордясь своей ловкостью.

– Знаете, господин Маринелли, вы бы могли мне этого не говорить. Так, пожалуй, было бы лучше.

– А почему?

Он смотрит на меня с любопытством, удивленный, раздосадованный моими словами и даже слегка расстроенный.

– Потому что вам теперь страшно, да? – уточняет он.

– Нет, потому что вы лжец. И потому, что они пришли не от моря, и потому, что бутылку шампанского они принесли из дома, и потому, что они у вас совершенно ничего не украли, а

единственный ущерб, который они, может быть, вам нанесли, – вот это разбитое окно... – Я ему на него показываю. – Около двери.

– Да как вы себе позволяете ставить под сомнение мои слова? Да кто вы такой?

– Я? Никто, просто влюбленный парень. Я проник в этот дом девять с лишним лет назад, выпил немного моего шампанского и занялся любовью с моей девушкой. Но я не вор и ничего у вас не украл. Ах да, я позаимствовал два халата...

И я вспоминаю, как мы с Баби развлекались тем, что выдумывали имена по инициалам, вышитым как раз на тех самых махровых халатах – по «А» и «С». Мы наперегонки выбирали самые замысловатые, пока не остановились на Амарильдо и Сигфриде, а потом бросили халаты на скалы.

– А-а... Так вы знаете правду?

– Да, но только вот в чем дело: ее знаем лишь мы с ней и, самое главное, дом, который вы мне уже продали.

2

Этот день не такой, как любой из предыдущих.

Как и каждое утро, Джулиана, секретарша, ходит за мной по пятам со своим блокнотом, куда она записывает все важное, что нужно сделать.

– Напоминаю вам, что через полчаса у вас назначена встреча в Прати, в «Рэтэ», насчет приобретения вашей программы, а потом обед с Де Джиролами.

Она понимает, что это имя у меня ни с чем не ассоциируется, и приходит мне на помощь.

– Это автор, который работает для греческого телевидения, – уточняет Джулиана.

– А, ну да. Отмени эту встречу. Мы с ними уже не сотрудничаем: поляки предложили нам сделку повыгодней.

– И что мне ему сказать? Он же наверняка меня спросит...

– Не говори ничего.

– Но Де Джиролами потратил целый месяц, чтобы устроить эту встречу. И теперь, когда ее, наконец, назначили, он явно не обрадуется, что ее отменили просто так, безо всякой на то причины.

Джулиана замолкает и ждет, что я отвечу. Но мне нечего сказать Де Джиролами. А ей – и подавно.

– Обед отменяем. Еще что-нибудь на сегодня есть?

– У вас встреча в студии «Диар», а потом в шесть вечера вам нужно пойти на ту выставку. Она для вас очень важна. Вы сами велели напомнить о том, что ее нельзя пропустить.

Джулиана передает мне приглашение, и я верчу его в руках. На нем написано только одно: «*Бальтюс, вилла Медичи*».

– От кого оно?

– Мне его передал курьер, вы – единственный адресат.

На пригласительном билете нет ни единой надписи, штампа или подписи. Нет даже сопроводительной записки. Наверняка это одна из тех выставок, из которых делают медийные события, – выставок, организуемых Тицианой Форти, или, того хуже, Джорджой Джакомини. На них ходят искусствоведы – слишком сильно надушенные, странные женщины со следами подтяжек на лице. А еще – продюсеры и директора телеканалов и телепрограмм – люди, созданные для того, чтобы заниматься бизнесом, особенно в таком городе, как Рим.

– Совершенно не могу вспомнить про эту выставку. Ты уверена?

– Вы мне сами про нее сказали, и я вас даже спросила: «Может, мне сделать какую-то особую пометку?» – Но вы, как всегда, мне просто ответили: «Да, мне нужно пойти на эту выставку».

Я сую приглашение в карман и беру портфель из черной кожи. В нем уже лежат проекты разных телеформатов, которые я собираюсь представить на собрании в «Рэтэ».

– По любому вопросу звони мне на мобильный.

Я выхожу из кабинета. Джулиана, секретарша, провожает меня пристальным взглядом.

Для меня эта выставка была всего лишь последней на сегодня встречей. А вот для нее она имела совсем другое значение – чуть-чуть приврать, чтобы положить в карман пятьсот евро. Джулиана смотрит, как я ухожу, и улыбается. Все, что может произойти дальше, – не ее проблемы. Но она даже не подозревает, как сильно ошибается.

3

Я захожу в большой кабинет на седьмом этаже, где меня вместе с другими людьми ждет директор.

– Добрый день, Стефано. Располагайтесь, пожалуйста. – Он усаживает меня в центре переговорной. – Могу предложить вам кофе?

– С удовольствием.

Директор сразу же набирает номер на черном телефоне, лежащем у края стола, и заказывает для меня кофе.

– Рад вас видеть... очень рад, – говорит он и, обернувшись, смотрит на руководителя отдела, который сидит на другом конце стола. – Потом снова переводит взгляд на меня и с улыбкой добавляет: – Я выиграл пари – ужин или обед на двоих. Он не верил, что вы придете.

Начальник отдела смотрит на меня без улыбки и молчит, играя ногтями своих холеных рук. Про него, про Мастроварди, говорят, что его пристроил сюда один политик, который умер через день после этого, сделав компании расчудесный подарок в лице столь же бесполезного, сколько и неприятного руководителя отдела. У него крючковатый нос и землистого цвета кожа, словно он так и не оправился от давней желтухи. В довершение всего, он из семьи могильщиков. Может, это всего лишь слухи, но на похоронах Ди Копио – политика, который навязал его компании, – Мастроварди, в его сером двубортном костюме, было почти не узнать. Он организовал похоронную церемонию вплоть до мельчайших деталей, не считаясь с расходами, – в том числе потому, что, как говорят, их вообще не было.

Наконец приносят кофе.

– Вам с сахаром?

– Нет, спасибо, я пью без сахара.

И только теперь, безо всякой на то причины, начальник отдела с крючковатым носом улыбается. И я ему улыбаюсь.

– Не беспокойся: на обед или ужин он пойдет с кем-нибудь другим. Наверняка с одной из тех красивых девушек, с которыми ты, как я вижу, фотографируешься для журналов. – Я весело смотрю на директора. Он улыбается уже не так приветливо, как раньше. Но я продолжаю: – Но в этом же нет ничего плохого, правда? Это работа.

Руководитель отдела совсем перестает улыбаться – так же, как и двое других, сидящих напротив. Все боятся потерять свое место, учитывая, что через несколько месяцев в компанию должны набрать новых сотрудников. И если директора, похоже, уже утвердили, то всех остальных ждут большие изменения в штате.

– Ну и что вы мне теперь скажете? Будем повторять эту программу об отцах и детях? Права истекают через два месяца, и я уже получил предложение от «Мединьюс». – Я достаю из своего дипломата черную папку и кладу ее на середину стола. – Мне кажется, что эта программа идет гораздо лучше, чем «Сделка», и с большим отрывом от «Ленты». Ну и, естественно, ее захотели купить по хорошей цене. Но я хочу остаться здесь. Мне здесь нравится, и нравится, как вы делаете эту программу.

Держа руку на папке, я медленно, но решительно постукиваю по ней три раза, тем самым подчеркивая особую значимость моей передачи для этого канала и, самое главное, те очень серьезные последствия, которые влечет за собой перспектива ее потерять.

– Он блефует.

Начальник отдела с крючковатым носом, желтушной кожей и светлыми маслянистыми волосами, напмаженными и зачесанными назад, но болтающимися вниз, за ушами, улыбается.

Улыбаюсь и я.

– Может быть. А может, и нет. Я хочу на двадцать процентов больше, чем в прошлом году, за уступку права на этот формат и за каждый выпуск.

Директор поднимает бровь.

– Мне кажется, это много – а особенно сейчас. К тому же он уже был очень удачно продан...

– Верно. Но если бы он не приносил той прибыли, которую приносит, то вам бы он был больше не нужен. Вы не отвечали бы на мои телефонные звонки, и мне бы оставалось слушать отговорки секретарши.

И я пристально смотрю куда-то в пустоту.

Этот тупой, бесполезный директор, которого тоже посадили сюда из политических соображений, не принимал меня больше месяца. Мне пришлось позвонить приятелю моего приятеля, чтобы устроить эту встречу.

Если я чего и добился в мире телевидения, то обязан этим лишь моему упорству, чутью на хорошие форматы и всей этой злости, которая меня распирает. Отличный ежегодный доход я поднял на программах, купленных на международных телебиржах и в Каннах. Я приобретал их, немного приспособливал к итальянскому рынку, а потом как можно выгоднее продавал. Теперь у меня небольшой офис прямо за зданием компании «Итальянское радио и телевидение», две секретарши и команда очень молодых авторов, работающих по моим указаниям.

– Он блефует. «Мединьюс» ему ничего не предлагал.

Теперь у меня совсем другое выражение лица. Я снова постукиваю по моей кожаной папке; на этот раз – всего дважды, но сильнее.

– Ну хорошо, тогда сделаем так. Если в этой папке нет предложения от «Мединьюс», то я согласен на тот же гонорар, что и в прошлом году. Но если там есть их предложение, то тогда вы снова получите этот формат по цене, которую предложили они. И добавьте тысячу евро сверху.

Другой молодой начальник отдела с темными волосами, обилие которых компенсировалось абсолютной пустотой в его голове, сын известного журналиста, который устыдился бы столь нелепого вопроса своего отпрыска, в недоумении говорит мне:

– Но если это предложения от «Мединьюс» действительно существует, то почему бы не пойти туда? Только из-за тысячи лишних евро?

И он смеется, демонстрируя, какой он, действительно, дурак. Я оглядываюсь вокруг: смеются все, кроме директора. Осматриваю комнату. Стены увешаны красивыми фотографиями мотоциклов, живописных пейзажей, островов. Здесь же несколько маленьких современных фигурок из железа, изображение Мэрилин, Марлона Брандо, неизвестно где полученный приз и несколько книг молодых или старых писателей, подаренных лишь в надежде на их экранизацию в «Рэтэ» и какую-никакую узнаваемость. Я встречаюсь взглядом с директором и говорю:

– Симпатичная комната.

А потом замечаю на столе детский водяной пистолет. Я видел, как иногда директор ходил с ним по студии и брызгал водой в танцовщиц, как самый озорной на свете мальчишка. Но об этом я, естественно, помалкиваю.

– Действительно симпатичная комната, – уточняю я.

Директор в восторге.

– Спасибо, – благодарит он.

А потом снова становится серьезным и объясняет молодому начальнику отдела, этому придурку:

– Если это предложение от «Мединьюс» существует, то они, может, предлагают ему даже больше тех двадцати дополнительных процентов, которые он запросил у нас. Здесь мы без проблем признаем постановление Итальянского общества авторов и издателей, если оно оценит его формат как продукт первой категории. Следовательно, он, оставаясь у нас, в любом случае

получил бы больше денег за авторские права – в том числе и потому, что мы даем повторы и ночью, и днем, на Четвертом или на Пятом канале, и летом. А у них этот формат используют меньше.

Один из руководителей отдела готов его перебить, но директор продолжает:

– А эта тысяча евро – только для того, чтобы посмеяться над нами.

– Если это предложение существует... – вмешивается желтушный. – Но я говорю, что его не существует. Нам стоит его посмотреть.

А я вспоминаю наши партии в покер, когда по вечерам мы собирались у Луконе с Полло, Банни, Хуком и всеми остальными. Уже занимался рассвет, а мы все еще играли, смеялись, курили – только сигареты (по крайней мере, я) и пили ром и пиво. И Полло всегда кричал: «Черт возьми, Стэп, я знал, что у тебя было очко!» – и изо всех сил стучал кулаками по столу. А Луконе злился: «Эй, полегче, а то ты мне его пробьешь!» И тогда Полло пускался в пляс, ташил танцевать с собой Склло, смеялся и пел, как самый счастливый из игроков, как если бы этот банк сорвал он. Эх, Полло...

– Так значит, ты рискнул бы закрыть с ним сделку на двадцать процентов больше... и вот так, вслепую...

Желтушный начальник отдела остается при своем и улыбается, уверенный в своей правоте.

– Если предложение от «Мединьюс» существует, – твердит он. – Но я уверен, что ничего нет.

И он смотрит на меня решительно, даже не улыбаясь. Он просто уверен, забавляясь тем, что я, по его мнению, оказался в затруднительном положении. А я смотрю на него с улыбкой и, несмотря на ту естественную антипатию, которую я к нему испытываю, делаю вид, что он мне симпатичен. Но тут директор делает новый выпад, и он бледнеет.

– А если бы, помимо денег «Рэтэ», ты рисковал бы и своим креслом... то был бы ты так же уверен?

Начальник отдела колеблется, но всего несколько секунд. Он смотрит на меня и решает стоять на своем.

– Да, никакого предложения от «Мединьюс» нет, – говорит он.

Я улыбаюсь и подвигаю папку к директору, которому сразу же становится любопытно, и он опять превращается в мальчишку с водяным пистолетом. Он берет ее в руки и крутит, пытаюсь снять резинку, но я его останавливаю и говорю:

– Если предложение есть, то оно становится вашим предложением. Плюс тысяча евро сверху.

– В противном случае мы заключаем по нему сделку, как в прошлом году... – говорит желтушный начальник отдела, и другой, с густыми волосами, его поддерживает.

– Да-да, конечно, – говорю я, протягивая одну руку директору, но держа другую на папке: я жду, что он одобрит этот договор прежде, чем я позволю ему ее открыть.

– Да, конечно, мы согласны. – Он крепко пожимает мне руку. И только после этого я любезно передаю ему папку.

Тогда он почти в исступлении снимает резинку, достает из папки листы и раскладывает их на столе. Такое впечатление, что он почти счастлив, обнаружив предложение от «Мединьюс». Похоже, желтушный руководитель отдела неприятен и ему, и он только искал способ от него избавиться.

– Но тут же вдвое больше того, что даем ему мы! – восклицает директор.

– Плюс тысяча евро, – весело улыбаюсь я.

– И ты бы согласился на сделку с двадцатью процентами?

– Разумеется, – отвечаю я. – Я же не знал, что получу эту едва ли не божественную помощь. – Я перевожу взгляд на желтушного начальника отдела. Теперь он уже не улыбается, а откидывается на кресло, сидеть в котором, судя по всему, ему осталось совсем недолго.

– Да, я хотел заключить сделку именно с «Рэтэ», чего бы мне это ни стоило. И именно по тем причинам, о которых говорили вы. Меня бы устроили и пятнадцать процентов.

Я думаю о Полло, который стал бы стучать кулаками по этому важному столу переговорной и пустился бы в пляс. И я с ним.

– Мы сорвали хороший банк, правда, Стэп?

– Да, но самое главное, мы больше не увидим этого желтушного олуха!

4

Я захожу в спортклуб «Париоли» и приветствую швейцара Иньяцио – низенького и совершенно лысого.

– Добрый день, Стефано. Как дела?

– Все в порядке, спасибо. А у вас?

– Превосходно.

– Я оставил машину перед «Рейндж-Ровером» Филиппини.

– Да пожалуйста, он уедет сегодня вечером в девять. – Иньяцио подходит ко мне поближе, чтобы сообщить секрет: – Чего он только ни делает, лишь бы не возвращаться домой...

Тоже мне новость! Об этом и так все знают. Но я делаю вид, что он поделился со мной великой тайной, хлопаю его по плечу и прощаюсь, оставляя ему ключи от своей машины и пять евро.

Швейцар клуба «Париоли» в союзниках – это не только гарантия, что о твоей машине позаботятся лучше остальных. Это еще и уверенность в том, что тебя всегда встретят с распростертыми объятиями в этом клубе.

По пути я здороваюсь с несколькими членами клуба, занятыми болтовней.

– Э нет... Мы должны его поменять. Тебя устраивает, чтобы он оставался нашим председателем и дальше? Он же болван. – И они слегка кивают, подавая знак, что меня увидели. Но чрезмерного значения мне не придают, ведь я могу оказаться на стороне председателя.

Уже собираюсь войти в раздевалку, как слышу, что меня окликают:

– Стэп!

Я оборачиваюсь и вижу ее, такую элегантную. Она идет ко мне. В руках у нее сумка в разноцветную полоску. Она одета в легкое голубое платье – совсем не прозрачное, но под ним все равно видны ее формы – точеные и неповторимые. Ее зеленые глаза подернуты легкой поволокой, словно на них всегда лежит пелена тоски и печали; словно, несмотря на ее невероятную красоту, ей так и не удалось стать счастливой.

– Привет, Франческа. Как дела?

Тогда она улыбается. Это невероятно, но кажется, что ее взгляд сразу же лишается всей этой затаенной печали, и она, здороваясь, проявляет эту свою забавную одержимость:

– Прекрасно. Ведь я вижу тебя! – Она смотрит на меня растерянно. – А почему ты смеешься?

– Потому что ты всегда так говоришь...

И я думаю: «Кто знает, скольким мужчинам она это говорит».

– Ни скольким.

Она серьезно смотрит мне в глаза.

– Что?

– Я ответила на то, о чем ты подумал. Ты предсказуем, Манчини. Так вот: я не говорю этого другим. Ты мне не веришь? Хочешь, чтобы мы прошлись по клубу и расспросили? Я не говорю этого никому, кроме тебя. Одного тебя.

Она молчит, пристально смотрит на меня и вдруг снова улыбается своей прекрасной широкой улыбкой.

– Мне хорошо, когда я тебя вижу. Мне хорошо только тогда, когда я тебя вижу.

Я чувствую себя словно виноватым, что она несчастлива, потому что абсолютно ничего к ней не испытываю.

– Франческа...

Она разводит руками.

– Ничего больше не говори. А ты знаешь, что за мной увивается полклуба, и я старательно уклоняюсь от всяких предложений, пока тот единственный, кто мне нравится, на меня плюет?

Она делает небольшую паузу.

– Вот именно, плюет! Тебе нравится, что я выражаюсь, как девчонка из подворотни? Может, это тебя заводит... Да и вообще, не имеет смысла тебе говорить, что тот единственный, кто мне нравится, – это ты. А если ты этого не понял, значит от всех нанесенных и полученных ударов ты, наверное, стал конченым идиотом. И нравишься ты мне не потому, что ты был или остался драчуном.

– Но я не драчун и никогда им не был.

– Ну ладно, раньше ты был таким, что это должно было оттолкнуть меня от тебя, но, как ни странно, ты мне нравишься еще больше.

Мимо проходит уборщица.

– Добрый день! – здоровается она.

– Добрый день, – отвечаем мы почти в унисон. Может, она что-то и слышала, но мне все равно.

– Послушай, Франческа...

– Нет, это ты послушай. Я знаю, что ты собираешься жениться. Знаю, но не говорю тех глупых слов, которыми бросаются некоторые женщины, я не ревнива... Я сдержанна, ни с кем не разговариваю, об этом не узнала бы ни одна живая душа. Ты хоть когда-нибудь что-нибудь про меня слышал?

– Нет, действительно, нет.

Она упирается руками в бока и мотает головой, освобождая свои чудесные темно-каштановые волосы, густые и сильные, уложенные в стиле Эрин Брокович.

– Да ладно, я это сказала просто так, к слову. Но у меня правда не было ни с кем романов в клубе, так что можешь быть спокоен. Тем более что всех здешних ты бы мог запросто уложить, драчун. – Она замечает, что я собираюсь что-то сказать, и сразу же себя поправляет: – Раньше ты не сдерживался.

– Вот это правильно. Так-то лучше.

– Послушай, Стэп, а ты не мог бы сделать усилие? Давай попробуем и посмотрим, что из этого выйдет. Я не хочу поднимать шума, но с тех пор, как я тебя узнала, мне... В общем, короче говоря, мне хочется быть с тобой.

Внезапно она делает странное движение, переносит свой вес на другую ногу и, может быть, почти непроизвольно приобретает более сладострастную – да, более возбуждающую – позу. Короче говоря, она хочет, чтобы у меня возникло желание рассмотреть ее предложение. Стоя передо мной, она немного наклоняет голову набок, словно спрашивая меня: «Хорошо, ну и что ты собираешься делать?» Она напоминает мне Келли Леброк в конце фильма *«Женщина в красном»*, когда, лежа в постели голой, она говорит Джину Уайлдеру: «Ну что, ковбой, вперед, и бери то, что хотел».

Франческа смотрит на меня весело, с любопытством, с той слабой надеждой, которая, впрочем, быстро рассеивается.

– Мне жаль, серьезно. А теперь извини, но мне нужно идти: меня ждут на корте, чтобы сыграть партию в падел.

И я ухожу, не оглядываясь. Мне даже становится почти смешно, когда я представляю, что она могла бы подумать: «Даже не верится: он предпочел идиотский мяч моим дынькам!»

5

К тому моменту как я прихожу на корт для падела, команды уже подобрались, и мне предстоит играть в паре с неким Альберто, которого я почти не знаю. Зато два наших противника сразу же переглядываются, посмеиваясь, как будто победа уже у них в кармане.

– Будешь подавать? – спрашиваю я у Альберто.

– Нет-нет, начинай ты, так будет лучше.

– Вы готовы?

Противники кивают. Тогда я подаю и сразу же бегу к сетке. Они пытаются наносить перекрестные удары, посылая мячи ровно между мной и Альберто. Может, они хотят, чтобы мы ударились ракетками, но я не вижу в этом проблемы: в крайнем случае, моя ракетка сломается; подумаешь, какое дело. Но Альберто, впечатлительный и встревоженный, даже не пытается отбивать, и тогда сразу же отбиваю я – да с такой силой, что он пролетает над ними настолько высоко, что становится недостижимым.

– Отлично! Пятнадцать ноль.

Ну вот, партия, возможно, будет неплохой. Двое наших противников переглядываются: похоже, они уже не такие самоуверенные, как в начале. Я опасаюсь только одного: не чересчур ли она приветливая, эта улыбка Альберто? А вдруг он голубой? Но даже если это и так, меня это не особенно волнует: мы набираем очки, действуя идеально слаженно. Мы с Альберто не оспариваем друг у друга первенства, не сталкиваемся, понимаем, как перемещаться в пространстве, как заполнять его. А они потеют, упорствуют, мечутся из стороны в сторону, время от времени сталкиваются и падают на землю, как сейчас. И я наношу очень удачный удар, посылая мяч с другой стороны корта.

– Очко!

Мы продолжаем в том же духе – потя, бегая, напрягаясь. Альберто бросается на мяч, и ему удается отбить удар, падая на землю. Он играет отлично и, независимо от того, в какую сторону бежит, всегда по-настоящему стремителен и внимателен. К тому же у него отличная интуиция. Он поджарый и гибкий.

– Очко!

На этот раз Альберто протягивает ко мне правую руку и изо всех сил хлопает по ней своей ладонью, гордясь очком, заработанным после тяжелого обмена ударами. Теперь их очередь. Один из них готовится подавать, высоко подбрасывает мяч, заводит за него короткую ракетку и подпрыгивает, чтобы ударить по нему еще сильнее. Мяч, отскакивая от ракетки, летит с невообразимой скоростью. Я инстинктивно успеваю поднести ракетку к лицу и отбить мяч, и он изо всех сил бьет по другому противнику, попадая ему в нижнюю часть тела – туда, где у него другие мячики.

– Извини, я не хотел...

Мяч оказывается на земле. Вместе с ним падает и ушибленный парень.

– Извини меня, правда.

Изображая озабоченность, к нему подходит Альберто. Под предлогом того, что ему надо подобрать мяч, он нагибается и шепчет мне на ухо:

– Отличный удар, черт побери.

Меня разбирает смех, и, когда я слышу эти слова, которые он прошептал мне так задушевно, таким заговорщическим тоном, мне кажется, будто я вновь слышу моего старого друга – Полло. Я оборачиваюсь, чтобы его отыскать, но вижу только Альберто, который мне улыбается и подмигивает. Я отвечаю ему тем же, но уже через секунду он – если бы он умел читать эмоции по лицу – увидел бы всю мою печаль.

Мы с Полло никогда не играли в падел: нам стало бы противно при одной только мысли о виде спорта с таким названием. Но зато вместе и буквально, и образно мы отражали удары той жизни, которая неслась нам навстречу. Я вспоминаю его с обкусанными ногтями и с его старенькой «кавой-550», прозванной гробом на колесах: так мы называли его мотоцикл в шутку, но это прозвище оказалось зловещим предзнаменованием. Полло, с присущими ему эмоциями, всегда несся на максимальной скорости, никогда не оглядываясь назад.

Я продолжаю играть, и мои глаза застилает не только пот. Мы набираем очки и смеемся, Альберто мне еще что-то говорит, прежде чем ударить по мячу: теперь его очередь. Я киваю, хотя не очень-то понял, что он сказал; может быть: «Они спеклись».

А они и правда кажутся обессиленными. Зато Полло был неутомим, он был все время в движении, словно не хотел никогда останавливаться, словно ему было страшно задумываться, принимать что-то в расчет, словно он убегал, вечно убегал... Еще один удар, бесконечная череда ударов, нескончаемый обмен ударами, словно те двое не хотят уступать. Когда-нибудь мне нужно будет сходить к родителям Полло; у меня никогда не хватало смелости это сделать. Скорбь парализует. Нас пугает то, что мы испытаем, и мы замыкаемся в нашей броне, которая сильнее даже этой колющей боли в сердце. Больше ни о чем не думая, я набрасываюсь на подлетающий мяч, отбивая его с такой силой и яростью, что, ударяясь о землю, он почти расплющивается, но потом разбухает снова и отскакивает так далеко, что до него не дотянуться ни одной ракеткой.

– Очко! Партия! – радостно кричит Альберто.

Мыжимаем друг другу руки и обнимаемся с настоящим восторгом. И только потом слегка приветствуем наших противников.

– Мы должны отыграться.

– Да, конечно.

Я улыбаюсь, но мои мысли уже далеко. Кто знает, живут ли они еще там, родители Полло. С этой последней мыслью я покидаю корт. Хотя я и победил, чувствую себя ужасно разбитым.

6

Когда я собираюсь зайти в душ, Альберто начинает раздеваться.

– Какие у тебя планы? Останешься пообедать? – любезно спрашивает он меня.

– Да, только надо разделаться с кое-какими делами.

– Хорошо. Отличная партия.

– Побеждать всегда приятно.

– Да, но еще приятнее побеждать тех, кто слишком много о себе вообразил! Они вышли на корт с видом, будто им заранее скучно играть с такими, как мы!

– Точно. Но зато в конце им пришлось весело.

– Ага, и особенно мне, когда ты их загонял своими ударами!

И мы смеемся, а потом прощаемся, пожимая друг другу руки – но нет, не тем почти братским жестом, когда закадычные друзья сцепляют большие пальцы: мы же друзья не по жизни, а просто партнеры в этой игре. Я открываю кран душа, ставлю шампунь в углубление стены и встаю под струю, не обращая внимания на температуру воды. Она свежая и приятная. Потом становится чуть теплее. Мышцы расслабляются, я ни о чем не думаю, закрываю глаза и чувствую, как вода успокаивает даже самые сокровенные печали, внезапные страдания от нахлынувших воспоминаний. Да, эта дружба с Полло, которой мне и сейчас не хватает, эта его безграничная любовь ко мне – он любил меня больше всего на свете. Когда я смотрел фильм *«Мятежный гений»*, то думал об отношениях между Беном Аффлеком и Мэттом Деймоном. Так вот: Полло был для меня немного Беном, хотя я никогда не считал себя гением. Я открыл свою фирму и начал работать благодаря везению и неплохой интуиции. Придумал себе трудовую биографию без расчета, но когда понял, что я на правильном пути, то уже не только не отказывался от нее, но и решил максимально ее раздуть.

Теперь вода уже горячее, мысли путаются. Потерять такого большого друга еще в молодости тяжело. Ты воображал себя бессмертным, а оказалось, что ты болван. Инвалид – живой, но без друга. Если бы я потерял руку, то, наверное, чувствовал бы себя не таким калекой. К тому, что Полло уже нет, я привыкал медленно, но в конце концов привык. Это было так, как будто после долгой жизни во тьме я увидел свет. Я больше не искал сильных ощущений, потрясений, которые дает ночь, адреналин мотогонок. Я вернулся к жизни, научив себя радоваться мелочам. Иногда меня забавляют всякие смешные вещи, которые происходят, но на которые никто не обращает внимания. Например, когда женщина переходит дорогу по переходу, у нее рвется полиэтиленовая сумка с апельсинами, и какой-то мальчишка хватается один из них и сует его себе в карман. Или вот мама и дочка спорят по дороге, когда дочка едва вышла из школы. «Сегодня вечером у меня восемнадцатилетие». – «Как, еще одно?» – «Мама, ты отдала меня в школу на год раньше; в этом году всем исполняется восемнадцать!» – «Хорошо, но только чтобы в час ночи ты была дома». – «В час? Но в час вечеринка только начинается!» – «Но восемнадцатилетие празднуют в полночь!» – «В том смысле, что в час только начинают отрываться». – «Отрываться?» – «Тусоваться. На прошлой вечеринке я тусовалась до двух». – «Да что ты говоришь? Я тебя не понимаю!» – «Боже мой, мама, охота же тебе делать из всего проблемы!»

Парень и девчонка целуются на полуденном солнце, прислонившись к мопеду, а мимо проходят люди и поглядывают на них с завистью. В карманах этих двоих, может, разрываються мобильники. Напрасны звонки обеспокоенных родителей, когда они так поглощены друг другом. Они улыбаются, смотрят друг другу в глаза, целуются, дерзко высывая языки: так они горды этой любовью, этим желанием. В их улыбках сквозит вожделение и то обещание, которое ищет, прежде всего, он. Если, конечно, они еще не сделали того, что хотели.

А вода все льется, обволакивая меня, как воспоминания о Полло. Но вот он уносится вдаль, а я еду на вечеринку с Баби. Последние гонки. А потом все как будто гаснет. Полло лежит на земле, упав с мотоцикла в этом соревновании придурков, и я ему шепчу единственные, какие только возможно, слова: «Мне будет тебя не хватать». И я глажу его по лицу, как никогда не делал. Полло несется сквозь мои воспоминания на своем мотоцикле и, веселясь, наблюдает за мной, словно он в курсе всего, что происходит в моей жизни – всего того, что было и будет. Он как будто смеется и качает головой, говоря: «Но какого черта ты смеешься, если даже и я совсем не знаю, что будет». И я представляю, что было бы, если бы Альберто сейчас сюда вошел и увидел бы, как я разговариваю в душе с телефоном в руке – разговариваю с тем, кого нет. Но он всегда со мной. Тут Полло сразу же поднимает мотоцикл на одно колесо и исчезает из виду, удаляется из моих воспоминаний, и в них появляется кто-то другой. Да, я поворачиваюсь, и вот она здесь. Сидит на скамейке и читает книгу. Она молодая, красивая, волосы до плеч, большие очки. Внезапно она подносит руку к странице книги, словно боясь пропустить место, до которого дочитала. А потом поднимает взгляд, сдвигает очки на лоб, чтобы лучше видеть, и слегка потирает глаза – может быть, из-за слишком яркого солнца. Она безмятежно улыбается. Вот она меня заметила, и я, словно желая уверить ее в этом еще больше, выхожу на авансцену. «Я здесь, мама! Смотри, что я нашел!» И бегу к ней. Мои длинные волосы развеваются на ветру, а в руках что-то зажато. Я подбегаю к ней. Мои руки сложены на животе; я его даже немного раздуваю и делаю забавную гримасу, словно уже знаю, что меня накажут. «А ну-ка дай я посмотрю». И тогда я уже не жду, разжимаю руки и улыбаюсь. «Смотри, старинная стрела – древних римлян или индейцев сиу!» Между большими и указательными пальцами обеих рук я крепко держу кусок деревянной палки с каменным треугольным наконечником – раскрошившимся, старым. «Где ты ее нашел?» – «Там, внизу». И я указываю в какое-то место за собой, более или менее неопределенное. «Можно я отнесу ее домой?» – «Да, дай-ка ее сюда...» Я вспоминаю, как она вынула из полиэтиленового пакетика бумажный платок и обернула им этот кусок стрелы, придав ему определенную значимость – по крайней мере, для меня. Что в то же время не помешало мне обеспокоиться. «Потихоньку, мама...» – «Да-да, тихонечко-тихонечко, хотя я тебе уже тысячу раз говорила, что с земли ничего поднимать нельзя». Мы отнесли ее домой, и я сразу же показал ее папе, как только он вернулся с работы, и он тоже был рад моей находке. «Я нашел ее в парке виллы Боргезе». – «Тогда, значит, должно быть так, как говоришь ты: она принадлежала индейцам сиу. Однажды летом они там проходили, и я их видел». – «Правда?» Мне хотелось узнать об этих индейцах больше, и я спросил, не погнались ли за ними конные карабинеры, которых я всегда видел в парке виллы Боргезе. Папа рассмеялся. И мама – тоже. «Наверное, погнались», – ответил мне папа, а потом обнял ее, и они поцеловались. Я был счастлив – и потому, что они рассмеялись, и потому, что им так хорошо.

Вода в душе стала горячее, мне хорошо. Усталость после игры в падел как рукой сняло, но это последнее воспоминание о моей матери не исчезло. Я думаю о ее красоте; о том, как застал ее с другим; о том, как все разрушилось и в наших отношениях, и в отношениях между родителями, они уже не любили друг друга; о том, как она умерла, и том, как меняется жизнь. И напротив, как все продолжается.

– Вам повезло.

Я открываю глаза. Вошли те двое, которые играли против нас. Похоже, что к ним вернулась прежняя самоуверенность. Мне хочется рассмотреть их получше. Нет, не такие уж они и «фигуристы». На меня нападает смех. «Да, это правда, действительно правда. Нам повезло». Выхожу из душа. Хорошо, что хоть всегда есть кто-то, кому удастся меня рассмешить.

7

– Да, вот это, дайте мне это.

Официант жарит на плите куски мяса. В баре спортивного клуба я беру ассорти из овощей на гриле и блюдо из артишоков, приправленных сыром грана.

Мимо меня бесцеремонно проходит чересчур надушенная женщина, но я делаю вид, что не замечаю. Наполнив свою тарелку бифштексами, она оборачивается, улыбается мне и без всякого стеснения продолжает накладывать себе отовсюду разные кушанья, наполняя свою тарелку до краев. Я недоумеваю. И ведь это клуб «Париоли»! Здесь должны были собираться самые сливки римского общества, а я вижу, как мимо меня проходит эта морщинистая и настолько прожаренная в солярии дама, что ее кожа темнее шоколадки! Официант смотрит на меня, улыбается и пожимает плечами, словно говоря: «Ну что я могу сказать?» А потом профессиональным тоном спрашивает: «Вам что-нибудь принести?»

– Да, спасибо. Дайте мне половину того, что взяла себе эта обжора!

Официант смеется, качает головой и кладет в мою тарелку лучшие куски мяса, которые он рассмотрел на гриле.

Я сажусь у окна: оно как большая картина. Под ним стоит чудесный диван, вокруг – бронзовые бра... Неудивительно, что это заведение стало одним из лучших столичных клубов. Сквозь зелень деревьев я смотрю вдаль. Какие-то люди играют в теннис: я вижу, как они бегают по корту, но не слышу звука отбиваемого мяча.

Альберто, с тарелкой в руках, видит меня издали, кивает мне и подходит к какому-то другому члену клуба, благоразумно решив оставить меня в покое. Так что я отправляю в рот еще один кусок, наливаю себе немного пива и, вытерев рот салфеткой, делаю хороший глоток.

Спокойно, не торопясь. Я стал лучше. Джин потешается надо мной, потому что я ем слишком быстро. Она говорит, что в глубине души меня что-то тревожит и что я импульсивен во всем, что делаю. С особенной жадностью я набрасываюсь на картошку фри и пиво. Я ем эти ломтики один за другим, не останавливаясь, иногда только замедляя темп, чтобы обмакнуть их в горчицу или майонез, но потом вдруг снова становлюсь еще прожорливей, съедая их по три, по четыре сразу.

– Да ты же так подавишься!

– Ты права...

Тогда я ей улыбаюсь и ем медленней, успокаиваюсь – как если бы я больше не торопился, не испытывал беспокойства. Красивая, с черными волосами, которые теперь она носит короткими, с худощавой фигурой, длинными ногами и восхитительной грудью. С этой своей улыбкой, которую временами, в самые прекрасные мгновения, она прячет в волосах, приоткрыв рот, откинув голову назад, отдавая мне... Джин.

– Хотите кофе?

Официант – с кофейником в руке и маленьким подносом с чашечкой, которая так и ждет, чтобы ее выпили, – вторгается в мои эротические воспоминания.

– Почему бы и нет?

– Пожалуйста. С сахаром?

– Нет, спасибо, и так хорошо.

Этот официант безупречен, умеет своевременно появляться и исчезать так, что этого и не замечаешь. Да и кофе превосходный. Я улыбаюсь, снова думая о Джин, – о том, какой мы будем семьей и кем станем – может быть, родителями девочки или мальчика. Ребенок будет копией Джин? Будут ли у него мои глаза? Но характер, надеюсь, не мой. Вглядываясь в эту прекрасную юную улыбку, я что-то узнаю и о себе, вижу свое воплощение, достоинства и недостатки, свое продолжение. «В молодости я обожал мотоциклы, но бросил это дело, потому что иначе твоя

бабушка не согласилась бы на нашу свадьбу». Вспоминаю, как об этом говорил мой дед, мамин отец, когда я оставался с ним поболтать. У него всегда было что рассказать интересного и занимательного. Делаю последний глоток кофе, ставлю чашку, и мне кажется, что моя жизнь наконец-то вошла в правильную колею.

– Простите.

Я оборачиваюсь. За мной стоит официант. Он только что встал, подняв с пола конверт.

– Он выпал у вас из пиджака.

– Ага, спасибо.

Я беру конверт из его рук. Или, лучше сказать, он мне его вручает и какое-то время на меня смотрит, как если бы этот конверт обжигал, и он боялся бы узнать тайну, которая в нем содержится. Он забирает со стола пустую чашку и уходит, больше не оборачиваясь. И тогда я открываю конверт – с любопытством, но без особого волнения. И вижу эту открытку. Какая глупость! И ради нее-то так хлопотала секретарша! Верчу ее в руках. И вот что там написано: *«Прекрасные дни»*. И ниже: «Выставка Бальтюса на вилле Медичи, Французская академия в Риме, бульвар Тринита-деи-Монти». Внимательно осматриваю эту бумажку. Никакой информации об организаторах. Указано только название самой выставки – *«Прекрасные дни»*. Но мне нравится. Я кое-что знал о Бальтюсе, о его вызвавшей осуждение выставке, когда он, уже восьмидесятилетний, упорствовал и все рисовал ту девочку, те спорные картины. Его обвиняли в использовании «третьей руки», то есть фотоаппарата: полароид выплевывал фотографии в огромном количестве – в его сумбурном, но дотошном исследовании на грани педофилии. Эта маленькая девочка начала ходить в мастерскую Бальтюса с восьми лет, каждую среду, с согласия родителей, и позировала ему для портретов. И все это происходило вплоть до ее шестнадцатилетия. Бальтюс, ненасытный Бальтюс, не обращавший внимания на условности буржуазного общества. Вдруг я почувствовал, что очарован этим человеком, о котором столько всего слышал: он странным образом привлекал меня, вызывал любопытство. Я, конечно, знаю его работы, но не очень хорошо. Да и само название выставки: *«Прекрасные дни»*. Я решаю туда пойти, даже не догадываясь, что буду заинтригован этими картинами и сам, вопреки своей воле, стану героем картины, о которой не мог и помыслить.

8

Вилла Медичи – величественная, ухоженная, изящная, с залом, расписанным птицами, очаровательным парком с несколькими фонтанчиками и аккуратными живыми изгородями, которые заставляют тебя идти в нужном направлении. У входа мне улыбается распорядительница и забирает приглашение, так что мне не остается ничего другого, как войти и плестись следом за остальными. Они спокойно идут по красной ковровой дорожке и не позволяют себе с нее сходить. Фоновая музыка льется из мощных колонок, спрятанных в зелени деревьев. Нас сопровождает несколько официантов с шампанским. Впереди меня дама с темными волосами и в длинном шелковом платье восточной расцветки, словно она – одалиска, которую вынудили одеться, берет бокал шампанского, быстро его выпивает и ускоряет шаг. Женщина спотыкается на высоких каблуках, но ей удается удержать равновесие, и она кладет руку на плечо официанта. Он оборачивается, останавливается, дает ей время, чтобы поставить пустой бокал, пока гостя хватается за поднос, чтобы взять следующий. Официант идет дальше, и дама выпивает залпом и этот второй бокал. Мне приходит в голову мысль, что и она тоже – член клуба «Париоли».

Вскоре мы оказываемся в самом дворце. Высоченные потолки, закатный свет, старинные кессоны, огромные пурпурные диваны и безупречный, выложенный плитам пол. Старинные термосифоны из серого чугуна безмолвно отдыхают в разных углах зала. Над каждой из золоченых дверей надписи на латыни восхваляют возможные добродетели человека. И вот уже в первом зале сразу же замечаю великолепную картину Бальтюса. Я подхожу поближе, чтобы прочитать табличку с датой ее написания и историей. «1955, *Nude before a Mirror*» – «Обнаженная перед зеркалом». На ней изображена голая девушка перед зеркалом. Но ее лицо скрыто, закрыто руками, упрямо пытающимися удержать наверху длинные темные волнистые волосы. И тут же рядом эскиз этой картины – набросок карандашом и некоторые разъяснения: «*Обнаженная перед зеркалом*» поражает скульптурной монументальностью модели и мягким серебристым светом, обволакивающим фигуру и наполняющим комнату». Чуть ниже – название места, откуда ее привезли на выставку: «Pierre Matisse Gallery» [«Галерея Пьера Матисса»], которая любезно ее предоставила. Далее указано полное имя художника – *Бальтазар Кlossовски де Рола, французский художник польского происхождения, Бальтюс*. Вот серия картин, изображающих девочек: портрет Алис, молодой девушки с голой грудью, неуклюже поставившей ногу на стул и пытающейся убить время, бесцельно заплетая длинные волосы. А вот еще одна девочка: она сидит, положив руки на голову. Ее ноги немного раздвинуты, юбка задралась, и все это происходит в комнате, написанной в теплых тонах. Изображенная в тех же тонах кошка лакает молоко из блюдечка: похоже, ей будет просто скучно в любом случае, что бы ни произошло. И я иду дальше, вдоль этих стен, покрытых эскизами, карандашными набросками, которые мало-помалу обретают жизнь и превращаются в большие масляные картины, насыщенные чувственностью. Тихие шаги посетителей кажутся гулками, и вот я, наконец, оказываюсь в небольшом зале с роскошным окном, открывающим красное зарево заката. Я опираюсь на перила и смотрю вдаль. Над парком возвышается несколько сосен пиний. Они, словно зеленый покров, реющий над плотным ковром крыш, антенн и нескольких мятежных тарелок спутниковой связи. А купол собора Святого Петра, чуть дальше, словно дает точные указания, как его найти. И пока я теряюсь в этом бесконечном римском горизонте, в моей голове возникают рассеянные мысли – о завтрашнем собрании, о телеформате, который нужно представить, о проекте предполагаемой летней программы.

– Стэп?..

Этот голос внезапно преображает все, что меня окружает, обращает в пыль все, в чем я был уверен, обнуляет все мои мысли. Моя голова пуста.

– Стэп?

Я думаю, что мне все это мерещится: окликающий меня голос эхом отдается в голубом, слегка розоватом небе. Может, одна из девочек Бальтюса сошла с полотна и потешается надо мной? Может быть.

– Стэп? Или это не ты?

Значит, мне это не снится.

9

Она стоит за мной, элегантная, у нее на плече дизайнерская сумка Майкла Корса. Она мне улыбается. Волосы у нее короче, чем в моих потускневших воспоминаниях, зато голубые глаза такие же яркие, как всегда, а улыбка так же прекрасна, как и всякий раз, когда она улыбалась из-за меня. Она молчит и смотрит на меня. Вот так мы и стоим, на этой вилле Медичи. За мной – огромная панорама римских крыш, а передо мной – она, пронизанная этим красным закатом, отблески которого я вижу в ее глазах и в витрине за ней. Мы в этом зале одни, и никто, похоже, не прерывает этот волшебный, особый, единственный в своем роде миг. Сколько лет прошло с последнего раза, когда мы виделись? Четырнадцать? Шестнадцать? Пять? Шесть? Да, наверное, шесть. А она прекрасна, слишком прекрасна, к сожалению. Молчание, которое все длится, становится почти неловким. И все-таки у меня не получается ничего сказать; мы смотрим и смотрим друг другу в глаза и улыбаемся, и это так глупо, так по-детски. Но внезапно улыбку омрачает легкая тень. Именно теперь, думаю я, именно теперь, когда моя жизнь приобрела такое важное направление, когда я уверен в своем выборе, спокойный, как никогда. И я злюсь: мне хотелось бы быть раздраженным, равнодушным, холодным, безучастным к ее присутствию, но это не так. Совсем не так. Я испытываю любопытство и страдаю, скорбя о том времени, которое я потерял, которое мы потеряли; обо всем том, чего я в ней не видел – всех ее слез, улыбок и радостей, ее мгновений счастья без меня. Думала ли она обо мне? Появлялся ли я хотя бы иногда в ее воспоминаниях, тревожил ли я ее сердце? Или этого никогда не бывало? Или, может, она меня хотела, но боролась с собой, боролась больше меня, чтобы не сожалеть, чтобы отдалить меня? Возможно, ей нужно было убедиться в правильности своего выбора, поверить, что, останься она со мной, это было бы полным крахом. И я продолжаю любоваться ее улыбкой, отменяя ненужные размышления и тщетные попытки понять, почему мы снова здесь, друг против друга, как если бы жизнь поневоле заставляла нас задаваться этим вопросом. Баби делает странную гримасу, наклоняет голову набок и улыбается с тем своим недовольным выражением лица, которым она меня покорила и от которого у меня и до сих пор щемит сердце.

– Знаешь, а ты похорошел! Вам, мужчинам, ужасно везет: старея, вы становитесь лучше. А мы, женщины, – нет.

Она улыбается. Ее голос изменился. Она стала женственней, похудела, волосы стали темнее. У нее идеальный, аккуратный макияж без излишеств. Она еще красивее, но я не хочу ей об этом говорить. Она на меня все еще смотрит.

– Да и к тому же ты совсем другой и, черт побери, нравишься мне больше.

– Ты хочешь сказать, что я прежний никуда не годился?

– Нет-нет, дело не в этом, наоборот. Ты же сам знаешь, как мне нравился тот, прежний: было достаточно одного твоего прикосновения, чтобы меня словно ударило током.

– Да, здорово нас ударило током, когда мы наряжали елку!

– Точно!

И внезапно она начинает весело смеяться. Она закрывает глаза, откидывает голову назад, снова щурится, будто и впрямь пытается вспомнить тот день. Мы говорим о том, что произошло несколько лет тому назад.

– После того, как нас ударило током, мы поцеловались.

Я улыбаюсь, словно для объяснения природы наших отношений это обстоятельство имело решающее значение.

– Мы целовались всегда. А потом мы обменялись подарками.

Она смотрит на меня и продолжает рассказывать, словно ей хочется понять, что именно я запомнил из того вечера. Она не знает, что я отчаянно пытался ее забыть, но мне никогда

этого не удавалось, что маниакально смотрел фильм *«Вечное сияние чистого разума»* с Джимом Керри, надеясь, что и впрямь смогу стереть ее из памяти.

– Так, значит, ты помнишь, как это было?

Она лукаво улыбается, надеясь меня уличить.

– У них были две разные карточки.

– Но подарки-то были одинаковые!

Она совершенно счастлива и, бросая на пол свою сумку от Майкла Корса, бросается ко мне, обнимает меня, прижимается и кладет мне голову на грудь. А я все так и стою – нерешительный, изумленный, опустив руки и не совсем понимая, куда их девать, словно они чужие, не на месте. С ощущением, будто что бы я с ними ни сделал, это в любом случае будет неправильно.

– Я так счастлива снова тебя увидеть!

Услышав эти слова, наконец обнимаю ее и я.

10

Мы выходим в безупречно ухоженный сад. Солнце выглядывает из-за крыш самых далеких домов. Воздух совершенно неподвижен. Сейчас лишь четвертое мая, но уже жарко. Мы сидим друг напротив друга, еще ничего не заказав. Да, надо попросить принести что-нибудь выпить, а, может, и поесть. Я и сам не очень-то понимаю, что именно – может быть, холодный капучино.

– Ты вообще не меняешься.

– Пожалуй.

Не помню, что мы еще сказали друг другу. Мы все еще молчали, рассматривая руки, одежду, ремни, обувь, пуговицы, детали одежды друг друга, которые могут что-нибудь рассказать. Но мне ничто ни о чем не говорит, и я не хочу слушать. Я боюсь, что мне станет плохо, боюсь страданий, я больше не хочу ничего чувствовать.

– Помнишь, мы развернули свертки и онемели: в них были совершенно одинаковые толстые моряцкие свитера, цвета синей сахарной бумаги. Когда-то мы проходили мимо магазина, и нам обоим они понравились; мы оба говорили о них с восторгом. Я решила тебе его купить, а потом на мой день рождения я бы попросила тебя подарить мне такой же. Но вот я нашла его в рождественском свертке! Он был восхитительным.

– «Дентиче».

– Что? – Она смотрит на меня в изумлении, ошарашенно, думая, что я сошел с ума.

– «Дентиче». Тот магазин, в который мы зашли, а потом поодиночке купили свитера, назывался «Дентиче».

– Да, правда, на площади императора Августа. Интересно, открыт ли он до сих пор?

Да, открыт, но я ничего не добавляю. Потом она отпивает свою газировку, ест картошку фри и, наконец, вытирает рот. Положив салфетку на стол, она какое-то время сидит неподвижно. Одной своей рукой она касается другой и начинает крутить кольцо на безымянном пальце. У нее обручальное кольцо. Ничего не изменилось; в конце концов, она замужем. На мгновение у меня прерывается дыхание, у меня комок в горле, сводит желудок, и накатывает тошнота. Я пытаюсь взять себя в руки, снова набрать в легкие кислорода, восстановить дыхание, успокоить бешеное биение сердца, и мало-помалу мне это удается. Но чему ты изумляешься? Ты же это знал, Стэп, неужели не помнишь? Она сказала тебе об этом в тот вечер, в последний раз, когда вы были вместе, занимались любовью под дождем. Когда вы вернулись в машину, она тебе это сказала.

– Стэп, я должна тебе сказать одну вещь: через несколько месяцев я выхожу замуж.

Теперь, как и тогда, мне кажется невероятным, что это действительно произошло, но я делаю вид, что ничего не случилось, беру капучино и смотрю вдаль. Мои глаза немного затуманены, но я надеюсь, что это незаметно, и потому медленно пью, немного шурю, чтобы придать себе важности, отыскать бог знает какой ответ, следить за полетом какой-нибудь испуганной чайки, которой на этот раз, к сожалению, как раз нет.

– И я сделала это, да, – говорит она. Оборачиваясь, я вижу, что она мне спокойно, безмятежно улыбается; она хочет, чтобы я ее понял. – Я не нашла в себе сил остановиться. – Она проводит пальцем по обручальному кольцу. – Может, для нас было лучше так, не считаешь?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты не спрашивала меня ни о чем, когда я мог ответить.

Мне хотелось продолжить: «... когда я мог все это остановить; когда твоя жизнь еще могла стать нашей; когда мы не потеряли друг друга; мы бы повзрослели, наплакались, были бы счастливы и в любом случае остались бы самими собой, вместе. И тогда не было бы этого ужасного пробела, мы бы не потеряли времени, которого нам сейчас так не хватает, мы бы не сожалели

об этой пройденной, потерянной и, может быть, бесполезной жизни. Все кажется мне таким пустым, таким ужасно растраченным. Я не могу согласиться с тем, что пропустил даже секунду твоей жизни, один лишь вздох, улыбку или печаль. Мне хотелось бы быть, пусть даже молча, рядом с тобой, возле тебя».

– Ты сердишься?

Она смотрит на меня серьезно, но все так же спокойно. Кладет свою левую руку на мою и гладит ее.

– Нет, не сержусь.

Тогда она кивает и снова улыбается. Она довольна.

– Да нет же, сержусь, – непроизвольно говорю я.

И убираю свою руку из-под ее руки. Она кивает головой.

– Верно, ты прав, иначе это был бы не ты. Кроме того...

Но больше она ничего не добавляет, а я предоставляю все воображению, думая о том, что могло бы произойти; о том, что я мог бы сказать, как я бы мог просто с ней поздороваться, едва ее встретив. И мы снова молчим.

– Стэп?

Ей нужно мое одобрение; ей хотелось бы, чтобы я согласился, чтобы так или иначе ее простил. Да, она ждет моего милосердия, но я не знаю, что сказать. Мне не приходят на ум слова, не приходит в голову ни одна фраза – ничего, что могло бы поправить положение, устранить эту странную неловкость, возникшую между нами. Тогда она снова кладет свою руку на мою и улыбается.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, знаю, почему ты сердишься...

Я хотел бы ей ответить и сказать, что она абсолютно ничего не знает, не может знать того, что я испытал, что чувствовал всякий раз, когда думал о ней, и что мне следовало бы забыть ее навсегда. Но этого не произошло. Я был не в силах запретить ей проникать в мои мысли. Она гладит мою руку и продолжает смотреть на меня. Ее глаза почти увлажняются, словно она вот-вот заплачет, и нижняя губа слегка дрожит. Либо за это время она стала прожженной притворщицей, либо действительно испытывает сильное волнение. Но я не понимаю, к чему вся эта растроганность? Может, она что-то узнала про меня и Джин? Но даже если и так? Мне нечего скрывать. Она успокаивается, приходит в себя, делает большие глаза, словно собираясь меня рассмешить, и, внезапно повеселев, восклицает:

– Я принесла тебе подарок!

И достает из сумки сверток в синей бумаге, с голубым бантиком. Она знает мои вкусы, и там, разумеется, есть записка. Она привязана веревочкой и запечатана половинкой свинцовой пломбы. Я смотрю на этот сверток. Должен сказать, что я изумлен и смущен. Я уже собираюсь открыть сверток, но она быстро выхватывает его из моих рук.

– Нет! Подожди...

Я смотрю на нее с недоумением.

– В чем дело?

– Сначала ты должен кое-что увидеть, а то не поймешь.

– Да я и впрямь, клянусь тебе, не понимаю...

– Сейчас поймешь...

Она говорит это голосом женщины – уверенной и решительной. Теперь Баби смотрит вдаль, словно зная, что там, чуть дальше, под деревьями, в глубине парка, есть кто-то, кто ждет ее знака. Но она разочарована: такое впечатление, что она не обнаружила того, что ждала. Она вздыхает, будто кто-то нарушил договор.

Но потом она восклицает: «Да вот он!» – и ее лицо озаряется улыбкой.

Она поднимает руку, машет ей, чтобы показать тому человеку, кем бы он ни был, где она находится, а потом встает и радостно кричит: «Я здесь! Здесь!»

Я смотрю в том же направлении и вижу ребенка. Он бежит к нам, с ним женщина в белом, которая остается в стороне; рядом с ней – маленький велосипед. Мальчик подбегает ближе, задевает прохожих, почти спотыкается на белой дороге, вымощенной маленькими камушками. Он вот-вот потеряет равновесие и упадет на землю, но Баби протягивает к нему руки, и он бросается к ней, а она чуть не падает вместе с закачавшимся стулом.

– Мама! Мама! Ты не представляешь, просто не представляешь, как это здорово!

– Что случилось, солнышко?

– Я сделал круг на велосипеде. Сначала Леонор меня немного придерживала, а потом отпустила. Дальше я крутил педали сам и не упал!

– Молодец, солнышко!

И они крепко обнимаются. Глаза Баби за волосами ребенка ищут мой взгляд, и она кивает, словно хочет, чтобы я что-то понял. Внезапно мальчик вырывается из ее рук.

– Я чемпион, мама! Правда же? Я чемпион?

– Да, солнышко. Могу я тебе представить моего друга? Его зовут Стефано, но все зовут его Стэп!

Ребенок оборачивается и видит меня. Он смотрит на меня несколько нерешительно, а потом неожиданно улыбается.

– А можно и я буду звать тебя Стэпом?

– Конечно, – улыбаюсь я.

– Тогда я буду звать тебя Стэпом! Отличное имя. Оно напоминает мне Стича!

И он убегает. Красивый, со смуглой кожей, пухлыми губами, ровными белыми зубами и черными глазами. На нем футболка в белую, голубую и синюю полоску.

– Чудесный малыш!

– Да, спасибо.

Баби довольно улыбается. Настоящая мама! Должен сказать, что мне приятно видеть ее такой красивой в своем счастье, которого я, может быть, не смог бы ей дать. Об этом она, наверное, и думала, когда решила разорвать наши отношения. И тут Баби внезапно вторгается в мои мысли.

– А еще он умный и очень чуткий, романтичный. Мне кажется, что он понимает гораздо больше, чем показывает. Иногда он меня изумляет, и у меня сжимается сердце.

– Да, – соглашаюсь я, но думаю, что так рассуждают все матери. Баби следит взглядом за своим ребенком. Он вернулся к няне, снова взял велосипед, сел на него, пробует ехать. Наконец у него это получается, и он немного проезжает по дорожке, не упав.

– Bravo! – Баби хлопает в ладоши.

Она сияет от радости, гордясь этим достижением, которое кажется ей выдающимся, а потом поворачивается ко мне и протягивает мне сверток.

– Возьми. Теперь ты можешь его открыть.

Точно! А я о нем уже и забыл. Я даже смущаюсь.

– Не бойся, это не книга и даже не пистолет! Давай, открывай его!

Тогда я начинаю его разворачивать и, сняв тонкую оберточную бумагу, которая его скрывала, обнаруживаю футболку моего, пятьдесят второго размера, с белым воротничком. Разглядываю ее внимательней. Глазам своим не верю! Она в белую, голубую и синюю полоску – точь-в-точь такая же, как на ее сыне. Тогда я поднимаю взгляд на нее, но она серьезна.

– Да. Да, это так. Может быть, именно поэтому я по тебе никогда не скучала.

Я чувствую, что у меня перехватывает дыхание. У меня кружится голова. Я стою с открытым ртом – потрясенный, взволнованный, удивленный, рассерженный, смущенный. Ошеломленный. Я не могу в это поверить, этого не может быть! Так, значит, тот вечер, тот последний раз... стал тем, что «навсегда»?

– Мама, смотри, смотри, я отлично еду!

Малыш проезжает мимо нас, крутя педали своего маленького велосипеда; он улыбается, его волосы развеваются на ветру. Я смотрю на него, он смеется, на секунду отрывает руку от руля и машет мне:

– Пока, Стэп!

Потом снова быстро берется за руль и сильно его сжимает, чтобы не выпустить его и не упасть на землю, возвращается к своей няне, исчезая так же, как и появился в моей жизни. В его глазах, в его губах, в его улыбке я вижу что-то такое, что напоминает мне мою мать, но еще больше – мои детские фотографии из семейного альбома. И тогда Баби снова трогает меня за руку.

– Почему ты ничего не скажешь? Видел, какой красивый у тебя сын?

11

В мою жизнь ударила молния. У меня есть сын. Подумать только: это всегда было одним из моих самых затаенных желаний. Быть связанным с женщиной, не обещанием любви или браком, а ребенком. Соединением двух людей в этом почти божественном мгновении, которое проявляется во встрече двух существ, в сочетании, которое стремительно вращается, выбирает детали, оттенки, цвета, набрасывая, словно мазками, маленький эскиз будущей картины. Этот невероятный пазл, который, элемент за элементом, складывается, чтобы потом, однажды, появиться на свет из чрева женщины. И оттуда начать свой полет, подобно бабочке, или голубю, или соколу, или орлу, для неизвестной, другой, невероятной жизни – может быть, совсем не такой, как у тех, кто ее породил. Я и она. Я и ты, Баби. И этот ребенок. Я пытаюсь пролепетать что-нибудь разумное:

– Как ты его назвала?

– Массимо. Как полководца, хотя пока он научился водить только велосипед. Но и это уже победа.

Баби смеется, выглядит легкомысленной, вдыхает окружающий нас благоуханный воздух и распускает свои волосы, подставляя их ветру, которого на самом деле нет. Она не ищет ни прощения, ни сочувствия, ни оправдания. Однако это наш сын. И я мысленно возвращаюсь в то время, на шесть лет назад, на тот праздник, вечеринку на роскошной вилле, куда меня привел мой друг Гвидо. Я хожу между людьми, на ходу беру стакан рома – «Памперо», самого лучшего. Потом выпиваю еще один стакан, потом еще один. И, под звучащую у меня в голове музыку Баттисти, брожу по комнате. *«Как может скала сдерживать море?»* Даже сейчас не могу ответить на этот вопрос. Я подхожу к картине – натюрморту Элиано Фантуцци. Помню, как мое внимание привлёк изображенный на нем большой кусок арбуза на столе. Он довольно нечеткий, как и вся живопись этого автора. На его полотнах все выглядит, словно увиденное глазами близорукого человека без очков, – почти выцветшим. И мне внезапно вспоминается Баби, наклонившаяся вперед с куском арбуза в руках. Она смеется и, не мешкая, сразу же погружает лицо в эту красную мякоть, в самую середину. Стоит лето, мы на проспекте Франции со стороны Флеминга, в конце моста, под последним орлом. Ночь жаркая; местный киоск всегда открыт. А чуть дальше делают колбаски сальсиччи; об этом можно догадаться по запаху и тому белому, плотному, густому дыму, который поднимается от углей, словно знаменуя, что избран новый папа. Мы слышим шипение масла, на котором жарятся сальсиччи; его запах липнет к телу, но ветер, к счастью, его уносит (или, по крайней мере, мы тешим себя такой иллюзией).

– Привет, Стэп! Берите, берите, потом рассчитаемся.

Я приветствую Марио улыбкой, и Баби набрасывается на кусок арбуза, ей не нужно напоминать об этом дважды.

– Вот молодец! Выбрала себе самый темный, самый спелый.

– Да, но если хочешь, я дам тебе кусочек.

И это ее обещание заставляет меня рассмеяться.

– Нет уж, я возьму его себе весь, целиком, жадина!

И я в него вливаюсь. Мой кусок арбуза чуть светлее, но такой же чудный и концентрированный, как этот изумительный вечер, который мы проживаем. Баби ест справа налево, как пулемет, и веселится, выплевывая оставшиеся во рту косточки.

– Да я прямо как Джулия Робертс в *«Красотке»*.

– Это как? – весело смеюсь я. – В каком смысле?

– Дурак! Когда она выплевывает жвачку.

Да, вот такими мы были, в ту прекрасную ночь в середине лета. И, вспоминая о ней, я снова оказываюсь на той вечеринке, и словно эхо из соседней комнаты, до меня доносится знакомый смех; я к нему прислушиваюсь и меняюсь в лице. У меня нет сомнений. Это она. Баби. Она в центре внимания, смеется сама и заставляет смеяться остальных, что-то рассказывая. И тогда я ставлю стакан, протискиваюсь в толпе, пробираюсь между незнакомыми людьми, между проходящими мимо меня почти как в замедленном темпе официантами и, наконец, вижу ее: она сидит на подлокотнике дивана, в центре гостиной. Не успеваю вернуться назад, смешаться с толпой других, находящихся тут же, в нескольких метрах от меня, как она оборачивается, словно что-то почувствовала – будто то ли сердце, то ли разум, то ли какая-то загадочная причина побудила ее это сделать. Лицо Баби сначала выражает изумление, а затем расцветает от счастья.

– Стэп... Как здорово! Но что ты тут делаешь?

Она встает и нежно целует меня в щеки. Я почти растроган. Она берет меня под руку, и я чувствую, как она подводит меня к людям, сидящим вокруг дивана. Я пьян, я ничего не понимаю и только иду туда, куда перемещается ее бокал вина «Карон».

Что я здесь делаю? Как я тут оказался? Баби... Баби. Мы прогуливаемся, знакомимся с другими людьми. Время от времени она берет себе что-то со шведского стола или с подносов официантов. Помню, у меня был с собой телефон. Я вытаскиваю его из кармана, перевожу на беззвучный режим и делаю так, что он для меня исчезает, забываю о нем. Но не о ней. Теперь я ей улыбаюсь и на ходу беру бокал шампанского.

– Нет, извините, дайте два.

Она почти недовольна, что я не подумал о ней сразу же, и передаю ей бокал.

– Извини меня...

– Ничего страшного. – И она его выпивает, посматривая из-за стекла. Я хорошо знаю этот взгляд. – Я так счастлива тебя видеть.

– И я тоже, – почти непроизвольно отвечаю я.

Она выпивает шампанское залпом, а потом ставит бокал на подоконник.

– Как же мне нравится эта песня! Пойду танцевать. Ты смотришь на меня, Стэп? Я только немного попрыгаю, и потом мы уйдем отсюда вместе. Подожди меня, пожалуйста...

И она целует меня в щеку – но так пылко, что касается и губ. И убегает. Было ли это случайностью? Она танцует среди людей, кружится с закрытыми глазами... Оставшись на середине площадки одна, она поднимает руки к небу и громко, во весь голос, поет песню «Просто» группы «Абсолютный ноль». Я тоже допиваю шампанское и ставлю мой бокал рядом с ее. Мне бы хотелось уйти. Да, я сейчас уйду, исчезну... Может, она и обидится, но так будет лучше. Но я не успеваю даже пошевелиться, как она стискивает мне руку.

– Какая красивая эта песня... *«...Страсть, которая остается... просто не забывай... на-на-на-на! Просто, как встретиться, потерять друг друга, снова найти, любить, расстаться... Может, могло быть и лучше... Просто».*

Она меня обнимает, крепко ко мне прижимается и почти шепчет: «Как будто ее написали для нас». – И замолкает в моих объятиях, но я не знаю, что делать и что сказать. В чем дело, Баби? Что происходит?

Баби берет меня за руку и уводит с почти закончившейся вечеринки, из этого особняка, мимо лужайки, аллеи, ворот. Уводит в свою машину, в ночь. Мы любили друг друга так, словно мы встретились снова, словно с этого времени уже больше ничего не могло измениться. Как будто это было знаком судьбы и вечеринка должна была стать памятной датой, причиной, воссоединением. Начинается дождь, и она вытаскивает меня из машины. Ее блузка уже расстегнута, она хочет заняться любовью под дождем. Она не противится ни ласкам струящейся воды, ни тому, как я целую ее мокрые соски. Под юбкой у нее ничего нет. Она чувственная, дерзкая, страстная... Я позволяю ей быть главной. Баби садится на меня верхом, сильно меня сжимает,

стискивает меня, и я теряю всякий контроль. Она шепчет: «Еще, еще, еще», и кончает только после меня. Она падает на меня и нежно целует – тут-то я и чувствую вину. Джин... Когда мы вернулись в машину, она произнесла слова, которые были для меня острее ножа:

– Через несколько месяцев я выхожу замуж.

И вот это мне сказала Баби, еще горячая от нас обоих, от моих поцелуев, от моей любви, от наших вздохов.

– Через несколько месяцев я выхожу замуж.

Словно ее заклинило.

– Через несколько месяцев я выхожу замуж.

Это был всего лишь миг, но у меня сжалось сердце, у меня перехватило дыхание.

– Через несколько месяцев я выхожу замуж.

В тот вечер мне показалось, что все кончено. Я почувствовал себя грязным, глупым, виноватым. Поэтому и решил сказать правду Джин. Я попросил у нее прощения, потому что хотел вычеркнуть из своей жизни и Баби, и даже этого Стэпа, пьяного от рома и от нее. Но существует ли прощение для любви?

– Ты пытаешься понять, когда это произошло?

Голос Баби переносит меня в настоящее.

– Не думаю, что могут быть какие-то сомнения; это невозможно перепутать. Все произошло в последний раз, когда мы с тобой виделись. Когда мы встретились на той вечеринке.

Она смотрит на меня лукаво, словно она снова стала тогдашней девчонкой. Почти мучительно отвести от нее глаза, но я должен их отвести, должен.

– Я был пьян.

– Да, правда. Может, именно поэтому твои поцелуи казались особенно страстными. Ты себя совсем не контролировал. – Она делает паузу. – Это случилось в тот вечер. – Она говорит это с полуулыбкой, надеясь разделить со мной эту уверенность. Если бы только потом, сразу же, она не добавила нечто жестокое. Баби опускает глаза, как если бы ей было легче говорить, обращаясь к земле, к этому глухому гравию у нас под ногами. И начинает странную исповедь. – Я знала, что так или иначе ты остался во мне, или что в любом случае что-то произошло, что-то потерялось... или нашлось. Но если бы ты меня не отпустил, то, я уверена, моя жизнь изменилась бы. Я изменила бы свой выбор, отказавшись от решения, которое приняла. Страсть – это совсем не то, что повседневная жизнь. Моя мама мне так всегда и говорила: через несколько лет остается все, кроме страсти. Ты помнишь, сколько мы с тобой в последнее время ссорились? Мы набирались опыта – но по-разному.

И правда, мы часто ссорились. Я ее уже не узнавал; я боялся ее потерять и не знал, как удержать ее. Те волны, которые сбили нас с ног, теперь били нас о все более непрочную, зыбкую землю. По крайней мере, так это чувствовал я.

– Так что на следующий день я была с ним. Мне это стоило огромных усилий, потому что я была еще пропитана твоим запахом. Мне пришлось пустить его по ложному следу. Потом я плакала. Чувствовала пустоту, тоску, абсурдность. Я бы хотела быть свободной решать, как строить свою жизнь... Но я не была свободна, не знала, что делать. – Она поднимает голову, поворачивается ко мне. Я чувствую, что она на меня смотрит, но я гляжу на землю, а потом и сам поднимаю голову и смотрю вдаль, как можно дальше. Что значит: «Быть свободной решать, как строить свою жизнь»? Если она не твоя, твоя жизнь, то чья же? Чьей она может быть? Почему у Баби всегда были эти странные мысли, которых я, честно говоря, никогда не понимал? Как будто ее жизнь была обусловлена кем-то или чем-то, как будто принадлежала другим, как будто она не могла исполнять свои желания полностью, по-настоящему быть самой собой. И лишь иногда она казалась мне независимой, веселой, свободной и непокорной – когда мы теряли ощущение времени, забывали о том, что нужно вернуться домой, о школе и об экзаменах, когда она была со мной и говорила, что любит меня, и крепко прижималась ко мне, когда

мы занимались любовью, и она обвивала своими ногами мою спину, чтобы быть еще больше моей, чтобы не отпускать меня. Как в тот вечер.

– Почему ты думаешь, что это мой сын?

Но я не успеваю это сказать, как вижу, что он подъезжает на своем велосипеде. Он едет ловко, стоя на педалях, приподнявшись над седлом. Подъезжая, он тормозит одним колесом назад, и велосипед заносит вбок, раздается странный скрежет. В конце концов велосипед падает на землю, и Массимо, хотя и удерживается на ногах, смотрит на нас несколько недоуменно.

– Мама, но у того мальчика получилось.

И, подняв подбородок, указывает им куда-то назад.

– Кто знает, когда он этому научился! А для тебя это первый день.

Услышав это объяснение, он становится гордым и уверенным.

– И правда, я хочу снова попробовать. – Потом, словно вспомнив обо мне, спрашивает:

– Стэп, а ты умеешь ездить на велосипеде?

– Да, немножко.

– А...

Мне кажется, он доволен. И, в довершение ко всему, Баби добавляет:

– Он скромничает. Он ездит на нем превосходно, умеет выделывать с велосипедом такие штуки, что ты себе даже не представляешь.

– Круто! – Он мне улыбается, увидев меня совсем в другом свете. – Тогда тебе нужно вернуться сюда, в парк, и самому взять свой велосипед: так ты меня научишь.

И после этих слов, чтобы не ждать ответа, чтобы не услышать «нет» и не разочароваться, или по какой-то другой причине, он убегает.

Баби смотрит ему вслед.

– И у тебя еще есть какие-то сомнения? Ты еще думаешь, что он не твой сын? Он похож на тебя, как две капли воды, во всем и по всему, даже в том, что он делает. Есть только одно, в чем он немного отличается.

Внезапно я словно просыпаюсь, быстро оборачиваюсь к ней, испытывая такое любопытство, как еще никогда в жизни.

– В чем?

– Он красивей!

И она разражается смехом, радуясь тому, что меня надула. Она закрывает глаза, запрокидывает голову и перебирает ногами; ее платье задирается, и ее ноги можно хорошенько рассмотреть только сейчас. Она красивая. Прекрасная, более женственная, более чувственная, но еще и мама. Может, именно это делает ее еще желанней? И мне вспоминаются ее прежние слова: «Мне пришлось пустить его по ложному следу...» Это меня странным образом возбуждает, и именно поэтому я чувствую себя виноватым. Баби перестает смеяться и кладет руку мне на руку.

– Прости, не понимаю, что это на меня нашло.

Баби становится серьезной. И, хотя ее снова одолевает смех, она пытается остановиться и молча машет рукой, словно говоря: «Подожди, сейчас у меня получится». И действительно: она фыркает от смеха в последний раз и потом уже не смеется.

– Ну вот, я серьезна. – Она переводит дыхание. – Ты не знаешь, как я счастлива, я каждый день представляла себе это мгновение с того дня, как он родился. Я хотела только одного: встретить тебя, показать его тебе, чтобы ты поделился со мной это счастье – каждый день, когда держала его на руках, кормила его грудью, баюкала его, укачивала, снова кормила, по ночам, одна, на рассвете. Так вот, в каждый из этих моментов ты был со мной. – Она на меня растроганно смотрит, ее глаза полны слез. – Потому-то я без тебя не скучала – потому что ты никогда и не уходил.

Я молчу и смотрю на футболку – точно такую же, как и у Массимо, нашего сына. Потом Баби встает. Кладет на стол свою визитку и деньги – внутрь счета, который нам принесли. Я не успеваю ничего сказать. Она делает все сама.

– Мне приятно заплатить... В конце концов, это я надеялась на нашу встречу. Вот мои номера. Звони мне, когда хочешь. Мне было бы приятно, если бы мы опять встретились. Мне нужно столько всего тебе рассказать.

И она уходит. Мне вспоминается эта песня Бальони: *«...этот беспорядок, который ты оставила в моих бумагах, уйдя вот так, как во время нашей первой размолвки – только тогда мы уходили, повернувшись спиной...»* Я ее всегда ненавидел, эту песню – может быть, потому, что всегда боялся, что этот момент настанет и для меня. И сейчас так оно и есть. *«...Было ли оно на самом деле – это мгновение вечности, которого уже нет...»* Я вижу, как она ерошит волосы этого ребенка – такие же темные, как мои. И смотрю на эту женщину, на ее джинсовую куртку поверх белого платья с красными, синими и голубыми рисунками, похожими на парусники и зонтики. Оно похоже на те платья, которые я тискал бесчисленное количество раз, хотя мне их все равно не хватало. Но настанет ли когда-нибудь такой момент, когда меня насытит твоя любовь? Что бы ни произошло, даже если когда-нибудь ты станешь совершенно моей, удовлетворю ли я когда-нибудь эту страсть к тебе? И я отвечаю себе, что нет, что мне тебя всегда будет мало.

Я обречен. Баби была создана специально для меня, и я не могу всего этого понять. Я не слушаю никаких доводов разума, и это лишает меня возможности быть решительным, непреклонным, суровым, даже злым. Я продолжаю смотреть, как она уходит вот так, повернувшись спиной, своей неповторимой походкой; хотя и прошло шесть лет, я ее никогда не забывал и, пожалуй, никогда не забуду. Ее попа, ее ноги, уже слегка загорелые, и эти синие высокие туфли на веревочной или, может, на пробковой подошве, которые постукивают при каждом шаге... Она не оборачивается, но зато оборачивается этот ребенок: он поднимает руку, машет мне и улыбается. И от этого я испытываю такую боль, которая сильнее всего, что я чувствовал до сих пор.

12

Я возвращаюсь к машине. Не могу в это поверить: вот так, внезапно, в самый обычный день, каких много, моя жизнь меняется: у меня есть сын. И это не сообщение о чем-то, что произойдет, что создается, что будет когда-то. Нет, мой сын здесь, похожий на меня, красивый, улыбочивый, забавный. И вдруг я чувствую к нему такую ревность, о какой никогда бы и не подумал. Я ревную к мужчине, пусть даже он и мальчик. Потому что я представляю его отца, который к тому же совсем не отец. Представляю, как он его ругает, обнимает, целует, прижимает его к себе, говоря ему ласковые слова. Слова, которые должны быть моими, которые следует говорить мне, которые должны были бы принадлежать мне – только мне, и никому другому. А потом мне представляется другая картина – вид этого псевдоотца, который с силой хватается малыша за ручонку, бьет его, кричит на него, издевается над ним, унижает его перед незнакомыми людьми – так, как это однажды происходило на моих глазах в ресторане, пока я ждал друзей. Мужчина – только потому, что маленький сын немного шумел во время еды, – схватил его руку и несколько раз ударил ею по столу, заставив мальчика молча заплакать. И женщина, мать этого ребенка, ничего не сказала, сделала вид, что ничего не произошло, продолжала потягивать вино. Потом она внезапно обернулась, словно почувствовав мой взгляд, и когда поняла, что я видел все то, что произошло, – тогда и только тогда она покраснела и что-то прошептала этому мужчине на ухо. А я так и смотрел на этот стол, на этого молчаливо плачущего ребенка. По его лицу все текли и текли слезы, и он сидел с опущенной головой, как это делают дети, когда хотя скрыть, что им грустно. И что же он такого страшного натворил? Его наказали за то, что он немного шумел? Женщина была в явном замешательстве; она смотрела на мужа, вылупив глаза, как бы говоря: «На нас смотрят». Она повела себя так только потому, что почувствовала осуждение постороннего? Но разве наше поведение становится постыдным только тогда, когда на нас смотрит кто-то другой? Разве мы не в состоянии судить о неправильности наших действий сами? Разве для того, чтобы нам стало за них совестно, нам нужен кто-то другой? Я продолжал смотреть на тот стол. Женщина делала вид, что меня не видит, но я чувствовал, как она исподтишка за мной наблюдает. Мужчина на мгновение повернулся, оглядевшись вокруг, и, когда встретился со мной взглядом, пожал плечами и продолжил есть то, что было перед ним в тарелке. Потом он резко толкнул мальчика, который испуганно вздрогнул. Мужчина показал ему на тарелку и снова махнул рукой, словно говоря: «Давай ешь, не тяни, чего ты ждешь?» И тогда ребенок, все так же, не поднимая головы, взял вилку и другой рукой принялся играть с тем, что было на тарелке, но потом, после другого подзатыльника отца, положил еду себе в рот. Так вот: казалось, что все в порядке, но время от времени его плечи вздрагивали в такт тем всхлипам, которые так и не могли прекратиться. Мне бы хотелось снова встретиться взглядом с этим человеком и вызывающе поднять подбородок. А если бы он ответил на мой вызов, то, может быть, мы подрались бы прямо там, в ресторане, или я предложил бы ему выйти на улицу. Но потом этот ребенок оглядывается вокруг, видит меня и, когда я ему улыбаюсь, он, немного стыдясь, улыбается мне в ответ. Нет, ради него я бы, пожалуй, этого не сделал, не стал бы унижать его отца. Его отца. Этого человека, который так с ним обращался. А Массимо? Как, интересно, ведет себя с ним человек, который велит называть себя папой? Как относится к моему сыну муж Баби? Терпеливый ли он? Заботливый ли он? Играет ли он с ним? Или он раздражен его криками, его возражениями, его желанием играть? И вот я представляю себе Массимо: он встал между ним и телевизором во время футбольного матча. Может быть, этот человек тоже из Рима, болеет за местную команду. А поскольку мальчик не дал ему увидеть дурацкий гол, а любимая команда отставала на три очка, и шли последние минуты компенсированного времени второго тайма, это человек пинает моего сына и потом давит ногой игру, которую очень любит Массимо. Он разбивает на тысячу осколков

пожарную машину, которая уже больше не сможет никого спасти, или куколку Машу, так что медведь будет всегда об этом печалиться, или еще что-нибудь другое. Однако в любом случае он делает это с яростью, приводя в отчаяние Массимо, который пытается собрать обломки, соединить их... Мои мысли, болезненные проекции, образ этого ребенка. И вдруг все взрывается. Чернота.

– Черт, смотри, куда идешь, скотина!

Я с кем-то сталкиваюсь; его лицо – перед моим. Я вижу большие глаза, всклокоченные темные волосы, бороду, куртку. Взрослый, крупный мужчина, лающий голос. И инстинктивно мои руки тянутся к его горлу, швыряют его к стене за его спиной. Я сильно сжимаю его шею, приподнимаю его, продолжаю давить и вижу, как он брыкается ногами в воздухе, почти в нескольких сантиметрах от земли. А я все толкаю и толкаю его, сжимая его горло еще сильнее, – и потом внезапно вижу Массимо: он проезжает рядом на велосипеде и улыбается мне. И качает головой.

– Стэп... Нет, он здесь ни при чем.

Это правда. Я соображаю, что происходит; я сжимаю руками шею человека. На вид ему около сорока; его глаза прикрыты, зажмурены, словно он напрягается в попытке отдышаться, вдохнуть... Я его отпускаю, разжимаю хватку, и он медленно сползает по стене, кашляет. И я смотрю на мои еще красные, опухшие руки. Я смотрю на них в ужасе, словно они испачканы кровью. Только теперь я понимаю, как меня ослепила ярость. Но человек из моих мыслей мучил моего сына. Моего сына. И я оборачиваюсь. Массимо уже нет, нет никого. Я помогаю мужчине подняться.

– Извините меня... – Я не знаю, что еще сказать. – Я не хотел вас обидеть...

Но я вижу, что он смотрит на меня в замешательстве, и понимаю, что лучше уйти без лишних слов, чтобы не осложнять ситуацию.

13

Я захожу в офис и запираюсь в своем кабинете, ни с кем не здороваясь; открываю синий холодильник и достаю бутылку кока-колы. Я стою, прислонившись к дверце, чувствую спиной магниты, привезенные из многочисленных поездок, пытаюсь узнать какой-нибудь из них, но у меня не получается. Хотя если бы я по-настоящему сконцентрировался, то смог бы назвать все. Но я этого не делаю. Это меня не занимает. Мне хотелось бы, чтобы вместо кока-колы у меня была бутылка «Джона Балли». Я бы выдул ее всю, как в фильмах. Хотя я понимаю, что в таких сценах ром и виски – это просто вода и кока-кола... Но некоторые пили по-настоящему, чтобы быть еще убедительнее, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. В фильме *«Апокалипсис сегодня»* так делал Мартин Шин, и эта сцена получилась действительно правдоподобной, ну еще бы! Говорят, что он лупил кулаками по зеркалу и порезал себе руки. Может, это случилось потому, что в день съемок Мартину Шину исполнялось тридцать шесть, и он был в свой день рождения совершенно пьяным. Мне почти тридцать, это не мой день рождения, но, может, и мне есть что отпраздновать. На тех же съемках, которые должны были продлиться «всего лишь» пять месяцев, а на деле продолжались до бесконечности, с Мартином случился сердечный приступ. Так что я открываю бутылку и прикладываюсь к ней, пытаюсь максимально подражать Мартину Шину, даже без алкоголя! Я допиваю кока-колу, и мне приходит в голову одна вещь: у Мартина Шина несколько детей, и некоторые из них использовали его настоящую фамилию – Эстевес. И только один использовал артистическую фамилию: Чарли Шин. Он пользовался большим успехом, но он алкоголик. Чего он только ни вытворял – настолько, что его отстранили от участия в телесериале, на съемках которого он зарабатывал по два миллиона долларов за эпизод, рекордную сумму для многих американских актеров. Тонкая и проклятая нить связывает беспокойные жизни Мартина и Чарли Шинов. Их связь невероятна – вплоть до сходства черт лица. Произойдет ли такое и у меня с Массимо? Может, я об этом никогда не узнаю. И эта мысль приводит меня в отчаяние, так что мне и впрямь хочется раздобыть бутылку рома и выпить ее, припав к ее горлышку, без стакана, не останавливаясь, одним махом, пока не упаду без чувств.

Я слышу стук в дверь и потому делаю последний глоток и швыряю бутылочку в корзину, не промахнувшись, по крайней мере, в этом.

– Кто там?

– Я.

Я узнаю этот голос и его уверенность. Да, пожалуй, мне не помешало бы с кем-нибудь поговорить.

– Входи.

Он открывает дверь и идет к холодильнику. Берет колу и, прежде чем закрыть его, смотрит на меня, улыбается и задает чисто риторический вопрос:

– Можно?

– Дурак, – отвечаю я ему.

Он продолжает улыбаться, открывает бутылку и садится в большое кожаное кресло у окна.

– Ладно, но «дурак» наводит меня на мысль, что не все так уж плохо.

Я смотрю на Джорджо Ренци. Он смеется, уверенный в своей хитрости. Он старше меня как минимум на пятнадцать лет, но все еще выглядит как молодой парень. У него длинные волосы; он занимается серфингом и кайтсерфингом, выиграл множество соревнований по всему миру, и однажды я видел, как он дрался. В общем, я бы не хотел попасться ему под руку. Его специализация – финансы. Он знает, как преумножить их, знает, как давать деньги взаймы и как их возвращать, когда они уже принесли доход. То, что я в этом офисе, его заслуга. По

сути, и кока-колу, и холодильник, и все остальное подарил мне он. Но самое главное, я ему доверяю. Он не может заменить Полло, но умеет сделать так, чтобы мне было не так плохо, когда мне его не хватает.

– Ну и? Расскажи-ка об этом твоему Джорджино...

– Что именно?

– Откуда мне знать? Но если ты вот так запираешься в кабинете, то, наверное, что-то произошло. Да и к тому же, когда я вошел, ты уже выпил кока-колу, а это значит, что не все так уж хорошо... А теперь я задам тебе такой вопрос: тебе бы хотелось, чтобы вместо этой колы у тебя бы была бутылка рома, виски или какого-нибудь спиртного?

– Да...

– Ну, значит, тогда положение гораздо хуже, чем я предполагал.

Он скрещивает ноги и делает глоток.

– У меня есть сын.

Он начинает давиться. Немного кока-колы проливается ему на свитер, но он быстро вытирает его рукой и вскакивает с кресла одним прыжком, благодаря своим сильным ногам.

– Вот черт! Хорошая новость, мы должны ее отметить! Я рад за вас! Это замечательно! Джин сказала тебе об этом сегодня?

– Моему сыну шесть лет.

– Да ну!

Он больше ничего не говорит и снова падает в кресло, утопая в нем.

Я развожу руками.

– Я не говорил тебе, что Джин ждет ребенка. Я сказал: «У меня есть...»

– Да, я не уловил этого нюанса. Но тогда ситуация осложняется. А чей он? Я ее знаю?

– Баби.

– Баби? Но как это может быть? Ты мне о ней рассказывал, это да, но я не думал, что вы встречались. А как это произошло? Как ты об этом узнал?

– Я встретил ее сегодня на вилле Медичи... Случайно.

И в тот же самый момент, когда я это говорю, все становится мне невероятно ясно.

– Джулиана.

– А при чем здесь Джулиана?

И пока Джорджо пытается хоть что-то понять, я вызываю ее по внутреннему телефону.

– Ты можешь зайти сюда к нам? Спасибо.

Через несколько секунд слышится стук в дверь.

– Входите.

Она одета сдержанно и выглядит спокойной. В руках у нее папка.

– Я принесла вам вот это: авансовые платежки на подпись для двух новых форматов, которые по вашим указаниям написал Антонелло.

– Да, спасибо, положи их сверху.

Я указываю на красный столик.

– Закрой дверь. Спасибо.

Она собирается уходить.

– Нет-нет, останься здесь. Или, может, ты торопишься уйти?

Я вижу, как она краснеет. Это замечает даже Джорджо. Он меняется в лице, словно говоря: «Черт, я не знаю, почему, но ты в любом случае прав».

– Садись же, садись...

Джулиана садится на стул в середине кабинета, напротив моего стола. И я начинаю прохаживаться, поворачиваясь к ней спиной.

– Ты не спросила меня, понравилась ли мне выставка Бальтюса.

– Правда. Но я видела, как вы стремительно вошли и закрыли за собой дверь, думала, что вы не хотите, чтобы вас беспокоили.

– Ты права, но сейчас ты здесь, можешь меня об этом спросить.

Я оборачиваюсь и пристально на нее смотрю. Она глядит сначала на меня, а потом – на Джорджо, словно ищет у него помощи; но, не найдя никакой поддержки, глубоко вздыхает и начинает говорить:

– Вы ходили на выставку? Она вам понравилась?

Я смотрю на ее руки. Они лежат на коленях. Джулиана сдержанная, воспитанная, выглядит элегантно, но если хорошенько приглядеться к ее шее, то можно увидеть, как ускорился пульс. Я улыбаюсь.

– Она мне очень понравилась, но я не понимаю, сколько мог стоить билет.

Она смотрит на меня, поднимает бровь, улыбается и удивленно качает головой.

– Да нет, это был бесплатный билет... Это было приглашение.

Внезапно я становлюсь жестким, холодным.

– Знаю. Я имел в виду, во сколько обошлось той даме – пригласить меня через тебя.

– Но, честно говоря...

Я жестом показываю ей, чтобы она больше ничего не говорила, закрываю глаза, а потом их открываю и пристально на нее смотрю. Молчу. Может, она начинает понимать, каким я становлюсь, когда теряю над собой контроль. Но я все еще говорю с ней спокойным тоном, четко выговаривая слова.

– У тебя есть единственная возможность. И я повторю это всего один раз: «Сколько она тебе дала?»

Тогда Джулиана делано смеется, почти фыркает.

Я мгновенно кидаюсь к ее стулу и кричу во все горло:

– Джулиана, не пудри мне мозги! Это важно.

Джорджо Ренци подсказывает на кресле. Она бледнеет, сглатывает слюну, понимает, что положение серьезное, очень тяжелое.

Потом за ее спиной звучит голос Джорджо – спокойный, но твердый:

– Пожалуй, тебе стоит говорить.

В кабинете повисает глубокая тишина, никто не дышит. Джулиана начинает играть с указательным пальцем левой руки, нервно его царапает, трет, делает на нем ранку, пытается как-нибудь подрезать несколько кусочков кожи вокруг ногтя и, не поднимая головы, признается:

– Она мне дала пятьсот евро.

Я смотрю на Джорджо, улыбаюсь, развожу руками, снова сажусь в кресло, кладу руки на стол.

– Пятьсот евро. Сколько она зарабатывает у нас?

Джорджо вздыхает.

– Тысячу пятьсот, чистыми.

– Пятьсот евро – это нынешние тридцать сребреников... – саркастически комментирую я.

Джулиана поднимает голову. Ее взгляд молит меня о прощении.

– Расскажи мне, как это было.

Тогда она делает глубокий вдох и начинает рассказывать.

14

«Я видела ее каждый день в кафе, куда хожу завтракать. Она всегда туда приходила раньше меня. Сидела в углу, читала газету – думаю, что „Республику“, но у нее был такой вид, будто мыслями она где-то в другом месте.

Однажды утром я подошла к стойке, чтобы попросить мой обычный рогалик из зернового хлеба с медом, но их уже не было. Тогда она подошла ко мне и предложила мне свой. Я не хотела его брать, но она деликатно настаивала; в конце концов, мы разделили его пополам и позавтракали вместе. Так мы и познакомились. И с того дня мы начали общаться и стали, так сказать, подругами».

Джорджо Ренци внимательно слушает и делает знак руками, словно говоря: «Ты попал в переделку, дружок, эта женщина все спланировала». И я не могу с ним не согласиться.

– Так, ну и что ты рассказала по секрету этой твоей новой подруге? Джулиана все молчит. Я ее подгоняю:

– Что ты рассказала ей про меня?

Джулиана резко поднимает голову и качает ею.

– Я ей ничего не рассказывала.

Но я ей не верю.

– Не отклоняйся от дела, давай дальше.

Джулиана начинает понимать, что вступила в игру, которая ей не по силам. Может, она думает, что было бы лучше, если бы рогалик из зернового хлеба она заменила бы булочкой с кремом. И продолжает:

– Она спрашивала у меня банальные вещи типа того, где я работаю, чем занимаюсь. А когда я ей объяснила, в чем состоят мои обязанности и на какую фирму я работаю, она осыпала меня комплиментами. Но больше она ни о чем меня не спрашивала...

«А о чем еще она могла бы тебя спросить?» – задаюсь я вопросом, но не прерываю ее.

– В следующий раз, наоборот, она рассказывала мне о том, чем занимается сама. Она иллюстрирует детские книги. Она сказала мне, что стала художницей случайно, что после лицея она поступила на факультет экономики и торговли, но ей там не нравилось. Потом она показала мне свое портфолио; она училась в Европейском институте дизайна. Мне показалось, что она здорово рисует, у нее отличная манера. А еще она очень любезно добавила: «Может, мои работы могли бы понравиться вашей фирме, я могла бы создать более художественный логотип». И тут она меня спросила, как зовут моего начальника. Я ей это сказала; не секрет, как его зовут. Она удивилась: «Не может быть, не могу этому поверить, это же мой старый друг». И тогда я сказала: «Тем лучше, тогда ты можешь обойтись и без меня, чтобы показать ему твои работы».

Я смотрю на Джорджо, нам обоим не по себе.

– Однако она немного опечалилась, – продолжает Джулиана. – Я это заметила и спросила, все ли в порядке. И тогда она призналась, что в прошлом у вас были проблемы и, к сожалению, не по ее вине, но вы не сохранили хороших отношений.

Я еще больше обескуражен, но, к счастью, на помощь мне приходит Джорджо.

– Что-то я не понял... Так она предложила тебе пятьсот евро, чтобы случайно встретить Стефано? Объясни нам точнее; в твоём рассказе слишком много несоответствий.

– На самом деле, в тот день больше ничего не случилось. Потом я ее больше не видела. Я даже расстроилась, но потом она опять появилась, примерно через месяц или, может быть, меньше. Она уже взяла рогалики из зернового хлеба, сказав, что так они не закончатся, и пока я сидела за столиком, сделала знак официанту, чтобы он принес мне капучино с холодным обезжиренным молоком. Она уже знала все мои вкусы.

Джулиана начинает смеяться, и я смотрю на Джорджо, который избегает моего взгляда, но говорит ей:

– Продолжай. Что было потом?

– В тот день и впрямь что-то произошло. С тем же милым видом, как всегда, она мне сказала: «Ты должна знать правду, только так ты сможешь решить, помогать мне или нет...» – Джулиана делает паузу, словно намеренно хочет создать эффект тревожного ожидания. – Я почувствовала себя немного неловко и потому пошла в туалет. Вернувшись, я увидела на столе папку. Я думала, что там другие ее работы, но ошиблась.

На этот раз Джулиане удалось по-настоящему создать некое напряжение. Может быть, она видела слишком много серий «Секрета». К счастью, рекламной паузы у нас нет, и она продолжает свой рассказ:

– Она мне сказала: «Открой ее». Так я и увидела, что это была страница из старого номера газеты «Мессаджеро».

Джорджо поднимает бровь, выражая растерянность. Зато я сразу же все понимаю.

– Это была ваша фотография. Вы были на мотоцикле, удирали от полиции. Так, по крайней мере, было сказано в подписи. Я ничего не понимала, и так ей и сказала: «Что все это значит?»

Джулиана умолкает, словно вновь переживая эту сцену. Но только на сей раз здесь находимся мы с Джорджо, каждый по-своему снедаемые любопытством. Так что в унисон, не сговариваясь, мы произносим:

– Ну и?..

– Она мне ничего не объяснила, только сказала: «Я потеряла возможность быть счастливой».

15

Греки говорили, что рок – вторжение непредвиденного; изменение происходит мгновенно, но обладает силой урагана. Я чувствую себя выбитым из седла. В один день со мной случилось столько, сколько не происходило за шесть лет. Наверное, потому греки и ходили к оракулам – чтобы спросить, как преобразовать судьбу в характер. К счастью, у меня есть Джорджо, который берет ситуацию в свои руки, хотя он и не дельфийский оракул.

– А теперь оставь нас, пожалуйста, одних.

Тогда Джулиана встает и молча идет к двери, но перед тем, как выйти, на секунду оборачивается и смотрит на меня:

– Не знаю почему, но эта фраза меня как-то задела. Я подумала, она может иметь значение и для вас. Да, в каком-то смысле я сделала это для ее счастья.

И Джулиана слегка улыбается, как тот, что знает, что совершил промах. А потом выходит, закрывая за собой дверь.

Джорджо встает со своего кресла, подходит к холодильнику, открывает его и заглядывает внутрь.

– Учитывая то, что происходит в этом кабинете, я бы заменил в нем напитки. Отныне будем держать здесь не кока-колу и не зеленый чай, а пиво, водку, ром. Одним словом, я бы перешел на крепкие спиртные напитки. С другой стороны, мы пойдем навстречу переменам, не так ли? Мне кажется, я понимаю, что мы имеем дело с так называемым «поиском счастья».

– Черт, не смей меня и передай мне еще одну колу...

– Никто и не собирался тебя смешить, – говорит он, с сомнением разглядывая бутылку.

– Ну что тогда? По крайней мере, может получиться хороший сюжет для сериала...

– Да, это уж наверняка. Мы же делаем развлекательные программы, викторины и игры. Так почему бы не начать выпускать сериалы? Неплохая идея.

– И это будет отличным началом первой серии. Но вот в чем вопрос: «А что произойдет потом?» – Так что я почти вынужден рассматривать ситуацию именно под этим углом. – Выходит, я оказался на выставке Бальтюса потому, что она хотела со мной встретиться. Таков первый неоспоримый факт. А второй заключается в том, что Баби не имела ни малейшего намерения работать с нами.

– Ты в этом уверен?

– Баби никогда бы не сделала ничего подобного. – Я произношу эти слова и тут же понимаю, что больше не могу быть уже ни в чем уверенным. Кто же Баби на самом деле? Что произошло за все это время? Насколько она могла измениться? Я смотрю на кока-колу. Точно, в этом кабинете нужны крепкие спиртные напитки: они бы помогли в ситуациях, подобных этой. – Скажем так: Баби и не собиралась к нам на собеседование. Она пришла, чтобы показать мне моего сына.

Произнося это слово, я испытываю новое, неизведанное ощущение: у меня сжимается и желудок и в то же время сердце. Я теряю ясность мысли и чувствую, что меня вот-вот охватит приступ паники. Однако мне удастся успокоиться, не думать об этом, сделать глубокий вдох. Джорджо так или иначе что-то понял и потому мне не мешает, дает мне передышку и больше не одолевает меня своими вопросами.

– Хочешь, чтобы я на какое-то время оставил тебя одного?

– Нет, не волнуйся.

– Хочешь, чтобы мы об этом поговорили?

– Да, хотя, уверяю тебя, я не очень-то понимаю, что сказать.

Внезапно я вспоминаю о футболке, которую подарила мне Баби, – такую же, как на моем сыне.

– Его зовут Массимо, ему шесть лет, и он моя копия. Только очень красивый.
Джорджо начинает смеяться.

– А что бы ты еще мог сказать! Он же твой сын!

– Да, но я спрашиваю себя, почему она ждала так долго. Почему захотела, чтобы я узнал об этом именно сейчас?

– Потому что ты поднял бы скандал, потому что, может, ты захотел бы, чтобы она жила по-другому.

– Конечно.

Я ошеломлен. Жить по-другому... С ней. Она носила под сердцем моего ребенка и собиралась замуж за другого. Это было несправедливо. Она действовала по своему усмотрению, не думая обо мне, хотя я был частью этой жизни – того, что зарождалось, того, что уже было создано. Мне полагалось сказать, что я думаю. И внезапно я вспоминаю эту последнюю ночь с Баби и то, как она мне сказала: «Продолжай, не волнуйся». И потом ее слова в машине, когда я пытался понять, почему она хотела, чтобы я в нее проник. Она меня успокаивала: «Не волнуйся, я принимаю противозачаточные». И больше я об этом не думал. Я забыл все из-за ее последних слов: «Через несколько месяцев я выхожу замуж».

Во мне все словно окоченело. Будто все погасло после обрыва пленки, как это иногда бывало дома, когда папа в гостиной показывал видео со своей камеры «Супер-8», и внезапно слышался глухой шорох рвущейся пленки; экран становится совершенно белым, заполнившись светом, которому опять предоставили свободу. Но я знал, что мой отец склеил бы пленку, и я бы смог смотреть это видео и дальше, понять немного больше, узнать, чем все кончится. А вот с Баби после той ночи пленка разорвалась навсегда.

– Ну и что ты решил? Что ты хочешь делать?

Я, все еще ошарашенный, удивленно смотрю на Джорджо.

– Думаешь сказать об этом дома?

– Не знаю. Все это так странно... Надо об этом подумать.

– Баби хочет, чтобы ты признал своего сына?

– Не думаю, но мы об этом не говорили.

– Наверное, она хочет денег на содержание ребенка, на школу?

– Слушай, может, ты не понял, но я не имею об этом ни малейшего понятия. Все произошло так быстро. Я был сбит с толку, отброшен в прошлое. И теперь выясняется, что это прошлое – настоящее и даже будущее... Я думал, что забыл Баби, но оказалось, есть нечто, что нас связывает навсегда: у нас есть сын.

– Конечно. По крайней мере, ясно одно...

Джорджо встает и решительно направляется к двери. И в этой его уверенности я наконец-то усматриваю хоть какую-то отчетливость, потому что когда ты настолько сбит с толку, тебе годится любой, кто незамутненно мыслит и за тебя. Так что я смотрю на него с большим любопытством.

– И что же?

– Я немедленно уволю Джулиану.

16

Я сажусь за стол и решаю приняться за работу. Проверяю документы, читаю сюжет новой дневной программы. Я отвлекаюсь, с удовольствием читая фрагменты сценария. Неплохо. Это игра, посвященная школе, – с темами и вопросами по общей культуре. Тут есть директриса, учителя и, естественно, ученики, которые в этой игре становятся соперниками. Они уходят за классную доску, если три раза дают неправильные ответы, и идут к директрисе за последним вопросом. Участников всего шесть, потом их становится четверо и, наконец, двое. Мне кажется, эта передача идеально подходит для показа в прайм-тайм на Втором канале, после окончания новостей. Кьяра Фаланьи, референт директора, сообщила Джорджо о том, какие проекты они отклонили и что ищут; похоже, им нужна программа именно такого типа. На завтра у нас назначена встреча. Сила Джорджо именно в этом: он использует деньги с умом. Сорок процентов от полученной прибыли он вкладывает в дальнейшее развитие: в отношения, связи, приобретения, доли в компаниях, доли от новых проектов, возможных мобильных приложений, возникающих каналов, небольших студий видеопроизводства.

«Нам никогда нельзя останавливаться. Идти вперед – вот будущее „Футуры“». Именно так мы называли нашу компанию. Джорджо изучал рынок, рассчитывал риски и инвестиции; он планирует открыть одну фирму в Майами, другую – в Марбелье и еще одну – в Берлине: «небольшие фирмы, которые будут продвигать наш продукт...» – говорит он. И вот результат этой шестилетней методичной работы: несколько наших программ уже показывают, а две даже проданы за границу. Мне не на что жаловаться. Джорджо Ренци – лучший партнер, о котором я никогда не мог и помыслить. Мне его посоветовал Маркантонио Мадзокка, графический дизайнер, с которым я начинал работать на «Рэтэ». Мы время от времени встречаемся и остаемся в хороших отношениях. Странно, что Ренци не захотел стать акционером «Футуры», когда я ему это предложил. Может, не решился. Речь шла о том, чтобы внести начальную часть капитала. Если бы у него хватило смелости и было желание, то он бы вернул себе эти деньги совсем скоро – учитывая, как пошли дела. Но он предпочел остаться свободным; самое главное, он не хотел рисковать. Зато такой человек, как Ренци, смог бы прекрасно создать «Футуру» сам по себе; он наверняка во мне не нуждался, и все-таки, когда я познакомился с ним благодаря Мадзокке, его твердость меня изумила. «Я знаю про тебя, и хочу с тобой работать», – сказал мне он. А когда я спросил его, почему, он просто ответил: «Это как заниматься кайтсерфингом или виндсерфингом. Ты не ждешь ничего, кроме ветра...»

Я кивнул, делая вид, что понял, но на самом деле мне было не совсем ясно, что он имел в виду. Должен сказать, что в тот день я был в недоумении и подумал: «А правильно ли я делаю, объединяясь с этим типом? Он напоминает мне одного из тех парней с мышцами, накачанных анаболиками, которых я встречал в тренажерном зале». И тем не менее иногда нужно довериться тому, кто доверяется тебе. Отогнать страхи и предрассудки. Самое лучшее всегда делается в паре. Два – это положительное число, как две руки, которые завязывают шнурки на ботинках, или которые стискивают руки какого-нибудь другого человека, чтобы его спасти: попробуй сделать это только одной рукой! И тогда я думаю о тех, кто составлял мою жизнь прежде – о моей компании. Нас было много, но иногда среди всех я чувствовал себя одиноким. Они понемногу мне вспоминаются: Сицилиец, Хук, Скелло, Банни, Луконе и, конечно же, Полло. Невероятные прозвища для трудных парней с мощными мотоциклами, своеобразным чувством юмора, шершавыми и короткими руками, отлично приспособленными для драк. Как же я смеялся с ребятами из этой компании! Мы не чувствовали времени. Утром, ночью, днем, мы всегда были вместе, в абсурдном несоответствии. Если бы они увидели меня сейчас, чего бы они мне только не наговорили! Шесть лет назад я представлял, что стану, в лучшем случае, темным дельцом, одним из тех адвокатов, которые, чтобы как-то перебиться, ведут

мелкие дела, связанные с автомобильными авариями, в которые попадают их родственники или друзья.

Мне интересно, чем сейчас занимается каждый из них. Может, они открыли какие-нибудь захудалые закусочные на одном из многочисленных нелегальных пляжей в Италии или за границей, или мини-гостиницы, или работают в какой-нибудь мастерской. Какое-то время назад я проезжал мимо клуба «Пайпер» и увидел у входа Хука. Он улыбался, и у него все еще была та повязка на глазу, из-за которой ему подарили эту кличку сопляки, которые приходили на вечернюю дискотеку. Я не поверил своим глазам: он по-прежнему там, в своей кожаной куртке, такая же деревенщина, как и раньше, если не больше, потому что теперь у него небольшое брюшко и чуть меньше волос. Может, кто-то из них даже завел семью. И тогда меня внезапно поражает как молнией, рассекающей ясное небо. Случилось неожиданное, удивительное. У меня есть сын. Я даже не знаю, когда он родился, крестили ли его, где он живет, кто его отец. Его отец? Его отец – это я, а другой – всего лишь отчим, муж Баби. Но знает ли все это Массимо? А Баби? Что планирует делать Баби? Неужели она ему об этом никогда не скажет? Он прожил шесть лет без меня, столько всего произошло... Я достаю из кармана ее визитку, смотрю на нее. Она выглядит изящно, на ней вытеснена четкая надпись: Баби Джервази. Здесь же указаны номера телефонов, личный и рабочий. Мне следовало бы написать ей. Стоило бы попросить у нее больше информации. Но хочу ли я знать больше? И пока я беру телефон и в нерешительности смотрю на него, не зная, что делать, приходит сообщение. Это она.

17

«На этой пожелтевшей газетной странице я снова увидела весь наш роман. Ты помнишь, как сильно я к тебе прижималась? Ты хорошо это помнишь, потому что всегда жаловался». Я словно ошарашен этими словами. Снова вижу себя мчащимся на мотоцикле, за нами гонится городская полиция. В этой погоне Баби осталась в нижнем белье и моей наброшенной сверху куртке. В ту ночь она свалилась в грязь, оказавшуюся навозом. Я забавлялся тем, что подшучивал над ней; сказал, что испачканная и вонючая она ни за что не сядет на мой мотоцикл. В конце концов я ее достал, и ей пришлось раздеться. Я не мог не заметить, какая она красивая. Она злилась, и от этого выглядела еще привлекательнее. Когда мы подъехали к ее дому, я не хотел ее отпускать. Растрепанные длинные волосы, белая кожа, покрывшаяся мурашками от холода... Синеватые глаза, в которой мне нравилось тонуть – как в тот раз, когда я увидел ее танцующей в модном магазине «Витрины», и мы, упоенные любовью, унеслись в ночи на моей темной «хонде». Я чувствую возбуждение каждого из этих мгновений, они возвращаются, как цунами эмоций, и я спрашиваю себя, почему Баби от всего этого отказалась, почему захотела разорвать наши отношения, отказаться от всего, отречься, уничтожить. Я испытываю злость: исчезнуть на долгие шесть лет, а потом вот так появиться снова, как ни в чем не бывало, да еще и с сюрпризом в виде сына. Она всегда все делала по-своему, как хотела, и продолжает поступать так же. Я перевожу взгляд на экран мобильного и читаю: «Даже если ты этому и не веришь, я очень страдала, пытаясь тебя забыть. Я пишу „пытаюсь“, потому что если все сложилось так, и в конце концов я тут, с тобой, то, пожалуй, должна признать, что у меня так и не получилось».

Ну конечно... Но ты замужем, произвела на свет моего сына, неизвестно в какой клинике, с другим мужчиной, изображающим из себя отца, и с твоей матерью – этой женщиной, которая всегда меня ненавидела и, наверное, взяла младенца на руки даже раньше тебя, такая уж она эгоистка. Как бы мне хотелось, чтобы именно тогда Массимо на нее написал, обмочив ее шелковую кофточку или какую-нибудь другую чересчур нарядную вещь, которую она надела в тот день. При мысли о моем сыне-мстителе меня разбирает смех.

«Теперь я снова здесь. Я увидела тебя и обнаружила, что ты выглядишь хорошо, просто прекрасно, и я счастлива, что познакомила тебе с Массимо. Я ничего не знаю о твоей жизни, и мне было бы очень приятно увидеться снова. Может быть, как друзья, хоть ты и не веришь в дружбу между мужчиной и женщиной. Ты всегда говорил: „Какая чушь... Это возможно лишь в одном-единственном случае – когда два человека уже пресытились друг другом, и прошло много времени”».

Это правда. Я это все еще помню: мы ужинали с Полло и Паллиной, и Полло разразился одной из своих скабрёзных шуточек. «Мне проще стать гомиком и спутаться с тобой!» – воскликнул он, указывая на меня. Мы смеялись и продолжали пить пиво в ту веселую и безмятежную ночь, когда все казалось возможным: было ощущение бесконечности, и не было предела ни нашим шуткам, ни нашему счастью. Я вижу, как Полло поднимает свою бутылку «Хейнекена» и чокается со мной, а потом исчезает в порывах ветрах. Точь-в-точь, как мое воспоминание, как жизнь, которая у меня его отняла. Зато здесь ты. Ты, Баби. Та, что не выполнила нашего уговора и заставила меня бесконечно страдать. У меня возникает желание обратиться к Богу:

«Господи, ну что плохого я тебе сделал? Почему ты послал мне ее снова?»

Я не нахожу ни единой причины, и смотрю на экран телефона в поисках хоть какого-нибудь объяснения.

«В любом случае, несомненно одно: я очень счастлива, что снова тебя увидела, и ты даже не знаешь, насколько. Давай встретимся еще раз, если ты не против. Я тебе напишу, если только ты не скажешь, что больше не хочешь меня слышать. Пока. Баби».

Ну почему? Почему судьба меня всегда испытывает? Чтобы посмотреть, правильный ли выбор я сделал? А нужно ли это? Снова пристально смотрю на телефон. Это было бы так просто, ответить ей: «Не звони мне больше никогда. Исчезни навсегда из моей жизни». Поступить с ней так, как она поступила со мной. Но у меня не получается. И я замираю в нерешимости: пусть жизнь рассудит сама. Зато в одном я уверен и потому звоню ему:

– Это ты, Джорджо?

– Говори.

– Ты прогнал Джулиану?

– Да, а что? Ты передумал?

– Нет.

18

Когда я вышел, уже стемнело. Я взял портфель и послал сообщение Джин, предупредив ее, что вернусь позже. Больше я ничего не написал. Не знаю, что сказать. Мне тут же приходит ее ответ: «Я уже вернулась. Не беспокойся, любимый. Поужинаем, когда закончишь». Впервые это слово, «любимый», кажется мне немного фальшивым. Как будто что-то внезапно сломалось. Будто я отнесся к ней без уважения, скрыв от нее тайну, которой и сам не знал. Но больше меня изумляет совсем другое: я не один, существует часть меня, которая останется в этом мире и после меня. И это приносит мне необъяснимое утешение. Мой сын. Массимо. Хочу я этого или нет, он все-таки существует, и я необъяснимо улыбаюсь, чувствуя, как связан с этим маленьким незнакомцем. Вспоминаю его первые слова, адресованные мне, его темные волосы, глаза, улыбку.

– А можно и я буду звать тебя Стэпом?

Жаль, что я был не в силах сказать ему что-то еще, немного с ним поболтать, задать ему вопросы, которые сейчас у меня в голове. Я здороваюсь с девушкой около проходной и захожу в раздевалку. Возможно, когда-нибудь и мой сын тоже пойдет в тренажерный зал, но я об этом не узнаю. В большом зале музыка звучит громко, но, несмотря на толстые стекла, я ее все-таки слышу. В тренажерном зале только девушки – ловкие, проворные, мускулистые: на шесте они отрабатывают акробатические фигуры, даже очень сложные: они хватаются за него, крутятся на нем, пытаются переворачиваться в вертикальном или в горизонтальном положении. Одна смуглая девушка с длинными светлыми волосами вытягивается на шесте и изображает «флажок». Ее живот обнажается, и на нем рельефно выступают мышцы идеально накачанного брюшного пресса. Похоже, в этом положении она чувствует себя непринужденно. Не рискую вообразить ее в других позах... Я по-прежнему имею в виду шестовую акробатику, разумеется. Словно услышав мои мысли, танцовщица меняет положение и повисает в воздухе параллельно полу, удерживаясь на шесте одной лишь силой своих ног. Потом она спрыгивает и разводит руки, будто желая подчеркнуть финал своего выступления. Другие девушки аплодируют, и она весело кланяется. Наверное, она преподавательница этой новой спортивной дисциплины. Молодая женщина в темносиних эластичных лосинах и длинной футболке готова занять ее место. Однако в отчаянной попытке сделать что-то хоть отдаленно похожее, она больше напоминает одну из тех странных колбасок, которые подвешивают на картонное дерево во время сельских праздников и которые какой-нибудь весельчак с завязанными глазами должен попытаться сбросить вниз. Так вот: какое-то время девушка остается в вертикальном положении, пока преподавательница кричит ей названия приемов, а потом подходит ближе и продолжает орать, сложив ладони рупором около рта. Одно из двух: либо ученица глухая, либо она и впрямь колбаска.

Я кладу полотенце на край скамейки и, укладываясь на нее, как раз успеваю снова увидеть эту девушку: она спрыгивает с шеста и недовольно качает головой. Я решаю больше не обращать на это внимание и начинаю надевать диски на гриф штанги. Хочу сделать несколько жимов лежа, упражнений для грудных мышц. Я ложусь на скамейку и начинаю потихоньку: сначала поднимаю всего двадцать килограмм для разогрева. Вот мне кажется, будто я снова вернулся в те славные времена, когда ходил в «Будокан» – спортивный зал, где начал тренироваться после того, как около кафе «Флеминг» меня побил Поппи, здоровенный чувак. Он тогда нехило меня отделал, и я решил взять реванш, чтобы хорошенько отыграться. Но без крепких мышц у меня бы ничего не получилось. Луконе, Полло, Хук, Банни, Сицилиец – со всеми ними я познакомился там, в «Будокане». Там, где я начал качаться, завтракали яйцами и анаболиками, начиная с дека-дураболы и заканчивая всякими невероятными стероидами, предназначенными для коров или беговых лошадей. Но, может, об этом только болтали. И все-таки

у некоторых менялся голос, становился более глубоким, почти загробным, а волосы начинали расти там, где еще недавно не было намека даже на легкий пушок. Ходили слухи, что анаболики, если ими злоупотреблять, убивают половое влечение. Помню, что Сицилиец принимал их в большом количестве и говорил: «Тем лучше. Дам себе передышку, а то слишком многие жалуются!» И раздражался своим смехом, пропитанным табачищем и пивом. Он качался и нагружал штангу больше всех – на 140, 160, 180, 200 килограмм. Обгонял всех, а потом брал 240 килограмм, и кричал так, что девушки, занимавшиеся гимнастикой этажом выше, пугались. Сицилиец продолжал накачивать себя нандролоном, несмотря на опасные последствия: ведь ему объяснили, что от этого препарата увеличивается все, кроме «этого» – лекарство настолько пагубно влияет, что от него то, что находится ниже пояса, даже уменьшится. Я часто видел карикатуры, подчеркивающие величину мышц и маленькие размеры всего остального. Даже в «Будокане», в душе, я обращал внимание на это странное несоответствие, но списывал все на наследственность. Сам же я никогда не принимал ничего такого. Ел много, это да: много яиц по утрам, любил печенку и пивные дрожжи, которые с удовольствием жевал. В такие моменты Полло смотрел на меня с недоумением, потому что у него это пристрастие вызывало отвращение. Я ходил в спортзал каждый день, дисциплинированно, решительно, с яростью. Каждая тренировка означала новые успехи: удерживать вес, контролировать его, увеличивать и идти вперед исключительно благодаря силе воли. До тех пор, пока не начнешь чувствовать, как мышцы кричат от боли, а тело просит пощады под натиском штанги.

Я поднимаюсь со скамьи и навешиваю на гриф новые диски – пятьдесят килограммов с одной стороны и еще пятьдесят – с другой. Снова ложусь под штангу и быстро поднимаю ее шесть раз. Теперь я чувствую вес, и последние жимы даются мне с трудом, но я делаю их до конца. Отдыхаю. Восстанавливаю дыхание. Закрываю глаза, снова поднимаю штангу, делаю еще десять подъемов лежа. На этот раз мне трудно с самого начала – но не потому, что диски тяжелые. Во мне снова поднимается гнев. Смех Баби и этот сверток, прекрасный и жестокий подарок, который она кладет передо мной, а потом убирает и, в конце концов, разрешает открыть. Я вновь вижу футболку в белую и синюю полоску, точь-в-точь такую, как на ребенке, моем сыне. Гнев нарастает; она сговорилась с Джулианой, они все подстроили у меня за спиной. Нет, все сделала она. Баби всегда решала – врываться в мою жизнь или исчезать из нее. Я почти подбрасываю штангу: она кажется мне легкой – настолько я в ярости. Снаряд поднимается вверх, еще выше, выше своей опоры, а потом снова падает, подскакивает и покачивается из стороны в сторону, рискуя обрушиться на пол, но я останавливаю его руками.

– Эй, ты же Стэп, да?

Я встаю и пытаюсь понять, кто ко мне обращается. Передо мной стоит парень.

– Стефано Манчини, не так ли? Ты был для нас легендой. Моя девушка вырезала из газеты твою фотографию на мотоцикле, с той телкой, которая к тебе прижималась, и всегда говорила мне: «Ты должен быть непокорным, как он, а не тюфяком, как сейчас». Черт, ты погубил мою юность. Правда: мы расстались, и она мне не дала!

Парень смеется вместе с другом, стоящим рядом. Он худой, сухощавый, но хорошо сложен. У него густые длинные волосы и темные глаза. Он был бы копией барда Франческо Ренга, если бы не его зубы, немного испорченные. Друг, протянув руку, ударяет по его ладони, словно тот выдал невероятную шутку.

– Меня зовут Диего; я уже давно хожу в тренажерный зал, но тебя никогда не видел.

– Я записан в этот спортклуб, но тренируюсь здесь нечасто, в основном играю в падел.

– А, в игру гомиков!

Его друг начинает хохотать, как сумасшедший.

– Нет, ну ты крутой, реально крутой! Я едва не обоссался!

И за это хлопает его по спине.

– Блин! Ну мне же больно! А вот ты зато тяжелый, реально тяжелый!

И правда: его друг толстый, просто жирный, он как бурдюк, и его жир буквально переливается через край.

– Ему было бы полезно играть в падел. Что бы ты ни думал, это хорошо. Падел придает бодрость, учит правильно дышать. И от него худеют.

Я беру полотенце со скамьи, встаю, кладу его себе на плечи и собираюсь уходить.

– Эй, Стэп, почему бы нам не обменяться парой ударов?

Я оборачиваюсь и вижу, как Диего держит перед лицом сжатые кулаки и поигрывает ими. Он подмигивает; ему хотелось бы выглядеть симпатичным, но чего нет, того нет.

– Давай, там есть ринг.

Диего указывает мне на него подбородком и наклоняет голову к плечу, как бы говоря: «Давай, не заставляй себя упрашивать», – и снова подмигивает, но как-то чересчур. Хотя может у него просто тик.

– Нет, спасибо.

– Давай же, я хочу узнать, была ли права моя девчонка. Действительно ли я тюфяк. – Толстяк рядом с ним опять начинает ржать, чуть не сворачивая себе челюсть. – Или ты боишься?

Я думаю, что это уже в прошлом, мне больше не интересно драться, доказывать, что я сильнее всех. А еще мне приходит в голову, что я стал отцом. Да, у меня есть сын, и я должен быть ответственным. Мне следовало бы учитывать все это, но вместо этого я вдруг улыбаюсь и говорю:

– Нет, не боюсь.

19

Мы готовимся, не говоря друг другу ни слова. Надеваем боксерские перчатки, которые находим на полке. Здесь есть и шлемы, но он шлем не надевает, так что без защиты обхожусь и я. Диего снимает толстовку, потом футболку. Он крупный, в хорошей форме, с длинными руками и очень короткими ногами. Он начинает скакать, отпрыгивая то вправо, то влево. На этих сильных ногах ему легко двигаться: верхняя часть туловища весит не много, поэтому он очень проворен. Его друг подтаскивает стул к краю ринга, достает жвачку и снимает с нее обертку. Это «жвачка с мостом» – жвачка под названием «Бруклин». Он складывает ее и засовывает в рот, бросая обертку на пол. Она лакричная; единственный вкус, который мне не нравится.

– Засекаешь время? – спрашивает у него Диего. – Три минуты пойдет? – обращается он ко мне.

– Да.

– Как будем драться? Фулл-контакт или кикбоксинг?

– Как хочешь.

Диего улыбается. «Кикбоксинг», – отвечает он, а потом кричит другу: «Три минуты пошли!» – и, воображая гонг, ударяет перчаткой о перчатку и бросается ко мне. Его удары точны, все они направлены в лицо или корпус, но мне удастся их отбивать. Он быстрый, хорошо двигается, грамотно дышит и, когда начинает новую серию ударов, ему даже удается болтать:

– Черт, ее звали Марианна, классная телка, серьезно, действительно красивая, выделяла разные приятные штучки, но хотела настоящей любви. «Как у Стэпа!» Понимаешь, дурак, она была влюблена в тебя, хотя даже не была с тобой знакома! Так ты мог бы ее и оттрахать. – Может, он даже щелкает пальцами под перчатками. – А вот я ее ни фига не интересовал!

Его друг начинает хохотать, он – тоже, и, пока я отвлекаюсь, Диего делает круговой прыжок и бьет меня в спину. Он сшибает меня с ног, и я отлетаю к канатам. А когда отскакиваю от них и снова вступаю в бой, он наносит мне прямой лобовой удар, ногой в грудь, а потом быстро налетает на меня, словно хочет вышвырнуть за пределы ринга. Но я действую быстро: опускаю правую руку и перемещаю за ней все тело, тем самым уклоняясь от направленной на меня ноги, и он ударяет ей в пустоту. Однако соперник этим пользуется и наносит мне два хука, правый и левый, попадая в самое лицо. Я чувствую удар, у меня темнеет в глазах; теперь я вижу двух Диего, которые покатываются со смеху. «Видела бы тебя теперь Марианна. Пожалуй, тебе следовало бы надеть шлем!» – говорит он. Диего уже снова готов атаковать, нанести мне несколько ударов в лицо, но едва он начинает движение, я этим пользуюсь, делаю полный оборот, раскрываю руку и молниеносно бью его, как бейсбольной битой, в самую рожу. Диего уже ничего не видит, делает резкий вдох и валится на пол. Его друг восклицает: «Черт!» – и застывает с открытым ртом. Я расшнуровываю перчатки и делаю вид, что я совершенно в своей тарелке, не зная, как мне это удается.

Я говорю: «Знаешь, если бы здесь была Марианна, она бы сказала: „Вот видишь, я была права, ты тюфяк“. Передавай ей от меня привет». И ухожу с ринга, забирая свое полотенце. Друг Диего пытается привести его в чувство, бьет по щекам, зовет по имени, трясет его. А потом, когда толстяк уже совсем его измочалил, я вижу в зеркало, как Диего отталкивает его руками, но так и не может поднять голову, пытаясь восстановить силы.

Я прохожу мимо девушек. Та, прежняя, снова на шесте. На этот раз она, похоже, держится за него руками правильно и уже не похожа на колбаску. Ей удалось совершить свой маленький подвиг, и тренерша одобрительно кивает. Легким прыжком довольная девушка опускается вниз. Мне нравится радоваться успехам других, с этой мыслью я вхожу в раздевалку. Нужно разрабатывать дыхание, возобновить пробежки. Нужно ходить в спортзал чаще. Я не в форме.

Стэп – и не в форме! Кто знает, как теперь проходят соревнования по отжиманиям среди посетителей «Будокана»! На меня нападает смех. Я похож на зануду, тоскующего по прежним временам. Ну, с Сицилийцем я бы еще померялся силами; он сейчас общается с одним из тех парней, с которыми мне пришлось бы несладко. Наступает момент, когда тело становится уже не тем: слишком много собраний, сидячих переговоров в офисе; небрежности, которая превращается в лень. Я открываю шкафчик, в котором оставил одежду, и вижу, как вспыхивает экран моего телефона.

Я отвечаю.

– Ты где, любимый?

– В спортзале.

– Надо же! А я думала, что ты на каком-нибудь собрании.

– Нет, мне было нужно выпустить пар.

– Почему? Что-то не так на работе?

Эх, не стоило мне этого ей говорить.

– Эй, ты слушаешь?

– Нет-нет, все в порядке.

– Ну да, с таким-то голосом... Ладно, расскажешь, когда вернешься. – И она начинает смеяться. – Если хочешь, я тоже приду в тренажерный зал, и мы подеремся так, как когда познакомились. На этот раз, чувствую, я положу тебя на лопатки. Ты не слишком в форме!

– Это правда. Представь себе, я был на ринге.

– И как все прошло?

– Хорошо. По крайней мере я, как видишь, отвечаю по телефону.

– Ха-ха-ха! Давай, не задерживайся.

Вот такая она – Джин. Джин и ее жизнерадостность. Джин и ее смех. Джин и ее неприужденность. Джин и ее изящество. Простые вещи, которые ей так идут и делают ее такой привлекательной. Джин и ее преображение – стоит ей немного накраситься и надеть туфли на высоких каблуках, как она становится соблазнительной. Я снимаю одежду, надеваю шлепанцы, беру полотенце.

Джин, как трудно было вернуть твою любовь, уважение, спокойствие. Я встаю под душ и вспоминаю все, что сделал, чтобы снова ее завоевать.

20

Каждое утро я стою у ее подъезда. Я прихожу туда еще до восьми, так что Джин знает, что я здесь. Она должна знать, что я ее люблю, что совершил ошибку. Я надеюсь, что она сможет меня простить, даже если прошло недостаточно времени для того, чтобы ее чувства, вызванные моим поступком, сгладились. Поэтому я здесь. Когда Джин не выходит и остается дома, я знаю, что она смотрит на меня из окна. Люди, живущие по соседству, наблюдают за мной с любопытством. Они знают меня не как Стэпа, а как того, кто тут стоит. Однажды утром мимо прошла мамаша, державшая своего ребенка за руку. Когда они поравнялись со мной, ребенок указал на меня.

– Мама, вот дядя, который всегда ждет.

Женщина слегка дернула его за руку, потянув к себе.

– Тихо!

– Но это он, я его узнаю.

Меня разбирает смех. Обо мне уже говорят в соседних домах. Марио, продавец в киоске, уже приветливо со мной здоровается. Я узнал, что Алессия, каждое утро выгуливающая собаку, – адвокат. Еще есть Пьеро, цветочник; Джакомо, булочник; Антонио, шиномонтажник. Все со мной здороваются, но ни у кого не хватает смелости спросить меня, почему я здесь. Прошел целый месяц. Сегодня Алессия упустила свою собаку: питомец удрал и уже собирался перебежать дорогу прямо перед подъезжающей машиной, как мне удалось его остановить. Я обхватил пса обеими руками и прижал его к себе. Золотистый ретривер светлой масти, красивый и очень сильный, тем не менее мне удалось его удержать. Алессия кинулась к нам бегом.

– Улиссе! Улиссе! Я же тебе тысячу раз говорила! – И она пристегивает поводок к его ошейнику. – Тебе нельзя убегать. Ты понял? – кричит она, подняв руку перед мордой, хотя Улиссе бесстрастно смотрит вперед. – Ты понял? Понял или нет? – Потом она успокаивается и обращается ко мне: – Он всегда делает то, что хочется ему.

Эх, и чего ты еще ожидала, дав ему такое имя – Улиссе! Но этого я ей не говорю; она еще слишком напугана, чтобы понять, что это всего лишь глупая шутка.

– В любом случае спасибо. – И она расплывается в улыбке. – Меня зовут Алессия.

Я уже знаю, как ее зовут, потому что каждое утро мать ей кричит из окна, чтобы она купила сигареты.

– Стэп. – Пожимаю ей руку.

Она немного думает, потом поводит плечами.

– Можно я угощу тебя кофе? Знаешь, мне это было бы очень приятно.

Она видит, что я в нерешительности.

– Эй, или не кофе, а то, что ты хочешь.

– Кофе – это будет отлично.

Мы пересекаем улицу, чтобы дойти до бара, и тут из окна высовывается ее мать; даже не высматривая свою дочь, она кричит на весь квартал:

– Алессия!

– Сигареты, – отвечаем хором мы оба.

– Да, мама, хорошо. – Потом она обращается ко мне: – Ей нравится курить. Ты можешь понять, почему?

– Нет.

В баре нас встречает пухлая физиономия Франко.

– Сделаешь нам два кофе? Стэп, какой ты хочешь?

– Жидкий и горячий макиато, без сахара.

Алессия повторяет мой заказ, а потом добавляет:

– А мне как обычно, спасибо.

Она гладит Улиссе и задает мне единственный возможный вопрос: «Я вижу тебя тут каждый день. Это пари, или ты хочешь, чтобы тебя за что-то простили?» – спрашивает она с проницательностью, характерной для адвокатов. И добавляет: – Что бы там ни было, я тебе, если хочешь, помогу, ты так здорово управился с Улиссе». И она еще сильнее гладит его под шеей.

– Ты не можешь мне помочь, но я тебя благодарю.

День великолепный, ни облачка; не небо, а равнина лазури. Мы останавливаемся на пороге бара.

Алессия держит в руке свой крепкий кофе – ристретто, – а я играю с Улиссе, не испытывающим ни малейшего желания возвращаться домой. Но Алессия должна его там запереть, у нее дело в суде, в одиннадцать утра.

Именно тогда, когда я собираюсь с ней попрощаться, Джин появляется на другой стороне тротуара, оглядывается вокруг и изумляется, что меня нет, но, когда видит меня, прищуривает глаза; выражение ее лица трудно назвать любезным. Алессия это замечает.

– Кажется, вместо того, чтобы помочь тебе, я совершила глупость. – Она говорит об этом с легким сожалением.

– Не волнуйся.

– Знаешь, в таких делах мысль о том, что может быть другая, может даже улучшить положение...

Алессия берет Улиссе, тянет его к себе, смотрит на меня снизу и пожимает плечами.

– Ладно, надеюсь, все будет хорошо. Мне было приятно с тобой познакомиться, так или иначе еще увидимся. В любом случае, извини... – Она мне улыбается и больше ничего не произносит, исчезая на улице в направлении табачного ларька. Кто знает, что она хотела сказать. Но меня это не особенно интересует. Я только знаю, что теперь знаком и с Франко – барменом, который готовит отличный кофе.

На следующий день я снова здесь, на своем обычном месте. И тут Джин выходит из подъезда. Она со своей матерью. Она видит меня и что-то ей говорит. Мать кивает. Джин идет в мою сторону. Она решительна, непреклонна, и ее походка не сулит ничего хорошего. Она не смеется, не перестает на меня смотреть и, переходя дорогу, даже не оглядывается, подъезжает ли какая-нибудь машина. Ей повезло, никаких машин нет. Джин идет так быстро, что уже через мгновение оказывается передо мной и толкает меня. Потом, вплотную приблизив свое лицо к моему, она демонстрирует мне всю свою ярость.

– Ну как? Ты и ее тоже трахал?

Я не могу сдержать глупую улыбку, хотя в действительности не знаю, какого черта мне теперь делать.

– Кого «ее»? – И, произнося эти слова, понимаю, что мне стоило бы повести наш разговор совсем в другом направлении.

– Кого ее? Ее! Ясно же, что не ту, другую! Ее, Алессию, адвокатшу. Я ее знаю с самого детства. Она живет на втором этаже в доме по соседству. Уже три года встречается с врачом, но изменяет ему с другим, помоложе, придурком по имени Фабио, таким же, как ты.

Я закрываю глаза и решаю попробовать:

– Прости меня.

– Простить тебя за ту, которую ты трахал раньше, или простить тебя за ту, которую ты трахаешь сейчас? Нет, объясни мне. Тогда мне будет понятно, какие извинения я должна принять во внимание.

Я вижу, что она оскорблена и раздражена, как еще никогда прежде. Ее лицо похудело, отмечено следами страданий, кажется почти угловатым. И в этом виноват только я.

– Прости меня, Джин...

Но она не дает мне говорить.

– Ты мог подумать об этом раньше. Ты что, не знал, что я обижусь? О чем ты вообще думал? Что я смирюсь с твоей изменой, как будто ничего не произошло? Ты видел, как давно я тебя ждала? Нет?

У нее в глазах, как в огромной плотине, которую вот-вот прорвет, собрались слезы.

– Серьезно, не знаю, что со мной произошло. Клянусь тебе, что хотел бы вернуться назад и никогда не совершать того, что я сделал.

– Ты не можешь перед ней устоять, вот в чем дело. И так будет всякий раз, когда ты ее встретишь. – Я чувствую в этих ее словах горестное смирение.

– Нет. Ты ошибаешься, Джин. Это было желание доказать, что она еще моя. Но все, наоборот, было кончено, и я это понял...

– Пока трахал ее?

Джин никогда со мной так не говорила; гнев делает ее другой, заставляет становиться настолько злой, какой она не бывала никогда.

– У нас с тобой могла быть чудесная любовь, но ты предпочел не меня, меня тебе было недостаточно. Ты все испортил. Как раньше уже не будет.

И она уходит прежде, чем расплакаться. Она догоняет свою мать, и они идут дальше, не говоря друг другу ни слова. Матери было достаточно мимолетно взглянуть на Джин, чтобы понять, что нет таких слов, которые могли бы хоть как-то ее утешить. Потом она оборачивается и смотрит на меня. У нее такое же выражение лица, как в то утро, когда она впустила меня в дом с букетом роз. Это была моя первая попытка добиться у Джин прощения. В ее комнате я положил цветы на стол и там же нашел дневники. Вот она, правда Джин, ее мечта, скрытая от всех. Этой мечтой был я. Она любила меня давно, знала про мой роман с Баби, знала обо мне многое, хоть я и был в Америке, потому что ей удалось подружиться с моей матерью. Да, с моей матерью. А потом была наша первая встреча, на заправке самообслуживания, ночью, где она крала у меня бензин. Я думал, что все это произошло случайно, но на самом деле она это подстроила. Джин и ее женское терпение. Джин и ее безграничная любовь. Джин и ее большая мечта. Я разрушил все за одну ночь. В последний раз гляжу на ее мать. Она смотрит на меня без укора; без осуждения, пожалуй, ей бы хотелось понять непостижимое, эту боль своей дочери, которая кажется безмерной – такой огромной, что у нее не хватает смелости даже спросить об этом. Но если она видела меня и то, как Джин кричала мне прямо в лицо, то понимает, что речь идет о разочаровании, моей вине, ошибке. Так ли она велика, чтобы ее нельзя было простить? Означает ли, что нужно отказаться от возможности быть счастливыми? Кажется, именно эти размышления я прочитал во взгляде, которым она меня провожала. А после кое-что еще наводит меня на мысль, что, возможно, именно она – мой последний шанс.

21

На следующий день.

Примерно в половине одиннадцатого утра Джин выходит из дома, и я появляюсь из своего укрытия – из-за дерева, за которым я прятался. Сегодня я не встретил ни Франко, ни Алессию, никого другого. На Джин темные очки «Рэй-Бэн» и черная куртка; волосы собраны в хвост. Обычно она не носит очки, да и солнце сегодня совсем не слепящее, но это единственный способ скрыть следы бессонной ночи, когда она, возможно, меня проклинала. У нее неповторимая манера плакать. Она плачет так, как мне еще не доводилось видеть: слезы льются безостановочно в полной тишине. Они неудержимы, как если бы, плача, она действительно освобождалась от всей боли, которую испытывает. До сих пор виновником этих слез был не я, а Франческо, ее женишок, как она его называла, оправдывая этим уменьшительным суффиксом мою бесполезную ревность. Франческо был ее первым и единственным парнем, редкостным козлом: так она его теперь вспоминала. Красоту этой первой любви он превратил в худшую ошибку ее жизни. В ту ночь они расстались довольно поспешно, и она вернулась домой, чтобы закончить уроки. Однако в голове у нее крутились беспокойные мысли, так что она попробовала ему позвонить, но он не брал трубку. Она пошла искать его в «Джилду» – в клуб, куда он должен был пойти. Джин рассказывала и начинала рыдать – от ярости, уверяла меня она, «потому что он оказался настоящим ублюдком», и, растравляя себя, добавляла: «Он предал мое доверие». Шестое чувство привело ее к дому Симоны, ее подруги, которая, однако, совсем не нравилась Эле, та всегда говорила: «Ты просто дурочка, что доверяешь этой твари». Без четверти четыре дверь дома Симоны отворилась, и на пороге появился Франческо. Джин почувствовала, как ее пронзила сильная боль, но вскоре испытала единственное возможное удовольствие – отомстить тому, кто не соблюдал правила любви. Она села в свой «поло», отпустила сцепление и на полном ходу врезалась в принадлежащий Франческо двухсотый спортивный «мерседес». Этот фантастический удар попал в самую цель: он пришелся по левой стороне и дверце. В этом вся Джин – любовь и ярость, гордость и слезы. В глубине души я думаю, что воспоминание о Франческо причиняло ей боль до сих пор, и поэтому, рассказывая об этом, она безмолвно плакала и просила меня: «Никогда не делай ничего подобного, я бы не смогла вынести этого еще раз».

В тот день я поцеловал еще мокрое от слез лицо, и мы отправились в Монти, на открытие магазина ее подруги, и вскоре она отвлеклась среди этих неопреновых сумок и цветных ремней, среди сережек с дорожными знаками, в виде шариков и длинных висюлек всевозможных оттенков. Она остановилась на серьгах с восточным орнаментом, примерила их, просияла, но, в конце концов, решила не брать. А жаль, она была чудо как хороша в этих висячих сережках. Затем она встретила свою подругу, и они поздоровались, приветливо обнявшись. Ее звали Габриэлла, они учились в одном классе, сообщила мне Джин. Они так и продолжили болтать, хихикая по поводу того, что приключилось с их общими знакомыми, как они изменились и чем занимались, а еще удивляясь тому, что у некой Паскуалины наконец появился жених. Я смотрел на нее издали; она ужасно много болтала; казалось, что уже не остановится, и время от времени взмахивала руками. Наконец-то она избавилась от подавлявшей ее печали. Джин весело слушала свою подругу и в конце концов заливисто рассмеялась. Ну вот, от ее грусти не осталось и следа – примерно так, как это случается с детьми, которые переходят от слез к смеху, сами того не замечая. Она посмотрела на меня издали, улыбнулась и подмигнула, что, видимо, означало: «Все в порядке, мне лучше, спасибо». По крайней мере, так я это истолковал.

Когда мы добрались до ее дома, был уже вечер. Она спрыгнула с мотоцикла и крепко меня обняла. Она долго прижимала меня к себе и прошептала мне на ухо:

– Спасибо, ты был очень мил.

Мы пристально посмотрели друг на друга. Потом она покачала головой и добавила:

– Ты даже не представляешь, Стэп, как я тебя люблю.

Но не дала мне ответить. Она убежала и влетела в подъезд, даже не обернувшись, будто устыдившись своего признания.

Действительно. Может, я не воспринял этого всерьез. У нее такая своеобразная манера любви.

Не успел я приехать домой, как у меня зазвонил мобильник.

– Любимый! – Она ошеломила меня своим восторгом. – Но тебе не следовало этого делать!

– Ты о чем?

– Дурак! Они такие дорогие!

– Мне кажется, ты ошиблась. Я бы с удовольствием, но, к сожалению, это, наверное, был подарок от какого-нибудь другого твоего поклонника.

Она стала смеяться как сумасшедшая.

– Может, ты и не обратил на это внимания, но в том магазине единственным моим потенциальным поклонником был только ты; все остальные были женщины или геи!

Я тоже рассмеялся: я и впрямь не обратил на это внимания, все время смотрел только на нее, надеясь, что ей удастся развеять эту тоску.

– Они мне ужасно понравились, я хотела их купить, но они слишком дорого стоили.

Тут мне на телефон пришла фотография: она с серьгами, которые благодаря мне обнаружила в кармане куртки. А под фото – текст: «Они тебе они нравятся? Мне – очень, почти как ты! И не из-за этих коварных сюрпризов». Я снова услышал ее смех в телефоне. «Она до тебя дошла? Может, потом я пришлю еще одну – на ней я буду соблазнительной и полуобнаженной, в качестве приза. Сегодня ты был действительно безупречным».

И она отключилась. Что ж, я рад. Ей лучше. Я решил пойти на кухню, налить себе пива, немного расслабиться – может, посидеть за компьютером, посмотреть фильм, как вдруг неожиданно зазвонил мобильник. Пришло сообщение, фотография. Я был поражен. И это она, с ее стыдливостью. Она, с ее застенчивостью. Она, с ее невинностью. Она снялась в полумраке, голой. На ней были только ярко освещенные серьги. Под фотографией она написала: «Только для тебя, навсегда». Мне ее захотелось, и я решил ответить: «Мне бы хотелось быть там. Чтобы снять с тебя и серьги и заняться с тобой любовью прямо сейчас».

Она сразу же послала мне «сердечко».

Такая уж она, Джин. В ту ночь она преодолела свою боль только благодаря тому, что ощутила себя любимой.

Но как мне сделать, чтобы она преодолела ее сегодня? На этот раз виноват я, и я должен добиться того, чтобы она снова в меня поверила.

И вот я стучусь в дверь и придумываю слова, которые можно будет сказать. Но мне приходит на ум только это. «Вы должны мне помочь». Может, было бы лучше сказать: «Джин – изумительная, а я – скотина». Это была бы чистая правда, но думаю, что она бы захлопнула дверь прямо перед моим носом, не желая больше ничего слушать. Я молчу, смотрю на эту пока еще закрытую дверь и продумываю другие возможные фразы. Но мне ничего не приходит в голову. В жизни бывают моменты, которые кажутся бесконечными. И это один из них. Наконец я слышу шаги; они приближаются и стихают прямо за дверью.

– Кто там?

– Стефано Манчини.

– Кто?

Ну вот, конечно. Самое худшее. Она даже не знает, кто я. Однако дверь открывается, и на пороге появляется женщина, которая часто выходит на улицу вместе с Джин, ее мать.

– Добрый день, я друг вашей дочери...

– Я знаю, кто ты.

Я молчу. Мне хочется провалиться сквозь землю. Черт, в жизни я дрался с такими типами, которые были в два раза здоровее меня, но не испытывал никакого страха. А сейчас под взглядом этой женщины мне совсем не по себе.

– Ты же Стэп, да? Моя дочь говорила мне о тебе.

– Да, это я. А что вам сказала Джин?

– «Скажи, что не откроешь». – Она мне улыбается. – Но я уже открыла...

22

В то утро Джин выходит из дома и не видит его. С одной стороны, она довольна, но в глубине души это ей не нравится. Она не думала, что он устанет так быстро, но если уж так случилось, то значит, так будет лучше для всех. Ее бабушка Клелия всегда ей напоминала: «Ты должна заставлять ждать мужчин до тех пор, пока им уже совсем невтерпеж, как и тебе. Так вот: тот, кто выдержит и останется, – само совершенство».

Стэп не был совершенным. Жаль, но он нравится ей даже в своем несовершенстве.

В университете, поглощенная лекциями по праву, она об этом особо не думает. Отправляет эсэмэску домой, предупреждает мать, что вернется около шести и пообедала бутербродом с семгой и коктейлем из яблок, апельсинов и моркови. Мама читает сообщение и улыбается. «Что скажет обо всем этом моя дочь? Да я уже знаю: она обвинит меня в предательстве, но в глубине души подумает, что я поступила правильно. По крайней мере, я на это надеюсь». Решив так, она берет конверт и прячет его на кухне до тех пор, пока не настанет момент отдать его Джин. В шесть вечера с небольшим она слышит, как открывается дверь.

– Мама, ты здесь? Это я.

У Франчески начинается учащенно биться сердце. Она боится, что обнаружит себя, что волнение, отразившееся на ее лице, может ее выдать. Ее дочь очень чуткая.

– Ага, вот ты где! А что ты делаешь?

Джин стоит на пороге кухни.

– А ты как думаешь? – Мать показывает ей на утюг, который она держит в руке, и на рубашку отца, разложенную на гладильной доске.

– Попробую угадать. Ммм... – Джин улыбается, делая вид, что ее осенило. – Ага, ты пытаешься сжечь папину рубашку!

– Точно! И если у меня это получится, то ты сама от него натерпишься, учитывая, какой он аккуратист.

– Кстати, где он?

– Играет в мини-футбол с друзьями.

– Он держит себя в форме, тут уж ничего не скажешь.

Джин идет в свою комнату и на секунду задумывается об отце, который держит себя в форме, и о матери, которая гладит для него рубашки, всегда стараясь, чтобы он выглядел красивым, нарядным, соответствующим любой ситуации, безупречным. Вот именно – безупречным. Кто знает, сколько она заставляла его ждать, в соответствии с правилами бабушки Клелии. Джин смеется. И кто знает, может, они и до сих пор друг другом увлечены? Кто знает, что происходит в этой спальне раз в неделю? Или в месяц? Или в год? Джин мысленно возвращается к Стэпу; к тому, как они жили раньше; к тем дням, которые провели на Мальдивах, почти без одежды, в горячей воде, на пляже, в бунгало, без расписания, без времени, не назначая встреч. Секс, любовь... Не было ни одного момента, когда бы они не обнимались. Стэп был для нее своего рода магнитом; ее к нему влекло, стоило только ему слегка коснуться ее ноги, спины или даже руки – она уже возбуждалась. Такого с ней никогда не случалось ни с одним мужчиной, тем более что у нее их было не много. А потом его запах, запах Стэпа: когда они обнимались, она его всюду целовала. Природный афродизиак, вопрос химии. Джин даже пыталась это обосновать: речь шла о феромонах, ароматных веществах, вырабатываемых людьми и напрямую направляющих нас к нужному партнеру. И вспомнить, что одни даже обвиняли ее в холодности, другие – во фригидности... Нет, правда заключалась в том, что она никогда не была по-настоящему влюблена. Джин про себя смеется. Не то, что не фригидная, наоборот! Ей казалось, что со Стэпом она стала кем-то вроде нимфоманки; ее пугало и в то же время удивляло, что она стала такой. Как в ту ночь в бунгало, где под звездами он ей сказал: «Хватит,

прошу тебя, хватит». Она дрожала от своих ощущений и наслаждения. Стэп смеялся, думал, что она над ним подшучивает. «Ты не понял, я была его Омегой. Я совершенно очумела!»

– Очумела? Лучше скажи: «одурела»!

– Вот именно, точно, одурела!

И они продолжали смеяться, а потом пить холодное пиво, глядя на звезды. Джин теряла голову и в этих его объятиях, и в его глазах, и в каждом из поцелуев, который казался ей неповторимым, особенным.

– Ты мой?

– Только твой.

Следующей ночью они занимались любовью еще нежнее; она чувствовала, как он в нее проникает – сначала тихо, потом сильнее, страстно, и Джин укусила его за шею, прижала к себе: она была близка к тому, чтобы закричать.

– Тихо! – со смехом прошептал ей Стэп. – Тут соседи.

– Так и они тоже будут счастливы, если услышат, как я кричу!

Они уснули вот так, утонув в аромате этой любви, еще горячие после секса, с открытыми ртами, слившись друг с другом, наполняясь одним дыханием, уже не разделяясь.

Кажется, что Джин почти пробуждается от этого воспоминания; у нее на глазах наворачиваются слезы. «Разве этого было мало? Ты хотел больше? Разве это было не самое прекрасное, что мы могли испытать? Тебе надо было снова закрутить с ней роман? Но ты же с ней уже был, это даже не было завоеванием. Так почему?» Джин уже несколько месяцев задает себе этот вопрос, и несколько месяцев не находит на него ответа. И с тех самых пор не занимается сексом. И, может быть, уже больше никогда им не займется! Боже мой, об этом страшно и подумать.

– Мама! – Джин идет на кухню и, вспоминая по пути о том, что она подумала про нее и про папу, готова рассмеяться.

Франческа только что закончила гладить, убирает со лба прядь волос, упавшую ей на лицо.

– Да, дорогая, я тебя слушаю.

Джин появляется в дверях в спортивном костюме.

– Я пойду немного побегая. Мне нужно развеяться. Буду дома через часик.

Франческа кивает; ей бы так хотелось рассказать дочери все или хоть что-то – да, одним словом, изложить план, то, что было намечено, но она не решается.

– Конечно, сокровище. Пока.

Она смотрит, как Джин уходит, оставаясь перед закрытой дверью и не зная, что делать с печалью Джин: этой печали не видно, но она дает о себе знать. И виноват в этом тот парень, Стэп. Франческа качает головой. «Еще неизвестно, как это воспримет Джин, даже не знаю». Но она уже решила; ей не нравится мириться с происходящим, ничего не пытаясь изменить. Франческа считает, что всегда лучше делать хоть что-то, чем бездействовать в надежде, что время загладит страдания. А если даже времени будет мало? Она начинает раскладывать поглаженную одежду по местам. И позволяет себе небольшую улыбку. Нет, она уверена, что поступила правильно.

Джин подъезжает к пруду в квартале Тор-ди-Квинто, паркуется и, едва выйдя из машины, надевает наушники, выбирает свой плейлист на «Спотифай» и начинает пробежку. Первой звучит песня: «Yellow» группы «Coldplay». «Вот именно, – думает Джин, – мне нужно начать думать о новой жизни. Стэп перестал меня искать, он познакомился с Алессией или какой-нибудь другой, понял, что не стоит тратить время и что так будет проще». Эта мысль ее огорчает. Ей хотелось бы, чтобы он еще долго, очень долго стоял перед этим подъездом, и, в конце концов, она бы его простила. «Но возможно ли прощение в любви? Буду ли я на него способна?

Не буду ли я продолжать всегда думать, что в те минуты он не был моим? Его губы, язык, дыхание, объятия, голова, сердце, его... Нет. Я не хочу думать об этом, черт побери! Вот, я должна была ему это сказать!» И она смеется, немного удлиняя шаг. «Хорошо, начнем представлять себе новую жизнь, да, новую жизнь с другим. Начнем с тех, кто в последнее время так или иначе пытался меня закадрить. Во-первых, Джованни: с виду он симпатичный, но довольно глуповатый. Учится в медицинском, но говорит только о себе: „я, я, я“. „Я умею делать это, я умею делать то“. Интересно, какой он в постели? О боже, только не это! Я даже не могу представить, чтобы он ко мне прикоснулся. Во-вторых, Массимо. Высокий, худощавый, симпатичный, интересный. Но слишком неуверенный. Пришлось бы соблазнять его мне, а мне это, честно говоря, не по душе. Он слишком часто повторяет, что я красивая, как будто это предел, вместо того, чтобы просто попробовать доставить мне удовольствие. Он себя ограничивает. Он всегда будет страдальцем, будет постоянно себя мучить. Полная противоположность этому охламону, это наглецу Стэпу! К черту!» Она думает об этом почти с яростью, зная, каким безупречным он был для нее, даже будучи абсолютно несовершенным. «Хватит! Точка! Стоп! Только не Стэп. Прочь из моей жизни, навсегда. Окончательно. Я должна выходить из подъезда, даже не любопытствуя, ничего не ожидая, не думая о том, что он может быть тут, и что наши отношения могут развиваться. Нет, надо оставить его там, в той жизни, которая больше не должна мне принадлежать, которая приносит слишком сильные страдания».

И Джин сосредоточенно бежит, разрабатывая дыхание, сохраняя ритм, и в этом ей помогает мелодия песни «Come» певицы Джейн. Потом ее осеняет. «А что, если это будет Никола? Он единственный, кто меня смешит; с ним в университете мне иногда весело, беззаботно. Один раз он даже проводил меня домой. Если бы нас встретил Стэп! Это было бы для него справедливо, он это заслужил. Хотя, может, для Николы это было бы несправедливо. Он всегда внимательный, вежливый, никогда не скажет лишнего слова, не позволит себе ни одного намека. Он умеет чувствовать мое настроение. Он понял, что сейчас не время, что пока хорошо просто общаться, развлекаться, смеяться. Несколько раз он приглашал меня на ужин, но я ответила отказом. Если он будет настойчив и пригласит меня снова, то я уже точно не откажусь».

Джин бежит быстрее, начинает бежать с азартом: это последний круг перед тем, как возвратиться домой, чтобы поужинать со своими. Она еще не знает, что все пойдет совсем по-другому.

23

– Мама, я вернулась!

Джин закрывает за собой дверь и замечает странную тишину.

– Мама, ты здесь?

И тут появляется Франческа, которая, судя по всему, успокоилась, как полагается.

– Да, конечно, я здесь...

– А что ты делала?

Джин поднимает бровь, слегка заподозрив что-то неладное.

– Готовила, а что?

– Ммм... И правда, чувствую, как вкусно пахнет! Что у нас на ужин?

– Готовлю вкусный грибной суп для папы.

– Как это? А для меня – нет? Ты от меня что-то скрываешь.

– Ну что ты говоришь! – Франческа начинает смеяться. – Разумеется, и для тебя тоже!

Только не знаю, может, тебя куда-нибудь уже пригласили или...

Джин немеет. Ее сердце начинает бешено биться. Она чувствует, что ей не хватает дыхания, у нее кружится голова. «Кто? Что? Он не мог быть здесь. Не опять. Не сейчас. Не с моей матерью». Тогда Джин пронзает ее взглядом, но мать спокойна, улыбается ей и качает головой, словно спрашивает: «Что с тобой, моя девочка?» А потом произносит простую фразу: – Элеонора оставила в твоей комнате конверт, может, с пригласительными билетами, я не знаю, я его не открывала.

– Ну еще бы! Этого еще не хватало!

Джин становится суровой, уверенной в себе и быстро идет в свою комнату. Франческа с облегчением вздыхает; самое трудное уже сделано. «Слава Богу, я думала, что не получится». На столе лежит запечатанный конверт, Джин его открывает, разрывая сбоку, и находит записку, написанную характерным почерком Эле:

«Приветик, как ты? Мы с тобой уже сто лет не перезванивались! Придешь сегодня вечером в ресторан „Мирабелле” на улице Порты Пинчиана, дом четырнадцать? Давай, это будет отличный ужин на двоих! Я должна тебе сказать что-то важное. Очень важное, настолько важное, что я, разумеется, не могу сказать этого по телефону! И без всяких твоих обычных отговорок, поняла? Я забронировала столик на имя Фьори, на девять вечера. Давай, я тебя жду!»

Джин складывает записку. «Черт, уже двадцать минут девятого. Мне еще нужно принять душ, не знаю, успею ли к девяти. Ладно, сейчас ей позвоню». Джин берет мобильник, выстукивает номер, но там включен автоответчик. «Ни слова... Эле, как всегда, растяпа. Какая ерунда! Теперь мне придется все делать второпях!»

– Мама! – кричит ей Джин из своей комнаты, быстро раздеваясь.

– Что, милая?

– Нет, ничего, сегодня вечером я буду ужинать в ресторане.

«Ну надо же! – думает Франческа. – Серьезно?». И про себя смеется, но вслух говорит:

– Хорошо, но только не слишком задерживайся.

– Нет, нет, – обещает Джин и прыгает под душ.

24

Оставляя машину на парковке в Лудовизи, Джин слышит вибрацию мобильного. Пришло сообщение. Джин смотрит, который час. Ровно девять. «Это чтобы Эле стала такой пунктуальной? Да она такой никогда в жизни не была. А теперь ей хотелось бы, чтобы пунктуальной стала я! Безумие!» И тут она видит, как сильно можно ошибиться. Нет, это от Николя! Невероятно, но совпадения действительно существуют. Ведь именно о нем она только что думала.

«Привет, Джин, как ты? Надеюсь, все хорошо. Ты не против, если завтра вечером мы куда-нибудь сходим? Например, на открытие нового кафе? А если нет, то в ресторан, про который я тебе говорил. Дай мне знать. Хорошего вечера! Или доброй ночи, если ты скоро ляжешь спать. Хотя я сомневаюсь...»

«Да уж, это не Стэп, но, по крайней мере, он симпатичный». Так что она ему сразу же отвечает. В самом деле, хватит откладывать.

«Все в порядке, спасибо. Мне будет очень приятно тебя увидеть. Я бы предпочла новое кафе. В любом случае, созвонимся завтра. Спокойной ночи».

«Да, гораздо лучше аперитив в кафе, чем ужин только вдвоем. Очень странно, что он предложил мне именно „Мирабелле” – ресторан, который выбрала Эле. Что ж, сразу видно, это модное место». Джин входит в подъезд гостиницы и идет дальше, следуя указателям. Заходит в лифт, нажимает на кнопку с цифрой «семь». Двери закрываются и лифт едет вверх, на верхний этаж этого великолепного здания. Когда двери лифта открываются, она замирает с открытым ртом. Рассеянный свет, цветы повсюду, застекленные витрины, заполненные хрустальной посудой, сосудами из выдувного стекла и старинного фарфора – совершенными, безупречными. Из огромных окон открывается умопомрачительный вид, от зданий в умбертинском стиле квартала Пинчиано вплоть до исторического центра и даже дальше, где римские крыши сливаются с бесконечностью. Ресторан совершенно пуст. Здесь только официант: ему слегка за пятьдесят, он лысоват. Он улыбается ей. Рядом с ним, одетый, как положено, в униформу, с непременно колпаком на голове, – шеф-повар с аккуратной бородкой. Он весь внимание.

– Добрый вечер, вы, наверное, Джиневра, – любезным тоном говорит официант. И Джин удается только кивнуть. – Мы вас ждали, прошу вас, сюда. Столик на имя Фьори, верно?

Джин снова кивает и молча следует за официантом. Шеф-повар ее сопровождает и передает ей лист бумаги.

– Я позволил себе приготовить эти блюда, но если вы хотите что-то другое, только скажите.

Джин берет меню, отпечатанное на слегка рифленной бумаге цвета сливок, и начинает читать. Глодает слюну. Она не верит своим глазам.

«Спагетти с морскими черенками и прессованной икрой кефали. Соленый сибас с гарниром из спаржи и фиолетового картофеля. На десерт – ананас и фисташковое мороженое».

Это ее любимые блюда. Джин удается только пролепетать: «Нет, нет, все отлично». Шеф-повар улыбается, но Джин понимает, что здесь что-то не так. «Это не в духе Эле – придумывать что-нибудь такое: она даже не помнит, кладу я в кофе сахар или нет. А тут такой подробный список...»

– Прошу вас. – Официант отодвигает стул, приглашая ее сесть. – С вашего позволения я вернусь на кухню.

И они оба, вместе с шеф-поваром, уходят. В центре стола стоит закрытый ноутбук с наклеенной на него липкой бумажкой, на которой написано печатными буквами: «Это для тебя, открой его».

Джин подвигает его к себе, открывает крышку с экраном и слегка наклоняет ее назад, пока экран не оказывается ровно перед ней. На клавиатуре лежит другая записка, тоже напи-

санная печатными буквами: «Нажми здесь». Джин так и делает. Начинается ролик с чудесной музыкой Тициано Ферро, с его песней «У тебя в глазах острова», завершаясь как раз тогда, когда на экране появляется Элеонора:

«Я тебе сразу скажу, чтобы ты не сердилась: к сожалению, у меня дела, но я тебе клянусь, что ужинать в этом ресторане с тобой было бы чудесно, чудеснее всего на свете, и я хотела бы сделать это с огромным удовольствием. Черт, я бы охотно пообедала и с этими двумя, которые, как я вижу, тебя тут обслуживают. Да ладно, нет, я шучу! К сожалению, я пока еще очень влюблена в Маркантонио, и именно он заставил меня все это сделать... То есть я не слышала его больше двух месяцев, и он мне позвонил только из-за этого, понимаешь?»

Потом Элеонора смотрит вправо от экрана и кивает. «Да, да, хорошо», – говорит она кому-то за пределами видимости. Потом она снова поворачивается к камере компьютера и фыркает; видно, что этот кто-то, ей, наверное, что-то запретил. «А сейчас, к сожалению, я должна с тобой проститься, развлекайся, прощу тебя, а завтра ты мне все расскажешь, поняла? Но именно все-все-все».

Она ехидно улыбается, и видео заканчивается.

Джин продолжает смотреть на черный экран, когда начинается следующий ролик. Появляется ее мать; она смотрит потерянными глазами.

«Мне надо говорить? Что, уже началось? Ах, да, хорошо, тогда начинаю». Франческа немного скована и скорее смотрит на кого-то другого, чем в камеру. Потом кто-то за кадром объясняет ей, что делать, и, наконец, Франческа сосредотачивается и начинает говорить: «Милая, я уже знаю, что отныне буду для тебя предательницей, но иногда мать должна брать на себя ответственность. Вот я и подумала, что будет правильно вмешаться в это дело, потому что я вижу, что тебе все еще очень плохо. Хочешь знать, о чем я думала все эти дни? И вот что я тебе скажу: иногда мы упрямы и только из-за гордости отказываемся от нашего счастья. Видишь, как мы с папой счастливы? Счастливы, правда? Да, но ты должна знать, что и мы тоже совершали ошибки, в наших отношениях были кризисы; один из нас совершил ошибку, изменил. Представляю себе, что ты можешь удивиться или даже расстроиться, но ты должна об этом узнать. Ты должна знать и, самое главное, понимать, что твои родители – живые люди. И он тоже человек, и это естественно, что он ошибается. Он меня попросил... – И видно, что Франческа указывает на кого-то за кадром, – убедить тебя, попросить тебя поразмыслить и понять, что он тебя любит. Да, так он мне и сказал! Нет, не волнуйся, он не рассказывал мне ничего из того, что произошло, но он дал мне понять, что ошибся. Я твоя мать, и мне не нужно знать всего; я уже прекрасно обо всем догадалась. Я была бы совсем дурочкой, если бы не заметила, сколько ты плакала и что парень, который каждое утро стоит перед нашим подъездом, – это не новый почтальон, а кто-то, кто ищет твоего прощения. Неужели так трудно простить? Может быть. Страдания велики, я это знаю, я и сама страдала, но я счастлива, что дала еще один шанс твоему отцу. Ой, мне изменяли; вот я тебе и сказала, что это изменял он. – Франческа смеется. – Однако если бы я его не простила, то тебя и твоего брата сейчас бы не было, а я точно знаю, что моя жизнь без вас была бы не такой счастливой. Милая, поступай так, как считаешь нужным, но я хотела, чтобы ты знала про эту часть нашей жизни, о которой не знала раньше; может, это тебе поможет принять правильное решение. Люблю тебя. Твоя предательница-мама».

Джин молчит, смотрит на экран, и не проходит и секунды, начинается новый ролик. На сей раз это он, Стэп.

«Так ты думала, что я оставил тебя в покое, правда? Нет, я никогда не отступаю. Я убедил Маркантонио умолять Элеонору написать записку, которую ты нашла. Я заставил его сделать это, не гнушаясь шантажом. Одним словом, так или иначе все мы друг другу что-то должны. Все, кроме твоей мамы. Вот она-то была по-настоящему милой; серьезные проблемы у нее были только с тем, как попасть в кадр. Ты заметила, да? Но потом она наловчилась. И все-таки

учти, что мы сняли это практически с двадцатого дубля! Короче говоря, мы сняли почти целый фильм! – Джин хохочет. – В общем, он уже готов для телепередачи или сериала. Но я ей ничего не сказал – ни про нас, ни про то, что ей нужно говорить. Она спросила меня только об одном: „Стэп, а ты и вправду хочешь сделать ее счастливой?“ И я ей ответил: „Больше всего на свете“. Тогда твоя мама улыбнулась и сказала: „Ладно, давай, доставай кинокамеру, будем снимать“. Правда, потом она изумилась: „Как, этой штуковиной? Неужели? Просто мобильником? А я-то бог знает что себе воображала!“».

«Да уж, – думает Джин, – мама – она как раз такая, технически безграмотная». И продолжает смотреть видео.

«Теперь, дорогая Джин, есть два выхода. Я бы мог поднять переполох и привлечь и твоего брата, и отца, и дядю, и людей, о которых ты мне рассказывала. Или же я мог бы пойти на телевидение, на программу Марии де Филиппи. В любом случае то, что я хочу тебе сказать, останется тем же самым. Ты не веришь, что Стэп, который делает это все для тебя, тебя любит, чувствует себя виноватым и хотел бы, чтобы его простили? Ладно. Если ты не хочешь меня прощать, то просто люби меня так, как любила раньше, мне и так хорошо».

Ролик распадается на несколько фотографий, которые в прежние времена они снимали вместе. А фоном звучит ее любимая песня – «Некоторые ночи» Лучано Лигабуэ. А вот фотографии с прослушивания в театре Делле-Витторие; их первый ужин; прогулка вдвоем. А вот они едят мороженое в баре, а потом оба смеются, потому что у Стэпа согнулся вафельный рожок, и мороженое шмякнулось на прилавок. Фотография на мотоцикле, сделанная тайком с его зеркала; одно селфи на проспекте Франции, другое – на мосту на закате, третье – на фоне висячих замков, еще одно – на рассвете какого-то дня на том таком диком и пустынном пляже Мальдивских островов. Потом песня Лигабуэ совмещается со словами песни «Гордость и достоинство» Лучио Баттисти: «Без тебя, уже без корней... Сколько еще дней впереди, и все их надо потратить...», воспоминания обо всем времени, проведенном вместе... «Я чувствую себя пустым мешком, брошенной вещью...» «Да, такой и я себя чувствовала, Стэп. Ни одна песня никогда не была точнее и уместнее, и даже музыка передает душераздирающую боль от ощущения пустоты вместо любви». Слезы безмолвно начинают стекать по ее щекам, одна за другой, пока она сидит перед этим темным экраном, в освещенном зале, на великолепной террасе над крышами Рима. Но эта красота не может сгладить боль. «Нет, не могу», – думает Джин. Потом на темном экране ноутбука появляется ее отражение. А за ним – Стэп:

– Привет, Джин. Твоя боль меня мучает. Я сейчас на тебя смотрю и стыжусь еще больше. Я бы никогда больше не захотел совершать того, что сделал, я бы вернулся назад и уничтожил бы то, что было, но это невозможно. Только ты можешь это сделать, если хочешь: стоит только тебе улыбнуться и оставить все эти страдания в прошлом. Прошу тебя, подари мне еще один шанс. Клянусь тебе, такого больше никогда не повторится.

Стэп разводит руками, потом закрывает глаза и ждет, что так или иначе судьба свершится, и что-нибудь произойдет. Он слышит звук отодвигаемого стула и тогда еще сильнее замуривает глаза, делает глубокий вдох и ждет. И наконец чувствует, как она крепко, от души его обнимает. Стэп открывает глаза. Джин у его груди. Он немного отклоняется и улыбается ей.

– Я спрашиваю себя, почему я так сильно тебя люблю, но не нахожу никакого ответа. Единственное, что я знаю – это то, что ты невероятно красивый.

И они страстно целуются. Из другого конца ресторана, из-за стеклянной двери официант и шеф-повар наблюдают эту сцену.

– Ну вот, – вздыхает повар, – можно подавать ужин.

Но официант продолжает улыбаться и радоваться счастливому концу этого странного фильма.

– Эй, давай, пошевеливайся, иди в зал, узнай, какое вино они хотят! – ругает его шеф-повар и возвращается на кухню, чтобы завершить приготовление блюд «меню для Джин».

Чуть позже. За большими окнами темно-синее небо освещено несколькими дальними звездами.

– Какое чудесное место... Какой отсюда вид, – говорит Джин. Стэп улыбается и ставит бутылку траминера в ведро со льдом.

– Да, изумительный.

– Но как ты это сделал?

– Забронировал? Просто позвонил, проще простого.

– Дурак! Я имею в виду, забронировал его только для нас.

– Хочешь честно? Я и сам не понимаю. Думаю, они узнали о нашем романе и потому сжалились надо мной.

Джин фыркает:

– Неужели ты не можешь говорить серьезно хотя бы раз?

– Ну хорошо. Они задолжали одну услугу Полло, так что я воспользовался этой, если можно сказать, любезностью... И все-таки, эх, они заставили меня заплатить за ужин!

– Ну и скотина же ты!

– Ну извини, ты же сама меня спросила. Или я не должен был тебе этого говорить?

– Мог бы и умолчать.

– Ну уж нет. Ты должна знать, что я пытался вновь завоевать тебя во всем и для всего.

И совсем не только благодаря любезности Полло.

– Наверняка у твоего друга были должники по всему Риму.

– Да, он много кому делал добро. Да и к тому же, хотя он был немного... такой, все относились к нему с симпатией.

– «Такой»? Какой такой? Что ты имеешь в виду?

– Такой, такой... такой Полло. Вот и все.

Джин кивает и пробует кусочек сибаса.

– Ммм, пальчики оближешь. «Меню для Джин» – такая вкуснятина!

– Это да.

– Шеф-повар просто гений.

– Да, правда.

Джин смотрит на Стэпа, и внезапно ее настроение меняется.

– Так ты уже был здесь с какой-то другой?

Стэп становится серьезным.

– Нет, никогда.

Джин снова на него пристально смотрит.

– Я говорю правду.

Она успокаивается и снова берется за еду, но потом вдруг снова перестает, словно о чем-то вспомнила.

– Поклянись, что больше никогда не придешь сюда с другой.

Стэп берет салфетку, вытирает губы, поднимает обе руки и скрещивает указательные пальцы около рта.

– Клян... – начинает он.

– Да, да, клянется он всеми святыми! Нет, давай серьезно, ты должен сказать это серьезно.

– Ладно.

Тогда он поднимает правую руку к лицу – ладонью к себе и тыльной стороной к ней.

– Клянусь, что больше никогда не приду сюда в «Мирабелле» ни с какой другой... – и добавляет: —...кроме тебя. И надеюсь, для того, чтобы отпраздновать что-то хорошее, а не для того, чтобы заслужить прощение.

– Хорошо, я согласна.

Ее лицо светлеет: похоже, у нее не осталось никаких опасений.

В тишине этого прекрасного зала – только они вдвоем. Не слышно никаких звуков, кроме песни «Взгляд любви» Берта Бакарака.

Не поднимая глаз от тарелки, Джин говорит ему тихо и таким тоном, который почти не кажется ее собственным.

– Не знаю, как ты убедил мою мать, и тем более не знаю, как ты убедил меня. Но прошу тебя, не заставляй меня больше страдать. Иначе я просто умру. Если ты не уверен, что сможешь, то тогда встань прямо сейчас и уйди, прошу тебя.

Стэп смотрит на нее: она все еще не поднимает взгляда от тарелки. Он немного молчит, и вдруг ему, как никогда, становится стыдно за то, что случилось.

– Джин, прости меня, серьезно, больше такого не произойдет, клянусь тебе.

Он берет ее за руку, и тогда Джин поднимает глаза и улыбается ему. Кажется, что теперь она уже не сомневается и успокоилась, наконец-то успокоилась, и они продолжают есть, часто переглядываясь и иногда улыбаясь друг другу, хотя и немного смущенно.

Потом Джин внезапно любопытствует в последний раз.

– Извини, а если бы я не согласилась тебя простить, то за весь этот ужин заплатила бы я?

– Боюсь, что так.

– Тогда хорошо, что ты остался! Я ушла из дома без денег.

25

Ворота автоматически открываются, и я въезжаю во двор на своем «смарте». Я живу в районе Камиллучча, в небольшом коттедже внутри квартала. Сад освещен. Выходя из машины, вижу, что посаженные вдоль фасада жасмин, белые розы и бугенвиллеи разрослись так пышно, что заполонили почти весь дворик.

В окнах первого этажа я вижу гостиную и кухню, две единственные комнаты, в которых горит свет. Быстро поднимаюсь по лестнице, открываю дверь и слышу ее голос:

– Это ты, любимый?

– Да, я пришел.

Ключи от машины и дома кладу на столик в прихожей, снимаю куртку и вижу Джин. Она улыбается и как всегда светится, жизнерадостная и веселая. Она меня крепко обнимает.

– А вот и ты! Как здорово! Наконец-то ты вернулся! Давай-ка, присядь здесь, я должна тебе показать одну вещь. – Она исчезает на кухне, но продолжает говорить со мной издалека: – Ну как там все прошло в тренажерном зале?

– Хорошо. Как я тебе говорил по телефону, один парень попытался меня завалить, но у него ничего не вышло. Как видишь, я цел и невредим.

– А на работе?

– Все в порядке.

Запускаю на айфоне попури из джазовой музыки и сажусь на диван посреди гостиной.

Я не буду рассказывать ей о том, что случилось; о том, как были подписаны договоры. Не буду рассказывать и о секретарше, ее сговоре с Баби; о том, с каким абсолютным спокойствием я пошел на эту выставку; каким невероятным сюрпризом была встреча с ней – настолько, что пришлось поверить в шутки судьбы, в то, как курьезна жизнь. А потом обнаружить, что все это было подстроено, что люди вламываются в твою жизнь и уходят из нее, не спрашивая разрешения, без стука. Люди? Нет, она. Та, что когда-то вдруг исчезла, не предупредив, теперь пришла, чтобы поздороваться и сообщить мне новость: так, ничего особенного, ага: «Знаешь, а у тебя есть сын...»

– Вот твое пиво.

Джин прерывает мои беспокойные мысли, появившись передо мной с бутылкой «Бада» и стаканом, но я пью прямо из бутылки.

– Некоторые привычки ты никогда не меняешь...

Я киваю и делаю другой глоток, еще больше. Чувствую себя виноватым, и, в довершение ко всему, Джин проявляет странное любопытство.

– Но что же произошло на работе? Расскажешь мне? У тебя по телефону был такой странный голос.

Я смотрю на нее, и на мгновение мне приходит в голову мысль, что было бы неплохо ей все рассказать. Но вместо этого я улыбаюсь и всего лишь отвечаю:

– Да ну, ничего особенного.

И я думаю о том, что люди часто слышат эти слова – «Да ну, ничего особенного», – но за ними стоит целый мир, куча разных вещей, которых к тому же просто не могло быть. Между тем, что я думаю сказать Джин, и тем, что я ей действительно скажу, пролегает бездна, которую я заполняю своей улыбкой. Да, я улыбаюсь как можно беспечнее, чтобы не показывать ей, что моя жизнь необратимо изменилась. Да и, пожалуй, ее тоже.

– Ну как, ты готов? – весело дразнит она меня. – Тебе придется принять кое-какие решения. И если ты умный, проницательный и решительный на работе, то и здесь ты должен быть таким же.

– А кто тебе сказал, что на работе я такой?

– У меня свои осведомители.

Надеюсь, что не секретарша. Меня разбирает смех.

– Ах, ну да, Джорджо. Но у него обо мне прекрасное мнение, которое, уж не знаю, почему, изменилось.

– Думаешь, он голубой?

Похоже, Джин по-настоящему встревожена.

– Да нет, я пошутил!

– Тогда ладно. А теперь подожди здесь.

Не успеваю я сделать еще один глоток пива, как Джин возвращается с несколькими буклетами.

– Ну вот. В те дни, пока я была у родителей, я собрала все материалы. Сейчас я их тебе покажу. – И она кладет каталоги на низенький стол перед нами. – Итак... – Она смотрит на меня с огромным удовлетворением. – С чего мне начать, как ты хочешь?

– Еще с одного пива! – Я встаю и иду на кухню. – Тебе чего-нибудь принести?

– Да, колу «зеро», спасибо.

Я возвращаюсь к ней со стаканом с долькой лимона и двумя бутылками – ее колой «зеро» и моим «Бадом» – пивом, которое мне ужасно нравится.

– Ого, да здесь же три четверти литра!

– Мне хочется пить, я как следует пропотел в тренажерном зале.

Я не говорю ей правду. Мне нужно расслабиться, отвлечься. Делаю большой глоток и слушаю, что она говорит.

– Так вот: ресторан – вот этот, на берегу озера. Посмотри, как красиво здесь все освещено. – И она показывает мне фотографию виллы с большим ухоженным садом и вариантами размещения фуршета и гостей как внутри, так и снаружи. – А вот здесь могли бы разместиться музыканты. – Она достает айпад. – Что скажешь про Франки с группой «Кантина»? Они играют чудесную музыку из семидесятых и восьмидесятых годов, а еще песни Тициано Ферро, Бейонсе, Джастина Тимберлейка...

Я утвердительно киваю, почти по-идиотски, потому что все больше думаю, что мне следовало бы рассказать ей все. Как я могу жениться, не поделившись тем, что со мной только что произошло?

Джин продолжает показывать мне, что она выбрала.

– Что касается бонбоньерок, то в конце концов я решила, что мне нравятся акварели с видами Рима – те, которые рисует художница, подруга Эле. Красивые, правда? А вот меню будет разнообразным... Кстати, в понедельник мы поедем все это попробовать с моими родителями. Ты же не забыл, правда?

Я киваю и говорю: «Да, конечно...», хотя, естественно, это совершенно вылетело у меня из головы.

А она продолжает рассказывать мне о деталях, наполненных любовью, об элементах того, что будет нашим самым прекрасным днем.

– Платье и прическу я не могу тебе показать, но ты даже не представляешь, как бы меня порадовал твой совет!

Она улыбается, целует меня и крепко обнимает. И мне кажется, что я сделал ей предложение совсем недавно, учитывая случившееся.

26

Мы занимаемся любовью при открытых окнах. Свет луны проникает в темноту комнаты и освещает Джин, местами ее обнажая. У нее чувственная, немного детская красота; коротко подстриженные волосы, нежные, но четко очерченные губы. Я смотрю на нее в полутьме; ее грудь омыта лунным светом.

– Что такое? Почему ты так смотришь?

– Ты чертовски красивая, сногшибательная.

– А ты сногшибательный врун! Ты это мне говоришь, чтобы я чувствовала себя красивой, но сам этому ни капельки не веришь.

– Да ну, перестань, ты мне безумно нравишься и знаешь это.

Тогда Джин подвигается ко мне поближе ко мне и шепчет мне на ухо:

– Возьми меня снова... Хочешь?

– Ужасно.

И я не заставляю себя упрашивать. Мне хотелось еще до того, как я услышал эти слова.

Позже мы стоим, обнявшись, вместе под душем, намыленные, понемногу утрачивая этот запах любви, но не желание, которое разгорается, как угли, при малейшем дуновении ветра. После, завернувшись в толстые халаты, мы пьем пиво, болтаем о работе, о возможных проектах, о поездках, которые предстоит сделать, о странах, которые предстоит узнать, об общих друзьях, о новых интрижках и оконченных романах.

– А мы? С нами-то что будет?

Джин смотрит мне в глаза с той же беспечностью, с какой она меня иногда очень страстно любит, не сдерживая криков.

– С нами-то что будет? – Она ждет моего ответа совсем недолго, улыбается мне и продолжает: – Прошло уже шесть лет, а я все еще возвращаюсь домой, оставляя тут тебя одного. И это происходит каждый раз. Часто. И если, с одной стороны, мне в этих свиданиях нравится все, то, с другой стороны, мне не нравится всякий раз тебя покидать. Знаешь, что я подумала? Мне кажется нелепым терять все это время.

Она сбрасывает халат на пол, остается голой, делает большой глоток пива, улыбается мне, потом ставит стакан на столик рядом и идет за одеждой, совершенно не стесняясь. Наклоняется, собирает ее и одевается, прикрывая свою наготу и одновременно с этим сообщает мне о своем решении.

– Если до конца месяца ты не сделаешь мне предложения – как полагается, с кольцом, – то я тебя брошу!

Я начинаю смеяться.

– Ты наконец-то работаешь, снимаешь этот красивый дом, у нас будет все хорошо, мы могли бы создать семью...

– Да, но...

– Ну вот видишь? «Но...» Мне не нравится это «но». Ты бьешь всех, но боишься самых простых вещей.

Джин говорит это с иронией и даже слегка язвительно. Одним словом, она входит во вкус.

– Извини, но деньгами, которые ты заработал, ты можешь заплатить одному из тех, как ты их называешь, литературных негров, и пусть он тебе напишет любовное признание. А потом сходишь к моим родителям и попытаешься их убедить.

– И что дальше?

– Прости, но ты же убедил мою мать сняться в ролике, чтобы заставить меня вернуться к тебе! А теперь ты не хочешь выступить перед ними обоими с трогательной речью, чтобы они узнали, что ты хочешь жениться на их дочери?

– Ну да, конечно, это правильно...

Джин награждает меня легкой улыбкой, но потом становится серьезной.

– Смотри, я не шучу; у тебя есть месяц, иначе мы расстанемся.

– А как же наша любовь? Эти чудесные моменты? Ты бы от всего этого отреклась?

Джин берет сумку.

– Нет, я, пожалуй, время от времени бы с тобой встречалась. Трахаешься-то ты хорошо, но это не означает, что ты меня достаточно любишь.

Я собираюсь встать с постели и собраться, но Джин останавливает меня жестом.

– Не беспокойся... Я возьму такси.

И, не попрощавшись, выходит из комнаты, оставляя меня одного. Я смотрю на эту закрытую дверь и все еще слышу эхо в невероятной пустоте. Как один вечер, так хорошо начавшийся, казавшийся идеальным, романтическим и забавным, может внезапно принять такой оборот? И ведь магию не нарушала неудачная фраза, неуместное слово, обнаруженное сообщение, неожиданный звонок или какие-нибудь другие внешние обстоятельства. Я никак не мог этого понять. Или женщины все такие? Да и с Баби у меня однажды случилось. Мне хочется рассмеяться; ведь если бы Джин все еще была здесь и догадалась бы, о чем я думаю... Даже не могу себе представить, какой новый оборот мог бы принять тогда этот вечер!

И вот я оказываюсь в одиночестве, чтобы разобраться в своей жизни, выпить еще одну бутылку пива. Я смотрю на пасмурное небо, теряюсь среди этих туч и высматриваю луну или хотя бы звезду – что-нибудь, что бы так или иначе указало мне, какой нужно сделать выбор. Тогда непонятно почему – без четкого замысла, без определенной причины – мне вспоминается такое видео. На нем – мои родители, в один из их счастливых дней в небольшой мансарде около Мульвиева моста, на улице Мамбретти. Я тоже там, иду, прижимаясь к стене, прилагая усилие, чтобы не упасть. Моя мать изумительно красива, мой отец, как всегда, улыбается. Там же и мой брат Паоло: он уже умеет ходить и одет безупречно: с тех пор он одевается так всегда. Я вспоминаю всего лишь запись на видеокассете, которую видел уже давным-давно, но этот миг общего счастья производит мощное впечатление. Тогда все работало, каждый делал то, что должен был делать, все были довольны, и каждый доверял остальным. В детстве мы доверяем людям, а когда вырастаем, нужно иметь мужество, чтобы это доверие не утратить. А я? Смогу ли я не подвести Джин? Удастся ли мне сдержать такое важное обещание? При одной только мысли об этом я отставляю в сторону бутылку пива. Я ставлю ее туда, на подоконник, беру стакан и наливаю в него ром – «Джон Балли сельский белый». Для серьезного выбора и напиток должен быть серьезным. Поставив стакан, я ощущаю вкус рома. Он обжигает – крепкий и сухой, – но у него приятное послевкусие с нотками имбиря. И вот я начинаю искать выход, который был бы больше решением, чем проблемой. Инстинктивно захожу в Интернет и, как бы абсурдно это ни звучало, пытаюсь найти текст, который можно было бы использовать в качестве предложения руки и сердца. Невероятно, что я, Стэп, готовый сделать этот шаг, искал бы помощи! В Сети есть все, но мой взгляд падает на эти слова: «Брак – это прекрасно. Это чудесно – найти такого уникального человека, который будет надоедать тебе всю жизнь!» За такую фразу Джин избил бы меня, как в тот раз, на ринге, если не сильнее. Потом нахожу видео флешмоба, в котором все самые близкие друзья будущего супруга поют девушке отрывок из песни, чтобы она поняла, как сильно он ее любит. В конце появляется он и, встав на колени, дарит ей кольцо. Что ж, неплохо, есть только одна маленькая проблема: мои друзья. Представьте себе кого-нибудь вроде Сицилийца, Хука или Банни, парней с мышцами, высоким уровнем тестостерона и хулиганским образом жизни за плечами. Ну и как они будут петь нежную песню о любви? Нет, лучше поискать что-нибудь еще: «Пойти в ресторан, и пусть она найдет кольцо под тарелкой». Банально! Боже мой, сколько раз такое уже видели! Я нахожу и другие решения, но все они неубедительны. Делаю еще один глоток рома и включаю телевизор. Большой палец, которым я автоматически щелкаю по пульта, внезапно останавливается, когда

я вижу сцену из фильма, который кажется мне знакомым. Ну точно, он ей даже понравился. И как я не подумал об этом раньше?

И тогда происходит то же, что и тогда, когда заканчиваешь собирать пазл – когда последние фрагменты сложнейшего рисунка вдруг очень легко встают, куда нужно. Все мои взаимосвязанные рассуждения вдруг складываются в четкую последовательность. Я наливаю себе кофе и беру несколько листов бумаги: лучше разработать план до того, как вдохновение иссякнет.

27

На следующий день Джин продолжает упорствовать и не дает о себе знать. Может, она ждет моего звонка, цветов или даже решения... Но я весь день стараюсь получше подготовить мой сюрприз.

Утром Джин выходит из дома, жутко опаздывая.

– Джин? – окликает ее какой-то господин возле черного «мерседеса».

– Да. Но только учтите, что я страшно опаздываю, так что давайте быстрее или поговорите с моей мамой, потому что она всегда кого-то или чего-то ждет, понятно? Ума не приложу, как моя мама может вежливо отвечать даже тем, кто звонит ей по выходным и предлагает новый тариф для мобильного, хотя она им почти не пользуется. – Джин смотрит на него внимательней. – Извините, я вам рассказываю все эти вещи из моей жизни... Которые, во-первых, личные, и, во-вторых, могу себе представить, совершенно вас не интересуют. – Потом Джин смотрит на него в упор и подбочивается. – Короче говоря, можно узнать, что вам нужно?

– Меня предупреждали, что вы отреагируете именно так, если не хуже. Это для вас. – И господин в элегантной униформе протягивает ей записку.

Джин с любопытством ее открывает, уже кое-что заподозрив.

«Милая, мне жаль, что в тот день ты ушла после того, как мы так чудесно занимались любовью, и больше мне не звонила. Ты, как всегда, упрямая».

Джин прикрывает листок рукой.

– Вы же не читали эту записку, правда?

– Еще чего не хватало.

«Ну и дурацкий же я задала вопрос, – думает Джин. – Если бы он ее прочел, то ничего бы мне не сказал». Она продолжает читать:

«Надеюсь, что это было чудесно и для тебя. Так вот, я понял, что у тебя сильный стресс, и потому я решил подарить тебе этот день исполнения всех твоих желаний. Делай, что хочешь, езжай, куда хочешь, развлекайся и пользуйся этим любезным господином, который стоит перед тобой, как тебе угодно. В профессиональном смысле, имею в виду! Стэп».

«Даже не верится... Да ты просто красавчик, Стэп! И не только красавчик, а „Пятерка с плюсом“, как тебя называли совсем недавно!» – думает Джин.

– Хорошо, поехали!

Господин открывает дверцу машины, и Джин устраивается внутри – точь-в-точь, как великосветская дама.

– Ну и? Куда мне вас везти?

– В университет, пожалуйста. И побыстрее, а то я еще больше опоздаю!

– Отлично. Приложу все усилия.

– Прекрасно. Тогда поверните там и поезжайте по вон тому переулку: так мы объедем светофоры. А потом все время прямо по бульвару Льежа...

– Простите, но эта машина может проехать везде. Мы срежем путь, проехав через виллу Боргезе, и приедем раньше. Вот увидите, положитесь на меня.

– Ну хорошо, давайте сделаем так, как вы говорите.

Джин достает мобильник и пишет мне сообщение: «Дурак... Уж не знаю, восстановлюсь ли я полностью, но, во всяком случае, мне это нравится. Ты действительно сделал мне сюрприз, и я тебя люблю, хотя я и могла бы от всего отказаться».

Через пару секунд ей приходит мой ответ: «Я знаю, ты такая. Я тебя тоже люблю и ни от чего не отказываюсь. Развлекайся».

Джин смеется, надевает наушники и расслабляется, подпевая песне Мики «Relax». Она смотрит на город, мелькающий за окном.

«Да, ехать с шофером – одно удовольствие; от стресса не остается и следа. К тому же появилось больше времени на размышления. Каждое утро у меня было бы больше времени, хотя, с другой стороны, думать слишком много – вредно. Лучше делать это время от времени. Ладно, может стоит раз в месяц закатывать ему скандал? – думает Джин, грациозно выскакивая из машины. – Посмотрим».

– Когда вы освободитесь, я буду здесь, – говорит водитель.

Джин идет на кафедру правоведения, на лекции, а после них, как всегда, останавливается поболтать об автоматах и о конспектах со своей иногородней подругой Марией Линдой, которая просит ее подвезти.

– Ты на мопеде?

– Нет, на машине.

– Нашла место на парковке?

– В каком-то смысле. Давай сделаем так: я тебя подвезу, если не будешь задавать слишком много вопросов!

Мария Линда пожимает плечами:

– Ладно.

Но когда она подходит к черному «мерседесу» с элегантным шофером в темных очках, который галантно открывает перед ней дверцу, она не выдерживает.

– Нет уж, извини, но так нечестно! В такой ситуации просто невозможно не задавать вопросы!

– Садись и возьми себя в руки!

Не успевают они проехать и сотню метров, как Мария Линда, подвинувшись к Джин, шепчет ей на ухо:

– К тому же он просто обалденный, этот шофер! Черт возьми, все тебе!

Джин усмехается, а Мария Линда пытается настаивать:

– Давай или говори, или останови машину, и я выйду. Нет, правда, у меня больше нет сил терпеть, умираю от любопытства.

– Хорошо, все расскажу, ладно? Главное, чтобы ты не смеялась.

– Ни за что, клянусь! Но ты сама-то понимаешь, что ты противоречива до нелепости? Поменяла факультет, потому что с филологическим дипломом, по твоему мнению, ты не смогла принести пользу обществу. Потом ты как сумасшедшая изучаешь историю права на политическое убежище, ведешь себя совершенно по-левацки, ненавидишь мои фирменные кроссовки «Хоган», а потом я встречаю тебя около университета на черном «мерседесе» с шофером! Ты должна мне как минимум это объяснить.

– На днях я поссорилась со Стэпом, а утром получила этот сюрприз.

– Нет! Не верю! От моего не дожدهшься и розы, одни только унылые эсэмэски, да еще и с орфографическими ошибками! Черт побери, как несправедлива жизнь!

Вскоре они подъезжают к дому Марии Линды, которая, прежде чем выйти из машины, советует Джин:

– Ссорься с ним каждый день: тогда ты сможешь меня подвозить, особенно когда у нас экзамены, от души советую: так мы доедем спокойней!

Джин смеется и прощается с ней.

– Куда поедет? – спрашивает шофер.

– Извините, если сегодня утром я вела себя немного агрессивно...

– Не волнуйтесь, меня предупредили.

– Но я даже не спросила, как вас зовут.

– Эрнесто. Так куда вас везти, Джин?

– Домой. Спасибо.

Машина быстро набирает скорость и несется по улицам. Когда они подъезжают к дому, Джин смотрит на себя в зеркальце и улыбается. Да, день оказался просто отличным.

– Можете уезжать, Эрнесто. И спасибо за все.

– Не за что, но мне заплатили до позднего вечера. Так что вам не мешало бы воспользоваться.

– Отлично, тогда я сейчас зайду домой, быстренько перекушу, и мы поедем дальше.

– Прекрасно.

– Хотите, я вам что-нибудь принесу?

– Нет, спасибо, не беспокойтесь.

– Что ж, как хотите.

Джин выходит из машины как раз тогда, когда к дому подходит ее отец со своим сослуживцем.

– Привет, папа. Привет, Джанни.

– Привет, Джин.

– Увидимся дома, папа, – бросает Джин и исчезает в подъезде. Джанни, заинтригованный, смотрит на Габриэле.

– Разве у твоей дочери есть шофер?

– Да что ты! Она еще даже не получила диплом.

Джанни качает головой.

– И не говори. Мой сын Томмазо не учится, другой, Пьетро, думает разбогатеть на компьютерных играх и целый день проводит перед приставкой. Знаешь, что он говорит? «Папа, Цукерберг делал так же!» Понимаешь, во всем виноват тот, кто придумал Фейсбук: потому что они ничего и не делают. Кадрят по Интернету девушек, весь день сидят в чатах. Единственный предмет, в котором они по-настоящему подкованы – это футбол. Они хорошо знают даже самых малоизвестных игроков из команд других стран.

– Вот увидишь, с возрастом они изменятся, – пытается ободрить его Габриэле, думая о том, как же ему повезло, что у него дочь.

– Будем надеяться, что так оно и будет.

Сослуживцы прощаются, и, едва войдя в дом, отец Джин разводит руками.

– Я рассчитываю на убедительное объяснение... или на выигрыш в Супереналотто.

– Ну ладно, папа, дело в том, что это придумал мой парень, – отвечает Джин и смущенно смеется.

– Да, в тот раз он заставил мою жену, твою мать, сыграть роль в каком-то дурацком ролике... А теперь у моей дочери неизвестно по какой причине появился шофер!

– Да нет, просто мы поссорились, и он решил извиниться таким образом.

Тут входит мать.

– А вот и наша актриса!

– Да-да, давайте сядем за стол, так будет лучше.

Отец кладет салфетку на колени.

– Что ж, теперь время от времени надо будет с ним ссориться и мне... Может, перепадет что-то хорошее.

Джин давится.

– Нет, папа, лучше не надо, он не всегда такой любезный.

– А... ну ладно. Давайте лучше поедим.

Джин и ее мать обмениваются заговорщическими взглядами. Франческа начинает есть, и ненадолго ее посещает сомнение. «Надеюсь, я сыграла роль ради правого дела», – думает она.

Джин выходит из дома, шофер открывает перед ней дверцу.

– А вот и я! Мне нужно съездить на студию «Де Паолис», на пробы.

– Разумеется, без проблем. В это время дорога должна быть не очень загружена.

– Тем лучше!

Джин достает телефон и набирает сообщение:

«Что делаешь? Ты где?»

«Работаю и думаю о тебе», – отвечает Стэп.

«Ну да... Баттисти для бедняков! Давай, скажи правду!»

«Думаю о тебе и работаю».

«Поняла, у тебя дела. Жаль. Я-то надеялась, что после проб на студии „Де Паолис“ мы с тобой сможем отпустить шофера и воспользоваться машиной сами, и тогда ты точно будешь прощен... Только нужно было арендовать машину, как в кино, с тонированной перегородкой, которая поднимается и отделяет пассажиров от водителя. Не знаю, понял ли ты меня. Этот, как мне кажется, немного вуайерист».

«Ты серьезно?!»

«Да нет, шучу. Созвонимся вечером. И еще раз спасибо за этот чудесный сюрприз».

«Да ну, не за что».

И Джин достает сценарий с шутливыми репликами, которые ей предстоит произнести.

А вот Стэп не убирает мобильник и, прежде чем выйти из своего офиса, отправляет эсэмэску Эрнесто:

«Выезжаю. Встретимся там».

Эрнесто слышит, как его телефон вибрирует, незаметно для Джин смотрит на него, читает сообщение Стэпа, а потом, описывая дугу, поворачивает, паркуя машину около студии «Де Паолис».

– Вот мы и приехали. Как называется организация?

– «Italian movie».

– Отлично.

Эрнесто опускает стекло и обращается к охраннику:

– Извините, а как проехать к «Italian movie»?

– Дальше и направо, к Театру-7.

– Спасибо.

Охранник поднимает шлагбаум, Эрнесто едет в нужном направлении, пока не останавливается перед Театром-7.

Джин выходит из машины.

– Я вернусь, как только закончу.

– Хорошо. Ни пуха, ни пера. Так говорят?

– Ничего, иногда и жаргон уместен... Так что к черту!

И она идет ко входу в театр.

Проходит мимо двух парней, один из которых говорит:

– Видел, какая цыпочка?

– Хорошенькая. Разве ты ее не узнал? Она же из «Места под солнцем»!

– Да ну? Неужели это она?

– А ты не видел, что она приехала с шофером?

– Да, точно. Неужели эти, из «Italian movie», загребают себе все деньги?

– Похоже на то.

Джин смеется и входит в Театр-7, на пробы. Вскоре она возвращается к машине. Эрнесто открывает ей дверцу.

– Все в порядке? Можем ехать?

– Да, спасибо, ждать не надо. Здесь снимают рекламу. Никогда не понятно, понравилось ли им. Здесь совсем не так, как когда готовишь текст для театра или для кино, и когда можно догадаться, что думает режиссер – берет он тебя или нет. Вообще-то режиссеры решают все сами, но, по крайней мере, можно о чем-нибудь догадаться. Возвращаемся домой.

Эрнесто снова заводит машину, и они отъезжают от студии «Де Паолис».

– Во всяком случае, спасибо, на сегодня я сделала все. Я уже даже не знаю, куда бы мне на ней еще поехать, серьезно...

– Вы уверены?

– Конечно! Вы были очень любезны, и это был поистине необычный день.

Тогда Эрнесто ей улыбается и достает из бардачка какой-то конверт.

– Это для вас.

Заинтригованная Джин сразу же его открывает. Внутри – еще один конверт и коротенькое письмо:

«Хотел бы я быть там и увидеть, какое у тебя будет выражение лица... Но я хотел бы быть там не только поэтому. Я доволен, потому что думаю, что ты провела прекрасный день, и я хотел бы его завершить наилучшим образом. В этом конверте есть кое-что для тебя».

И Джин, еще более заинтригованная, открывает маленький конверт, в котором лежит айпод и еще одна записка: «Каждый из этих треков станет для тебя подсказкой».

Джин надевает наушники и нажимает play. На фоне мелодии песни «Даже море» группы «Неграмаро» она слышит голос Стэпа:

«Ага, ты этого не ожидала, правда? Видишь, к чему может привести одна твоя вспышка? Когда-то я прочитал фразу: „Любовь делает обычных людей необычными“. Нам стоило бы заменить ее такой: „Джин и ее выходки делают необычными всякого!“ Сейчас ты, может, будешь смеяться, и я счастлив. Помни, что когда шофер остановится, ты должна включить вторую композицию». Это песня Эроса Рамаццотти. «Нет никого красивее, ты лучше всех». Джин заливисто смеется. Сколько раз она пела ему эту песню, подражая Эросу Рамаццотти и имитируя гнусавый голос; она приплясывала перед ним в одной своей голубой рубашке и с пустой бутылкой из-под пива вместо микрофона.

«Спасибо, что ты есть». Это ее любимая песня. Джин вспоминает множество подробностей ее романа со Стэпом: они, таинственным образом исчезнувшие, поднимаются из глубины памяти и внезапно возникают снова, заставляя ее понять, как сильно она влюблена.

Следуя указаниям, Джин включает вторую композицию – песню Брюса Спрингстина «Рожденный в США».

И, словно аудиогид, Стэп начинает рассказывать: «Здесь мы познакомились, здесь увидели друг друга в первый раз...» Тогда машина стояла на заправке на проспекте Франции. «Ты крада мой бензин, будто пыталась надуть кого-то постороннего. Ты заставила меня поверить, что это чистая случайность, что судьба заставила нас встретиться. И только потом я понял, что все было подстроено...» Джин вспоминает о своем плане, о тех двух годах, которые она прожила, думая о нем, сбежавшем в Америку. Потом – известие о его возвращении, попытки с ним встретиться – до тех пор, пока не получилось столкнуться лицом к лицу, в тот вечер. Машина снова трогается в путь, несколько раз останавливается, и всякий раз звучит новая композиция.

«Здесь я оставил тебя в машине, перелез через решетку Ботанического сада и принес тебе дикую орхидею, помнишь? К сожалению, на Капитолийскую площадь я тебя отвести не могу, а вот на Форум – да. В нише руин была скамейка, на которой мы занимались любовью». Джин переполняет чувства: перед ее глазами проплывают образы стольких дней, проведенных с ним; они узнавали друг друга все лучше и лучше, пока не слились воедино, как она ему однажды сказала.

«Ты всегда во мне...» – прошептала ему она. И Стэп, у которого всегда наготове шутки, ответил: «Хорошо бы!» Тут Джин его толкнула, крикнув: «Не в этом смысле! Дурак, ну какой же ты дурак».

Машина внезапно останавливается. Композиция номер семь. Но на этой улице нет ничего знакомого. Джин велит шоферу ехать дальше.

«Ага, ты, наверное, спросишь, что мы тут делали, что здесь произошло. Или, может, разозлишься, потому что подумаешь, что я что-то перепутал». Слышно, как Стэп смеется. «Нет, это не так. Скажи Эрнесто: „Я Джин, я упрямая, и я его любила!“». Джин со смехом повторяет эти слова шоферу. Эрнесто кивает и передает ей какой-то мешочек. «Ну вот, а теперь, если мешочек у тебя в руках, выйди из машины». И Джин в точности исполняет то, что говорит голос Стэпа. «Теперь открой его, там брелок с ключами, видишь? Так вот: красный ключ – от ворот дома номер четырнадцать». Джин оглядывается. Прямо перед ней – именно четырнадцатый номер. «Ну вот, а теперь иди. Так, молодец». Джин улыбается и останавливается перед дверью подъезда. «Этим ключом ты можешь открыть дверь. Вот, ты уже, наверное, там... Теперь поднимись на первый этаж и остановись». Джин доходит до лестничной площадки и осматривается.

«Ты, наверное, уже пришла. Теперь возьми синий ключ и открой им ту дверь, которая побольше».

Джин входит в квартиру. Она совершенно пуста, если не считать маленького стола посреди комнаты.

«Помнишь его? Мы купили его вместе, в Кампаньяно. Мы шутили и смеялись, и ты сказала: „С него начнется наш дом“. Пока здесь только цветы, но мне кажется, что это отличное начало, не правда ли?» И тут начинает звучать песня Элвиса Костелло «Она».

Однажды в кино, услышав ее, Джин ему сказала: «Вот, если захочешь меня растрогать, включи ее. Это будет наверняка!»

И Стэп, естественно, этого не забыл. От этой музыки Джин приходит в волнение и начинает плакать. Кто-то нежно обнимает ее сзади, она слегка вздрагивает, но потом оборачивается. Это он – красивый, дерзкий, но тоже взволнованный. Джин снимает наушники.

– Черт, какой же ты дурак, ты меня снова надул. И я плачу, как последняя дура! Клянусь, что больше никогда не устрою тебе скандала!

Стэп улыбается, потом наклоняется к ней и достает из кармана маленькую коробочку.

– Гарантирую, что нам придется нелегко, и в какой-то момент один из нас или мы оба захотим с этим покончить. Но я точно знаю и то, что если не попрошу тебя стать моей, то буду сожалеть об этом всю жизнь, потому что чувствую, что ты моя единственная.

Он открывает коробочку, показывая ей восхитительное кольцо, и смотрит ей в глаза.

– Джин, хочешь выйти за меня замуж?

Джин прижимает его к себе, кричит как сумасшедшая: «Дааааа!» – и страстно его целует. Когда они размыкают объятия, Стэп надевает ей кольцо на палец. Джин смотрит на него; ее глаза полны слез, она волнуется, она в смятении.

– Оно прекрасно...

– Это ты прекрасна...

И они снова целуются.

Потом Джин отходит в сторону.

– Эге... А вот эти слова я уже слышала...

– «Если ты сбежишь, я на тебе женюсь»: они тебе так понравились!

– Да ты повторюшка!

– С тобой я хочу, чтобы все было наверняка.

И они снова целуются.

28

И теперь я смотрю, как Джин ходит по дому – по этому самому дому, на который я взял ссуду, думая, что совершаю большой шаг, но мне бы никогда и в голову не пришло, что это будет такой шаг. Что же заставило меня так внезапно принять решение? Явно не ее выходка. Вспоминая о ней, я улыбаюсь. Джин красивая, улыбчивая, всегда жизнерадостная, при этом страдает и любит меня. Она единственная в своем роде, особенная. Может, я сделал ей предложение из страха ее потерять? Из страха больше не найти такого совершенного человека. Но разве совершенство – причина любви? Если бы сейчас здесь был Полло и сидел бы со мной на этом диване, что бы он мне сказал? «Эй, Стэп, да о чем ты говоришь? Разве это нормально, чтобы такой человек, как ты, пускался в мещанские рассуждения? Итак, первое: женщины приходят и уходят, а друзья остаются. Ну хорошо, я ушел...» – Да, он бы долго меня поддразнивал. – «Черт, ну ты же Стэп, вспомни об этом!» Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь по-настоящему, чтобы я мог внимательно выслушать его слова, потому что, несмотря на то что его уже нет, он по-прежнему единственный, кто знает меня лучше всех. – «Ну так что? Продолжай». – «А что я должен тебе сказать? Я бы никогда не подумал, что когда-нибудь ты возьмешь ссуду, купишь дом, да не где-нибудь, а в районе Камиллучча, придумаешь кучу сюрпризов, чтобы сделать предложение девушке. Если бы мне такое сказали, я бы никогда не поверил, клянусь тебе. Однако что вышло, то вышло, значит, я уже не могу спорить, ты застал меня врасплох. И это ты, который любил драки, теперь полюбил брак? Ну и ну! Но если я должен понять, почему ты так поступил, вернее, почему поступаешь так... Потому что у тебя пока еще есть время, и ты это знаешь, правда? В общем, у меня нет четкого объяснения. Я лишь знаю, что на такой шаг решаются, когда любят человека. Не думаю, что могут быть другие причины. И поэтому я спрашиваю тебя: „А любишь ли ты Джин?“».

И я смотрю на пустое место на диване и последний гипотетический вопрос моего друга все еще звучит у меня ушах:

«А любишь ли ты Джин?»

Но Полло нет, никого нет. Есть только этот вопрос, звучащий без остановки:

«А любишь ли ты Джин?»

– Эй, что стряслось? – Она стоит рядом и весело смотрит на меня, с любопытством покачивая головой. – У тебя вид, будто ты увидел призрака!

Она и сама не знает, как близка к истине.

– Нет-нет, я думал.

– О чем ты думал? Ты казался таким сосредоточенным.

– О работе, о решениях, которые нужно принять...

– Хорошо, пойду на кухню. Я приготовила для тебя кое-что вкусненькое. Надеюсь, тебе понравится.

– А что?

– Это сюрприз... Потому что у меня есть сюрприз.

И, больше ничего не говоря, она исчезает.

– Хорошо, пойду в кабинет.

Я встаю с дивана и иду в самую дальнюю комнату. Мне нравится этот дом, я чувствую его своим. Он полон света, окружен зеленью и яркими бугенвиллеями. Это была идея Джорджо Ренци, это он убедил меня его купить: «Не упусти его. Это хорошее приобретение. А потом, если захочешь, перепродашь. Он принадлежит моему приятелю, который мне обязан».

Я хотел сделать Джин сюрприз, и поэтому ничего ей не сказал, но, едва его увидев, она сказала: «Улетно!» – так она говорит всегда, когда у нее нет слов от радости. «Это такой дом, который я выбрала бы для себя. Но раз ты выбрал его для нас, то он еще красивее».

Потом она бродила по комнатам: сначала – по гостиной с большим камином, потом по спальне с супружеским ложем, по гардеробной, ванной. И, наконец, по смотровой площадке, на которую попадаешь с веранды. Тогда она улыбнулась. «Он прекрасный. Он новый, и мы тоже чувствуем себя здесь по-новому...» Я посмотрел на нее, до конца не понимая, что она имеет в виду. Тогда она объяснила:

– Здесь нет ни одного воспоминания, которое могло бы отдалить тебя от меня. Мы сначала начинаем вместе.

И она меня обняла и крепко прижала к себе. Тогда я понял. Когда ты приносишь человеку много страданий, эта боль не уйдет никогда, этот шрам останется на сердце, как легкий листок, который, упав в октябре с большого дерева, навсегда останется на земле. Хочешь ты или нет, никакому ветру, никакому старательному дворнику уже больше никогда не удастся очистить это сердце.

Как и в тот день.

– Что такое? Что с тобой, любимая?

– Ничего.

– Как это ничего? Ты совершенно изменилась...

– Знаю, и тебе придется с этим смириться. Мы должны научиться жить вместе.

Так она мне ответила в тот раз, через несколько месяцев, сидя на диване, когда у нее внезапно изменилось выражение лица. За минуту до того мы смеялись, уже не помню над чем. Зато печаль этого взгляда я никогда не забуду.

И сегодня, накануне нашей свадьбы, в моей жизни снова появилась Баби. Она красивая, она женственная, она мать. Мать моего сына. Должна ли узнать об этом Джин? И что я почувствовал к Баби? Хочу ли я снова ее увидеть? Когда мы коснулись друг друга, я почувствовал ее кожу, ее запах, который остался все тем же – аромат духов «Карон», которые она не меняла с тех пор, с тех первых дней, с нашего первого поцелуя...

«А любишь ли ты Джин?» Поллю снова вторгается в мои мысли, подстрекает меня. Ну вот, теперь это выглядит так, словно он сидит перед моим столом, играет моим ножом для бумаги; держит его в правой руке и постукивает им по ладони левой, и нож отскакивает то вверх, то вниз, как метроном. Поллю мне улыбается и отсчитывает мое время. Потом он кладет нож на стол и разводит руками. «Только ты можешь знать». И исчезает так же внезапно, как появился. Оставляет меня одного, наедине с моими сомнениями, моими страхами, моей неуверенностью. Как я могу жениться именно сейчас, когда узнал, что у нас с Баби есть сын? Как мне рассказать об этом Джин? Но я знаю, что не могу не разделить с ней столь важную часть моей жизни. Как же я настолько усложнил свою жизнь?! Самое страшное, я даже не вижу выхода. С этими мыслями, выстроившимися в ряд, как неподвижные солдатики, я замечаю, как вожу мышкой, оживляя экран компьютера, а потом импульсивно набираю ее имя в поисковике Гугла и начинаю лихорадочный поиск до тех пор, пока не нахожу ее. Баби Джервази, ее фотографии на страничке Фейсбука. Доступ на ее страницу открыт всем, без ограничений приватности. Это меня задевает, но одновременно приносит мне странное удовольствие. На главной странице помещена фотография. Наша фотография, мост проспекта Франции, с надписью: «Я и ты... В трех метрах над уровнем неба». Словно она только и ждала, чтобы ее увидели, чтобы ее увидел я. Проверяю, когда завели эту страницу. Ровно шесть лет назад. Рассматриваю подборку фотографий, загруженных с мобильного, углубляюсь в прошлое... Это снимки с ее свадьбы, ее фотография в подвенечном платье, но фотографий мужа нигде нет. Смотрю внимательней. А, вот их совместное фото, но оно старое, почти размытое. Я вижу высокого стройного блондина. Но я его не узнаю. Никаких моих фотографий здесь нет, словно для нее никогда не было человека более далекого, чем я. Такого далекого и такого близкого. Вот фотографии Массимо. Он родился 18 июля. Вот Баби, в белой ночной рубашке, держит его на руках. Она еще в больничной палате, и у нее такое выражение лица, будто она этому

еще не верит. Наверное, такие чувства испытывает женщина, ставшая матерью в первый раз. Это естественно, хотя и необычно. Я просматриваю фотографии одну за другой. Вот снимок со дня рождения Массимо; вот он играет с песком на море; вот он на карнавале в костюме Питера Пэна, вот он подбрасывает конфетти. Каждая фотография – как нож в сердце. У меня возникает желание увидеть его снова.

– Милый! Я тебя звала! Ты не слышал?

– Прости, нет.

– А что ты смотрел?

Я едва успеваю закрыть страничку, пока Джин ходит вокруг стола, что-то разыскивая.

– Ничего, я только что закончил разговаривать по скайпу насчет завтрашнего собрания.

Все в порядке.

– Тогда пойдем к столу, а то все остынет.

– Да, конечно. Только помою руки, я быстро.

Я иду в ванную. Как только вхожу, закрываю дверь и останавливаюсь перед зеркалом. Вот я уже и лгу. Ставлю руки на раковину. У меня не хватает смелости посмотреть на себя в зеркало. Открываю кран с холодной водой и немного жду. Набираю воды в обе руки и несколько раз споласкиваю лицо. Закрываю кран, кладу полотенце на место и оглядываюсь. Сзади, в углу, стоит ваза с засушенными японскими цветами; на полу – весы, мой халат, шампунь и мыло в выемке душевой. Все идеально. Все в полном порядке, на своем месте, и это полная противоположность тому, что теперь происходит в моей жизни. Я выхожу из ванной и иду в столовую. По пути я вижу, как Джин зажигает свечи в центре стола. Окно открыто, на террасе горит свет. Ночь идеальна: небо ярко-синее, ждет наступления темноты. Джин подключает свой айфон к колонкам. Звучит джазовая композиция Джона Колтрейна «A Love Supreme».

– Тебе нравится, правда?

Ужасно нравится, и она это знает. Джин берет бутылку белого вина и ставит ее в середине стола. Протягивает мне штопор.

– О чем ты думаешь? О любви?

– Да, конечно.

Закрываю глаза, держа в руках бутылку.

«...О чем ты думаешь? О любви?»

Нет, я не в состоянии ни о чем думать, Джин, но ты, разумеется, не можешь себе этого представить. Так что я срезаю фольгу, защищающую пробку, потом открываю штопор, ввинчиваю в затычку металлическую спираль, закрепляю зажим на верхней части горлышка и начинаю выкручивать пробку. Потом закрепляю второй зажим и извлекаю ее целиком. Я нюхаю пробку, делаю это автоматически. Наливаю вино в бокалы, и, когда в него проникает немного воздуха, принимаюсь лучше и понимаю, что это изумительный совиньон, крепостью в двенадцать с половиной градусов. Я его пробую: температура тоже идеальная. Джин возвращается к столу с ведерком воды и льда.

– Ну вот! – Она мне улыбается. – Можем начинать.

Рядом с ней, на тележке, все блюда, которые она приготовила, так что ей не придется больше вставать.

– Давай выпьем... – Она берет в руку бокал, который я для нее только что наполнил, и сразу же находит слова, которые кажутся ей самыми уместными: – ...за наше счастье.

И она смотрит мне в глаза.

– Хорошо, – тихо отвечаю я, но в душе у меня полная сумятица.

Джин немного отпивает из бокала с белым вином и ставит его рядом со своей тарелкой.

– Отличное, холодное, идеальное.

– Да.

– Но я не поняла. Может, я должна была его сначала поставить, а уже потом выпить? Некоторые так говорят, но я никогда не понимала, почему.

– Это правда. Странные легенды. Единственное, что я знаю наверняка – что при этом надо смотреть друг другу в глаза.

– Что мы и сделали.

Джин весело улыбается, а потом, ужасно обрадовавшись, решает описать мне меню вечера.

– Так вот, я приготовила тебе мидии с перцем. Взяла такие большие, испанские, сбрызнула их белым вином, лимонным соком и приправила разными травами. Далее: сырые лангусты для тебя и на пару для меня. И, наконец, соленый сибас с картофелем фри. Тебе нравится?

– Ты гениальная, Джин.

Я беру половник и собираюсь положить ей мидий.

– Нет-нет, мне не надо...

– Почему?

– В магазине их было мало, а я знаю, как они тебе нравятся.

– Ладно, спасибо, но одну-то я тебе попробовать разрешу.

Я чувствую себя виноватым и хотел бы начать свою исповедь прямо сейчас. Но как ей это сказать?

«Знаешь, у меня есть сын, но мы можем от этого и абстрагироваться».

Я ем мидию за мидией, я ненасытен, а она смеется – та, которой всегда хотелось, чтобы я ел медленнее, в этот вечер ничего не говорит: похоже, она позволяет мне все. Тогда я вытираю рот, выпиваю немного вина, снова наполняю бокал и опять пью. Но я должен сказать ей, должен.

– Они тебе нравятся?

– Ужасно, серьезно. Спасибо.

Я смотрю ей в глаза и понимаю, что бы я сейчас ни сказал, это все разрушит. Хрустальный сервиз, падающий на пол вместе с буфетом, – вот каким был бы гул ее разбивающегося сердца. К тому же я еще должен кое-что понять сам. Так что я ей улыбаюсь.

– Ты приготовила фантастический ужин.

Джин безупречна, и на этот раз совиньон наливает мне она. Он кажется мне еще вкуснее, с легким фруктовым привкусом. Зато в ее бокале вино еще есть. Сырые лангусты – свежайшие, тают у меня во рту. Я беру кусок «музыкальной бумаги» – сардинского хлеба каразау, разрываю его на части и ем их одну за другой. Она смеется, качает головой, но ничего не говорит, уносит тарелки и передает мне блюдо с сибасом. Я чищу его, вынимаю косточки, удаляю жабры и передаю одну из рыб ей.

Джин продолжает смотреть на меня и есть картошку фри. А я, заканчивая чистить сибаса, даю себе время вынуть из него последнюю косточку прежде, чем решиться сказать ей.

– Эй, Стэп...

Но я не отвечаю, не говорю даже «да».

– Ты-то знаешь, что ты меня безумно возбуждаешь. И если этот ужин тебе так нравится, то ты нравишься мне, как сто таких ужинов!

– Но ты не попробовала сибаса...

– Нет, но я поела картошку фри. Она еще горячая и такая же потрясающая, как ты.

Она обходит вокруг стола и целует меня долгим, страстным поцелуем.

– Мммм, правда, картошка вкуснейшая, совсем свежая. Но ты всегда лучше.

Мы продолжаем есть молча. Я должен ей это сказать, по крайней мере намекнуть. Вытираю рот, я уже достаточно выпил и знаю, что момент настал, потому что я даже доел последний кусок, и уже нет ничего, что могло бы меня остановить.

– Подожди! – Она поспешно встает и возвращается с двумя пиалками, полными черники, земляники и малины. – Ну вот, есть даже ягоды. Хочешь?

Я киваю, и она добавляет немного взбитых сливок в мой десерт, а затем делает то же самое со своим.

Сочетание лесных ягод комнатной температуры и прохладных взбитых сливок восхитительно. Мне ужасно не хочется все это рушить. Джин встает и снова уходит на кухню. Возвращаясь, она улыбается еще шире. Она принесла бутылку шампанского и два фужера.

– Что происходит?

– Возьми, открой ее. И следи за пробкой, смотри, куда она полетит... Если она коснется одного из нас, то это хороший знак – знак того, что мы поженимся. Но не дай ей упасть, а то мы уже опубликовали объявление о свадьбе!

Она смеется, а я, наверное, на секунду покраснел. Пробка отлетает и рикошетит далеко, на диване, я тороплюсь разлить шампанское по бокалам.

– Но с какой стати еще и шампанское?

– Я же тебе говорила, что будет сюрприз!

Она ко мне подвигается, улыбается мне, поднимает свой бокал и чокается со мной.

– Поздравляю, папа!

Она берет мою руку и прикладывает ее к своему животу. Не могу поверить, что все это происходит со мной.

– Я так счастлива! Как же хорошо, что мы уже решили пожениться, а иначе это выглядело бы как брак по залету!

Мокрыми от шампанского губами она меня целует, а потом берет за руку.

– Мы должны отпраздновать это как следует... Пойдем туда, – лукаво шепчет мне она. Я иду за ней, и, в конце концов, мне даже хочется рассмеяться. Ну и жизнь! Сегодня я обнаружил, что стал отцом дважды, и не могу произнести ни слова.

29

В полумраке комнаты она ведет меня к кровати, сама меня раздевает, расстегивает на мне рубашку, быстро стягивает с меня брюки, нечаянно отрывая последнюю пуговицу. Мы смеемся. На моем ремне автоматическая застежка, так что я ей помогаю. Она встает, мгновенно сбрасывает на пол свое платье, снимает лифчик и трусики, подходит ко мне и обнимает. Наши тела дрожат от желания, и она безо всякой застенчивости берет его в руку.

– Это он во всем виноват, но я его люблю, он сделал меня самой счастливой женщиной на свете... – и добавляет: – Я хочу отблагодарить его по-особенному...

Она опускается вниз, садится на корточки и начинает его целовать. Время от времени она поднимает глаза кверху и лукаво улыбается. Или она соблазнительна как никогда, или это я ее такой вижу? Она делает глоток шампанского и снова садится на корточки – так же, как и раньше, – и меня охватывает невероятная холодная дрожь. Пузырьки шампанского и она, ее губы, ее язык... Она передает мне бутылку, выходит из комнаты и гасит свет во всем доме. Потом я слышу, как она где-то возится, открывает ящики, чиркает спичкой. Возвращается в комнату, ставит передо мной стакан, я его нюхаю. Ром.

– Знаю, как он тебе нравится. Я купила ром «Сакапа» столетней выдержки, самый лучший. А вот мне лучше его не пить, алкоголь мне теперь противопоказан.

Она улыбается, она невероятно уступчива. Я пробую ром, делаю большой глоток, а потом она берет меня за руку.

– Пойдем со мной, я хочу...

И Джин ведет меня по темному дому. В гостиной, в кабинете и столовой я вижу свечи, по одной на каждую комнату. Она продолжает тащить меня за собой до тех пор, пока мы не оказываемся в моем кабинете. Отодвинув в сторону вещи на столе, она на него садится.

– Вот, ты даже и не знаешь, сколько раз я хотела сделать это, словно я твоя секретарша и хотела тебя завести.

Это слово вызывает у меня смех.

– Да, заведи меня...

Я ее целую. А она вытягивает ноги и одну кладет на подлокотник кресла, а другую – на стоящую рядом тумбу. Она, нежная и бесстыдная, смотрит мне в глаза, потом берет в руку мой член, аккуратно направляет его в себя. И начинает двигаться.

– Ох... Что это с тобой случилось?

– А в чем дело?

– Сегодня ты жутко сексуальная, ты еще никогда такой не была...

– Просто ты никогда этого не замечал.

Джин обвивает меня ногами и сильно прижимается ко мне. Она проводит рукой по столу и задевает лежащую на коврике компьютерную мышь: сдвигаясь, курсор оживляет экран.

Джин это замечает.

– Ой, а так, при свете, нас увидят.

На мгновение я вижу за ее спиной открытую страницу браузера, панель инструментов; под ней – история поисковых запросов: все, что я просматривал раньше – фотографии Баби, ее жизни, свадьбы. Монитор гаснет. Джин смеется.

– Так лучше. Нас же не увидят, правда?

– Не думаю.

– Будем надеяться.

Я слышу, что она произносит это с трудом, ей все нравится, она будоражит меня все больше. Джин ложится животом на стол, вытянув слегка раздвинутые ноги, и снова направляет

мой член в себя, продолжая возбуждать меня все сильнее. Она хватается за стол и пытается удержаться, пока я двигаюсь в ней и набираю темп.

– Подожди, не так быстро...

Джин отрывается от меня и берет стакан рома.

– Хочу, чтобы и он тоже попробовал, – говорит она.

И набирает рома, но не глотает его, а наклоняется и берет мой член в рот. Она сводит меня с ума, я горю, как в огне, но это безумное наслаждение.

– Ой, не могу больше, это потрясающе.

Тогда она снова встает, тянет меня за собой, бросает на диван, садится сверху, и я тут же проникаю в нее. Она все быстрее и быстрее, скачет на мне до тех пор, пока не шепчет на ухо:

– Мне хорошо, любимый.

Кончаю и я, вместе с ней. И мы остаемся лежать так, обнявшись, соединив губы, все еще пахнущие ромом и сексом. Я слышу, как быстро бьются наши сердца. Мы дышим в тишине, и постепенно наш пульс успокаивается. Волосы Джин упали ей на лицо, но сквозь них я вижу ее глаза и довольную улыбку.

– Ты был улетным!

– Нет, это ты будто обезумела, никогда такой не была.

– Я никогда не была такой счастливой.

Она крепко прижимается ко мне, и я чувствую себя виноватым. А потом крепко обнимаю ее, еще сильнее прижимая к себе.

– Эй, мне так больно!

– Да, действительно... – И я ослабляю хватку.

– Теперь тебе нужно быть осторожным. – Я ей улыбаюсь. – Знаешь, это было так здорово – чувствовать, как ты во мне кончил, зная, что все, что могло бы произойти, уже и так произошло...

– Да.

Я не знаю, что еще сказать. И тут же вспоминаю ту ночь с Баби, шесть лет тому назад – как мы, пьяные, занимались с ней любовью после вечеринки. Вспоминаю, как она давала мне полную волю, как наслаждалась, с каким азартом на мне скакала. Что она хотела меня, еще и еще, и отрывалась от меня только тогда, когда я уже кончал. Да, наверное, так оно и было.

– О чем ты думаешь, любимый? Эй, ты где? Кажется, далеко...

– Нет, я здесь.

– Ты рад, что у нас будет ребенок?

– Конечно, ужасно рад. Но как так вышло?

– Ну ты у меня и дурачок, есть кое-какие предположения. Ты мне, наконец, скажешь, о чем думал?

Я пытаюсь найти хоть какой-то правдоподобный ответ.

– Я думал о том, что в этот вечер ты действительно преподнесла мне столько сюрпризов, что у меня нет слов.

– Да. Но вроде ты не показался расстроенным.

– Нет, правда. Но я не понимаю, как у тебя могли появиться такие фантазии.

– Да ты же сам дал мне про них почитать! Я имею в виду «Торговцев грезами» Гарольда Роббинса. Там была одна сцена, в которой героиня делала все то же самое, что я с тобой сегодня вечером.

– Серьезно? Не помню.

– Я тогда подумала, что это твой подсознательный намек, что ты хотел показать мне, как можно заниматься любовью по-новому.

– Придется мне внимательней проверять книги, которые я тебе даю. Это как дать пистолет ребенку.

– Я бы сказала: пистолет плохой девочке... Ха-ха-ха!

– А вот это мне не понравилось!

– Почему? Из-за пистолета или плохой девочки?

– И из-за того, и из-за другого.

– И правда. Теперь, когда я становлюсь мамой, мне нужно вести себя хорошо.

Мы продолжаем болтать, смеемся, весело шутим, доедаем лесные ягоды со сливками. Джин надевает мою рубашку, я – футболку и пижамные штаны, и мы ложимся в постель. Джин начинает фантазировать, пытаюсь угадать пол нашего будущего ребенка, придумывает ему имена.

– Если будет девочка, назовем ее, как мою мать, – Франческой. А если будет мальчик, то, я думаю, – Массимо: мне всегда ужасно нравилось это имя. Что скажешь?

Не могу поверить. Такое впечатление, что жизнь делает это нарочно: два сына от разных матерей с одним и тем же именем.

– Да, почему бы и нет, можно и так. Это имя полководца...

Спонтанно мне приходят в голову слова Баби. Я выпиваю еще один стакан рома и думаю, что уже слишком много выпил, и что мне стоило бы перестать и рассказать ей все. Вот, например, так:

«Любимая, и у меня есть сюрприз. Сегодня я видел Баби...» – «И ты мне так просто об этом сообщаем?» – «Это еще не все. Можешь себе представить, какое совпадение: у меня от нее сын, и его зовут именно Массимо».

Но я ничего не говорю. Она, веселая и довольная, продолжает болтать. А я чувствую себя ужасно виноватым, потому что понимаю, что ее радость висит на волоске, который я могу перерезать, навсегда лишив ее чудесной улыбки.

– Когда об этом узнают мои родители, их хватит удар от счастья. Но все-таки я скажу им после свадьбы. Знаешь, они немного старомодные; если бы они узнали, что я уже беременна... Я знаю отца: он бы сказал, что я потаскушка, могла бы подождать. Да ладно, шучу, мой папа меня обожает, очень любит.

Я наливаю себе еще немного рома и выпиваю его залпом, как будто это может мне помочь. И пока слушаю, как Джин все еще шепчет о том, кого из друзей выбрать в свидетельницы, как будет проходить церемония в церкви, каким будет наше свадебное путешествие, – в глубине комнаты, на кресле, я вижу тень. Это снова он, мой друг Полло, только на этот раз он мне не улыбается. Он расстроен; он видит, в каком трудном положении я оказался, и знает, о чем я думаю, но он так и не дождался ответа на свой вопрос, и продолжает его задавать:

«А любишь ли ты Джин?»

30

– Ее зовут Аличе.

– Очень приятно.

Красивая девушка с короткими светло-каштановыми волосами, худая, но не слишком, с решительной улыбкой. На ней темные джинсы и небесно-голубая блузка с белыми отворотами на рукавах и кармашке. Туфли темные, может быть, бренда «Тодс».

Она кажется мне чересчур идеальной, но сейчас я бы не стал доверять своим ощущениям, которые довольно сумбурны.

Джорджо Ренци мне улыбается, он доволен.

– Я рассказал ей, что произошло. Можешь идти, Аличе.

– Да, спасибо, я хотела сказать только одно. Для меня очень важна эта работа; мне нравится, как развивается «Футура», и мне нравится то, что вы уже создали. Я никогда бы не продалась за деньги, никогда не выдала бы другим вашего секрета. Если бы у меня появилось более выгодное предложение, я бы обсудила его с вами и попыталась договориться.

Сказав это, она уходит и закрывает за собой дверь моего кабинета.

Джорджо смотрит на меня.

– Ну как? Что скажешь? Тебе нравится?

– С какой точки зрения?

– С профессиональной.

– Я ее немного побаиваюсь.

– Побавляешься того, кто говорит правду? Это не в твоём стиле.

– Ты прав, я пошутил. Мне кажется, на нее можно положиться. Она прямая, искренняя, открытая. Может, лесбиянка...

– Я тоже так подумал. И благодаря этому понял одну вещь.

– Какую?

– Что мы с тобой оба – жуткие сексисты.

– Это да.

– Если женщина сильная и толковая, она не вполне женщина.

– Точно.

– Но в ее случае нет. У нее двое детей и муж, с которым она ладит. Он отличный дизайнер; сам и придумывает, и моделирует, и рисует комиксы – словом, всего понемногу. Его артистический псевдоним – «Люмино», и должен сказать, что его стиль мне нравится. Вот, смотри, что он сделал.

Джорджо показывает мне логотип с надписью «ФУТУРА». Это стилизованное солнце с двумя линиями – синей внизу, красной наверху. Просто, но эффектно.

– Неплохо.

– И мне нравится. Попрошу его сделать эскизы, чтобы посмотреть, как это выглядит на бумаге и на конвертах.

– Хорошо.

Я сажусь за стол.

– Позволь полюбопытствовать. А как ты нашел эту Аличе?

– Поиском.

Джорджо хорошо знает свое дело. Неизвестно, что стоит за этим «поиском». Он указывает мне на какую-то вещь на столе.

– Если не веришь, то я положил ее резюме сюда. Вы придаете такое значение Интернету, а когда кто-то пользуется им так, как полагается, вы становитесь подозрительными и не верите ему, потому что считаете Интернет ненадежным источником. Я ввел нужные критерии и запу-

стил поиск. Пришло около пятисот резюме, но потом я добавил свои фильтры, и тогда появилась Аличе Аббати.

– Ну и что, интересно, у тебя за фильтры?

– Ты хочешь слишком много знать.

– Пожалуй. Мне просто интересно, что же могло от меня ускользнуть.

– Ну, например, это: она идеально говорит по-английски и знает китайский. А еще она представляет, как было бы неплохо развивать «Футуру» в Китае. И вот еще одна, последняя деталь: ее отец – большая шишка в налоговой.

Я смотрю на него с любопытством.

– Когда-нибудь это может нам пригодиться.

– А вот я надеюсь, что нет. Я бы хотел всегда работать так, чтобы не создавать проблем.

– Иногда проблемы тебе создают другие. Поэтому нам и могут пригодиться такие связи.

– Хорошо, согласен. А теперь знаешь, что я тебе скажу?

Я просматриваю резюме, оно впечатляет. У нее отличные навыки.

– ...Скажу, что Аличе действительно кажется мне идеальным референтом, спасибо тебе за этот выбор. Нам уже придется поднять ей жалование.

Джорджо смеется.

– Что-то я не понимаю, то ли ты действительно меня благодаришь, то ли ты, как всегда, меня разыгрываешь.

– Одно из двух – правда. Выбирай сам.

Он садится напротив меня.

– Сила компании – это ее команда: чем мы сплоченнее, тем больше шансов у нас победить, а сегодня очень важный день. Кстати, а как все прошло вчера? Об этом можно говорить?

Я смотрю на него. Мне кажется, что справа от меня, на диване, сидит Полло, и он мне кивает. Итак, передо мной стоят две задачи. Нужно меньше пить и пройти обследование по поводу постоянных галлюцинаций. Я открываю железные решетки, распаиваю окно над садом. Так гораздо красивей, и больше света.

– Да, все в порядке. За один только день я обнаружил, что я папа...

– Это ты мне уже говорил.

– Да, но папа двух детей!

– Как, еще одного?! Ну, этого я от тебя не ожидал. Думаю, тебе стоит принять во внимание один аспект твоей жизни. Я понимаю, что тебе нравятся женщины, но напоминаю, что ты скоро женишься. К тому же, «Футура» развивается, и, если ты будешь и дальше так клепать детей, то даже не знаю, будет ли за тобой поспевать наша фирма. Неужели ты никогда не слышал про эти странные вещицы из латекса наподобие надувных шариков, которые называются презервативами?

– Да успокойся ты. Второго ребенка ждет Джин.

– Тогда я рад. Или нам еще ждать сегодня подобного рода новостей? Или, может быть, произойдет что-то еще? Нет уж, извини, я и так слишком много узнал.

– Может, это и покажется тебе странным, но в последние годы не произошло ничего, что могло бы принести мне других детей, понимаешь? Я предан «Футуре» душой и телом, и все-таки...

– Два, как мне кажется, отличное число, чтобы начинать становиться хорошим родителем, а там посмотрим, ладно? Уже есть какие-нибудь идеи, как его назвать?

– Джин предложила назвать его Массимо, если будет мальчик. Так будет проще, и я не ошибусь.

Джорджо снова смотрит на меня с удивлением.

– Seriously? Вроде бы Баби и Джин не знакомы, не так ли?

– Разве Джин и Баби подруги, чтобы позволять себе такие откровенности? Нет ничего более безумного. С какой стати?

– Плохо думать о других – грех, но часто угадываешь.

– Хорошо сказано.

– Эта фраза принадлежит Андреотти, но на нее нет авторских прав, так что пользуйся ей, если хочешь. Можно я тебя еще кое о чем спрошу?

– Конечно.

– Ты поговорил с Джин?

– Пока нет.

– А собираешься?

– Не знаю. Я хотел сделать это вчера, но у нас был чудесный ужин, который она с такой любовью приготовила, и мне не хотелось его портить. Тогда я решил сказать ей все после ужина, но это она сообщила мне новость.

– Значит, ты ей больше уже никогда про это не скажешь?

– Не знаю. Пока я не понимаю, к чему это может привести.

– Точно. Ты еще встретишься с Баби?

– Не знаю.

– Но ты, наверное, в курсе, что скоро у нас встреча с директором «Рэтэ» по сериалам, и ты должен будешь подготовить презентацию по всему, что мы представили?

– Да, помню.

– Ну и хорошо. По крайней мере, хоть по одному вопросу у тебя есть ясность.

31

Мы заходим в просторный вестибюль главного здания «Рэтэ» и идем к окошку, чтобы получить пропуск. Из окна выглядывает девушка.

– Добрый день, нас ждет директор Кальви, – говорит Джорджо.

Администратор быстро проверяет по компьютеру. Ее зовут Сузанна, так написано на ее бейдже. Она говорит с кем-то по телефону, отвечает: «Спасибо» – и кладет трубку. Джорджо достает удостоверение, Сузанна ему улыбается.

– Джорджо Ренци и Стефано Манчини, я вас уже зарегистрировала, – говорит она и сразу же вручает нам два пропуска, давая указание: «Шестой этаж».

– Спасибо.

Мы направляемся к большим стеклянным дверям, вставляем в считывающее устройство карточки пропуска и подходим к лифту. На шестом этаже уже ждет девушка.

– Здравствуйте. Ренци и Манчини?

– Да.

– Следуйте за мной.

Мы идем по длинному коридору. Когда доходим до его середины, девушка поворачивается ко мне.

– Меня зовут Симона, я хотела поблагодарить вас за сувениры, которые вы прислали мне и моей коллеге. Как вы догадались? Знаете, когда я его открыла, у меня не было слов. Еще раз спасибо. – Она останавливается перед комнатой, в которой предлагает нам расположиться. – Хотите кофе? Воды?

– Мне кофе, спасибо, и немного простой воды, – отвечает Джорджо.

– А вам?

– То же самое, спасибо.

И я получаю улыбку благодарности за подарок, о котором даже не знал. Как только она выходит из комнаты, я обращаюсь к Джорджо.

– Прости, не мог бы ты мне объяснить?

– Отлично, ты не ударил лицом в грязь.

– Не имею ни малейшего представления, в связи с чем.

– Она без ума от Алессандро Барикко, а ее коллега – от Луки Бьянкини. И ты, человек особенно чуткий, подарил каждой из них именно ту книгу, какую нужно.

– Допустим. Но она показалась мне как-то уж чересчур счастливой, почти растроганной.

– Наверное, из-за дарственной надписи, которую тебе удалось заполучить от автора!

– Ты серьезно? Мне удалось добиться, чтобы Барикко и Бьянкини подписали мне свои книги? Ну тогда я крутой.

– Логично, что Симона от тебя в восторге.

– Так я бы и сам тоже растрогался. Как тебе удалось?

Джорджо улыбается.

– Ты должен стать безупречным, обворожительным, любимым и желанным. Ты хозяин «Футуры», моей компании. Прошу тебя лишь об одном: учитывая, что Симона очень симпатичная, и ты ее по праву завоевал, было бы неплохо, чтобы пока ты не заводил бы новых детей.

Мы смеемся. Я уже собираюсь ответить, но тут снова входит Симона в сопровождении другой девушки.

– Вот... – Она ставит на стол поднос. – Кофе и вода. А это моя сослуживица, она очень хотела с вами познакомиться.

– Очень приятно, Габриэлла.

Габриэлла наводит меня на мысль, что в жизни все-таки есть определенное совершенство. Она блондинка, высокая, с пышными формами, большими голубыми глазами и прямым носом. Она протягивает мне изящную руку, и я говорю:

– Очень приятно, Стефано Манчини.

Она краснеет и опускает глаза.

– Я счастлива, – отвечает она, поворачивается и уходит.

– Моя коллега стеснительная, – уточняет Симона. – Еще несколько минут терпения, и вы сможете войти. – И оставляет нас одних.

– Бедная Габриэлла... Ты подал ей руку – и она уже беременна!

Слегка ударяю Джорджо кулаком по спине.

– Ну хватит уже об этом.

– Ладно, будем серьезны, у нас скоро встреча. – Джорджо открывает пакетик сахара и высыпает его в кофе. – Сейчас пять минут двенадцатого, а она назначена на одиннадцать. Вот увидишь: раньше, чем через двадцать минут, Джанна Кальви нас не примет.

– Прости, откуда ты знаешь?

– Она читает только Марко Травальо, «Бизнес и финансы» – приложение к «Республике» – и, в качестве полной противоположности, Николаса Спаркса и его книги о любви, о судьбе и о Боге. По поводу ее сексуальной ориентации я бы не смог сказать ничего определенного; хотя у нее и есть двадцатилетняя дочь, с мужем она давно рассталась. Она заставляет нас ждать, хотя сегодняшней встрече мы обязаны тому, кто поставил ее на эту должность. Видишь, что с человеком делает власть? Она хочет дать нам понять, что в любом случае именно она тут главная, она всем заправляет. А что ты ждешь от женщин, которые ненавидят мужчин?

Джорджо мрачно улыбается. Именно так и поступает Джорджо: он видит самую суть проблемы и высмеивает ее.

Я тоже пью кофе, пока он не остыл, и прихлебываю воду. Бросаю взгляд на три проекта, которые мы представляем, и вижу, что к каждому из них приклеен листок.

– А это кто сделал?

– Аличе, сегодня утром, хотя я ей ничего не говорил, сказала, что это краткие конспекты каждого проекта, которые могут пригодиться для быстрого просмотра перед презентацией.

– Отлично сделано.

– На твоём месте я бы ее поблагодарил при следующей встрече. Мы выгоняем тех, кто нас предаёт, но по справедливости ценим тех, кто этого заслуживает.

– Точно.

Я смотрю на часы. Двадцать восемь минут двенадцатого.

Если Джорджо прав, то нас должны позвать сейчас. Замечаю, что на телефон пришло сообщение. Оно от Джин.

«Как дела, любимый? Ты рад вчерашней новости? Мы с тобой еще толком об этом не поговорили!»

И правда. У меня не хватило слов. Все, что я мог сказать, заглушил алкоголь. Джин как всегда попала в точку: да, мы говорили немного.

«Это чудесная новость!»

Едва я успеваю отправить сообщение, входит Габриэлла.

– Хотите что-нибудь еще? Я вам принесла шоколадные конфеты, они очень вкусные.

И она ставит на стол коробку «Джандуйотто». Мы оба берем по конфетке и благодарим ее.

– Следуйте за мной, директор Кальви вас ждет!

Я иду рядом с ней, Джорджо за нами. Прежде чем нас оставить, Габриэлла поворачивает ко мне голову, смотрит на меня своими голубыми глазами, кладет мне что-то в руку и, покраснев, говорит:

– Это мой номер.

Убираю записку в карман, и мы с Джорджо заходим в кабинет. Директор встает.

– Извините, если заставила вас ждать.

– Да нет, ну что вы...

– Я Стефано Манчини, а он – господин Ренци.

– С ним мы уже общались, а вот с вами мне хотелось познакомиться. Я много хорошего слышала о вас.

Странное дело: было время, когда обо мне говорили только плохое. Или изменился мир, или я. Но сейчас, как мне кажется, не тот момент, чтобы обдумывать эту мысль, так что я улыбаюсь и больше ничего не говорю.

– Садитесь, пожалуйста. Вам уже что-нибудь предложили?

– Да, спасибо, нас приняли прекрасно. Даже угостили конфетами. – Я достаю из кармана свою конфету. – Так что я ее съем, пока она не растаяла.

Джорджо, взглянув на меня, сохраняет невозмутимость. Мое поведение соответствует четкой и разумной логике. Кальви заставила меня ждать полчаса, чтобы показать мне, кто тут главный; так что и она может подождать, пока я съем конфету, так я покажу, что тоже чего-то стою, не так ли? Джорджо передает мне платок, я вытираю рот и спокойно начинаю излагать ей суть трех наших проектов. Я говорю уверенно – в том числе потому, что мне удалось пробежать глазами конспект. Директор Кальви слушает меня и кивает. Краем глаза я вижу, что Джорджо тоже внимателен.

– Хорошо, – говорит директор.

Незаметно от нее смотрю на часы. Двадцать две минуты. Я должен был уложиться не больше, чем в двадцать пять минут, предупреждал меня Джорджо, и мне удалось.

– Ваши предложения кажутся мне очень интересными, – сообщает директор Кальви.

Я пытаюсь объяснить причину нашего выбора:

– Мы хотели говорить прежде всего о женщинах, обращаться именно к ним.

Джорджо предупредил о редакционной политике, которой собиралось придерживаться новое руководство канала, и наши авторы выполнили его указания с идеальной точностью. Не знаю, какими они были, но, учитывая успех у секретарш, он, похоже, не ошибся и в остальном.

– К сожалению, сейчас у нас уже есть несколько таких проектов, как эти... – Кальви разводит руками, словно извиняясь. – Но, в любом случае, оставьте мне их: я над ними немного подумаю.

Джорджо встает, а я – за ним.

– Спасибо, госпожа директор, будем на связи.

– Конечно! И еще раз извините за ожидание.

Она провожает нас до двери, прощаясь улыбкой исключительно из вежливости. Ни одной из двух секретарш нет, так что мы идем к лифту одни. Проходим мимо комнаты ожидания, вижу в ней несколько человек. Джорджо цепенеет. Один из них поворачивается к нам и узнает его.

Незнакомец встает и слишком преувеличенно улыбается.

– Джорджо Ренци, какой сюрприз! Как ты?

– Хорошо, спасибо, а ты?

– Отлично! Как я рад тебя видеть! Даже не представляешь, сколько раз я собирался тебе позвонить.

Он энергично пожимает Джорджо руку.

Он низенький, коренастый, с растрепанными волосами, маленькой бородкой и в круглых очках. Одет экстравагантно: на нем кожаная куртка, черные джинсы, темные «хоганы» и белая рубашка. Кажется, он рад этой встрече.

– Позволь тебе представить мою новую референтку, Антонеллу, – говорит он.

Джорджо пожимает руку миниатюрной блондинке. В ее лице явно что-то подправлено – может, нос и уж наверняка – рот, с двумя варениками вместо губ. Она улыбается, но, судя по всему, не рада его видеть.

– А это мой литагент, Микеле Пирри.

Он указывает на высокого крепкого мужчину с редкими волосами и пухлым лицом, шеи у него почти нет. Да уж, наружность оставляет желать лучшего.

– Очень приятно, – Джорджо пожимает руку и ему. – Могу вам представить моего шефа? Стефано Манчини.

– Ах, да, конечно. Очень приятно, Дженнаро Оттави. Много о тебе слышали.

Я улыбаюсь, но мне почти нечего сказать. Однако мне нужно подготовить какой-то ответ, поскольку, судя по всему, положение довольно неловкое, а у меня в таких случаях никогда не находится подходящих реплик. К счастью, Джорджо помогает мне выпутаться:

– Хорошо, а теперь извините нас, у нас встреча.

– Да, пожалуйста.

Джорджо идет впереди, и мы направляемся к лифту. Тут дверь кабинета директора открывается, и выходит Джанна Кальви.

– Дженнаро! – восклицает она. – Входите, пожалуйста.

Мы видим, как он располагается в ее кабинете, и, пока дверь закрывается, Джорджо нажимает на кнопку цокольного этажа. Лифт тоже закрывается.

– Кто они такие были?

– Он – глава компании, в которой я работал раньше.

– А, точно, ты мне о нем говорил, просто я не знал его лично. Кальви не заставила его ждать.

– Они большие друзья.

– В каком смысле?

– Оттави засыпал ее подарками.

– Откуда ты знаешь?

– Я сам их выбирал.

– Понятно.

Мы молчим, пока лифт едет вниз.

– А почему ты у него не остался?

– Он использовал меня до тех пор, пока я был ему нужен, а потом решил, что я ему больше не нужен. У меня не было доли в его компании.

– Зато я предлагал ее тебе, но ты отказался.

– Ты прав, я подумую.

Джорджо потирает лоб и с решительным видом говорит:

– Я правильно сделал, что не стал к нему привязываться. Но когда-то мне даже казалось, что мы друзья.

Мы молчим до тех пор, пока не приезжаем на цокольный этаж.

– Вернешься со мной в офис?

– Нет, у меня обед.

Джорджо протягивает руку и смотрит на меня с лукавой улыбкой.

– Хочешь мой пропуск?

– Нет, бумажку, которую дала тебе Габриэлла.

– Хочешь позвонить ей сам?

– Нет. Но у «Футуры» должно быть будущее. Начинают с фундамента. Если такая красивая девушка здесь, это не случайно. Я тебе говорил: сюрпризы мне больше не нужны...

– Я бы не стал ей звонить.

– Ну а вдруг?

– Искушение – оружие женщины или отговорка – мужчины.

– Зато Оскар Уайльд говорил: «Я могу сопротивляться всему, кроме искушения». Мне ужасно нравится Оскар Уайльд, и я с ним согласен.

Я вынимаю из кармана бумажку и отдаю ему. Джорджо хватает ее и бросает в стоящую рядом мусорную корзину.

– Поверь мне, шеф, лучше обойтись без этого номера.

Мы прощаемся. Странно, что он не спросил, куда я иду обедать.

32

Папа идет открывать мне дверь, весело улыбаясь.

– Стефано! Как здорово! А я думал, ты не придешь! Проходи, проходи, Паоло уже здесь.

Я захожу в гостиную и вручаю ему бутылку в фирменной упаковке, которую он сразу же узнает.

– Спасибо, «Феррари Перле» черное – отличное шампанское, но тебе не стоило его покупать, – говорит он, снимая обертку с бутылки, купленной у Бернабеи, в его любимом винном магазине. – Открою прямо сейчас; вижу, оно уже холодное.

Меня разбирает смех: не стоило его покупать, но он сразу же посмотрел, что это за бутылка.

– Конечно, папа, для того-то я ее и купил.

В гостиной – мой брат Паоло и его жена Фабиола, маленький Фабио, который что-то рисует, и чуть дальше – коляска, в которой спит Виттория.

– Привет, – тихо говорю я, подходя к коляске.

– Да можешь хоть кричать: она ничего не слышит, когда спит. Проблема в другом: «когда она спит».

Паоло хохочет.

Фабиола начинает его бранить:

– Да ты-то что об этом знаешь? Продолжаешь дрыхнуть, как ни в чем не бывало, так что приходится вставать мамочке... Но теперь все изменится, понял? В этом году все будет по-другому. Хоть ты и открыл новый офис, мне все равно. Я хочу оставаться с Фабио и водить его на плавание, на баскетбол, на английский, помогать ему с уроками. Значит, я должна быть отдохнувшей, и мне нужно больше спать.

Паоло делает вид, что согласен, но улыбается.

– Я ей предложил нанять няньку, потому что согласен, что труд мамы – тяжелый и утомительный...

– Тебе бы все шутить, – подзуживает его Фабиола.

– Нет, я серьезно. Но она не захотела.

– Конечно, своих детей я должна воспитывать сама, а не как у некоторых приятелей Фабио, отпрыски которых день-деньской сидят с няньками.

Я смотрю на Паоло и делаю жесты, словно говоря: «Ну и жену же ты себе выбрал, одни неприятности!» Но ему такая женщина подходит; она заставляет его расти; основательная женщина, немного консервативная: хочет самого простого и никогда не хитрит. С ней можно поссориться, но с толку ее не сбить.

– Привет, дядя, посмотри, что я сделал...

Фабио показывает рисунок.

– Прекрасно, молодец. А что это такое?

– Как это что? Ты надо мной смеешься? Это же Каа из «Книги джунглей»!

– Да, правда, я шутил. Ты его так здорово нарисовал.

– Привет, Стефано, как дела?

Входит Кира, новая подружка папы, они вместе примерно год. Она албанка и, самое главное, гораздо моложе его. Ей лет тридцать. Она красивая, высокая и холодная. Неприятная, но я уже зарекся ее обсуждать.

– Спасибо, хорошо. А у тебя?

– Отлично. Я тут кое-что приготовила на скорую руку, надеюсь, вам понравится.

Мне хочется спросить: «Прости, но почему на скорую руку? Вы пригласили нас неделю назад, так чем ты занималась сегодня утром?» Но я думаю о маме, которая посмеялась бы надо всеми этими моими мыслями, и просто говорю: «Да, хорошо, это будет отлично».

И иду в ванную мыть руки. Здесь стоит белая корзиночка с несколькими короткими полотенцами цвета ила, аюрведическое мыло, засушенные цветы в гладкой стеклянной вазе и маленькая картина Клее, или, лучше сказать, литография. Все кажется безупречным. Кира заставила папу полностью переделать квартиру. Уж и не знаю, сколько ему пришлось потратить, но то, что я вижу, мне не нравится: оно кажется мне чужеродным, фальшивым, начищенным до блеска. Это похоже на один из тех магазинов выставки-продажи, спроектированных каким-нибудь начинающим архитектором, который должен продемонстрировать, что минималистский стиль – это последний писк моды. У этого дома нет души. Однако мой отец доволен, и этого достаточно, чтобы был доволен и я; к тому же это ему здесь жить с Кирой. Я подхожу к столу, за которым все уже сидят, папа разливает шампанское, но Фабиола загораживает свой бокал рукой.

– Нет, спасибо, мне не надо, я не пью.

– Но я хотел произнести тост.

– Ну тогда самую капельку, спасибо.

– Это плов, – показывает Кира. – А это долма с мясной начинкой, я положила в нее баранину, а вот здесь – тушеное рагу.

Последнее блюдо представляет собой странную мешанину, которой трудно дать определение. А вот блюдо со свежим салатом мне удастся идентифицировать.

– Спасибо. Думаю, попробую всего понемногу.

Начинаю с риса – естественно, после того, как его подали Фабиоле. Не успеваю я поднести вилку ко рту, как папа берет свой бокал.

– А теперь я бы хотел произнести тост.

Мы все поднимаем бокалы и ждем.

– Прежде всего, я хотел бы выпить за этот день; мы уже давно не встречались и должны бы делать это чаще, потому что это всегда прекрасно – видеть вас рядом, хоть мамы и нет... – На секунду он бросает взгляд на Киру, словно говоря: «Ты мне это простишь, правда?» И она улыбается, не выказывая ни малейшего недовольства. – Мы остались прекрасной семьей и даже стали еще дружнее, чем раньше. – Он смотрит на нас, надеясь на наше одобрение. Я слушаю его безучастно, а Паоло, естественно, более сочувственно.

– Конечно, папа, это правда.

Воодушевленный этими словами, отец продолжает свою речь:

– Так вот, да, сегодня я счастлив, что вы здесь, и именно потому, что семья – это так важно... – Он взволнованно сглатывает. Одним словом, чувствуется, что он собирается сообщить нечто важное, но не знает, как это сказать. В конце концов он все-таки решается броситься с головой в омут. – Я хочу вам сказать, что... Да, именно... Что у вас будет братик... Или, может, сестричка.

Тут Паоло бледнеет, а вот я, наоборот, улыбаюсь. Не знаю почему, но так или иначе я этого ожидал. Хотя нет, по правде говоря, я думал, что он заговорит о свадьбе.

Теперь отец немного успокоился и поднимает свой бокал в нашу сторону.

– Выпьем со мной?

– Конечно, папа. – Я слегка толкаю Паоло локтем. – Эй, возьми себя в руки, – тихо говорю ему я. – Это хорошая новость.

– Да, правда. – Паоло как-то внезапно перестает быть настороженным. И все мы чокаемся.

– За твое счастье, папа.

– Да...

– За ваше! – добавляет Фабиола, улыбаясь Кире.

– Спасибо. – Кира смотрит на папу, который тут же кивает, словно вспоминая, что он что-то забыл.

– Ах, да. Мы поженимся в июле. В Тиране.

Это кажется мне странным.

– Отлично, тогда мы это и отпразднуем.

– Ну да!

Папа наконец-то расслабился.

– А теперь давайте есть! – говорит он и обращается ко мне: – В Тиране, насколько я знаю, много работают с итальянцами, там хорошее телевидение...

– Да, знаю.

– Ты мог бы этим воспользоваться.

– Конечно.

Я не рассказываю, что они уже купили несколько наших проектов, хотели заполучить даже наших авторов, но после первой недели больше никому уже не платили. Почти все авторы вернулись, кроме двоих. Один из них обрюхатил албанку, а другой влюбился в албанского парня и решил, что там ему будет проще жить со своим каминг-аутом. В том числе, потому что он почти не говорил по-английски, и мало кто понял, о чем он объявил.

– Попробуйте это. – Кира передает нам странную мешанину. – Это таве-коси. Оно очень вкусное, я приготовила его из яиц, баранины и йогурта. А потом вы должны попробовать и бурек... – И она передает нам пирожок с начинкой из соленого сыра. Я зачерпываю таве-коси половником. Паоло ждет, чтобы я попробовал его первым, чтобы понять, стоит ли рискнуть и ему. Зато у Фабиолы отличное оправдание: «Я на диете». И она кладет себе лишь немного салата. Маленький Фабио перед выходом уже поел дома. Я решаю попробовать всего, что мне тут предлагают; вообще-то мне любопытно. Так что я ем и одновременно смотрю на папу, который гладит Киру по руке и говорит ей: «Вкусно, действительно вкусно, пальчики оближешь».

Но это не так, он бессовестно врет. Он заставлял маму готовить всегда одно и то же, любое другое блюдо вызывало у него отвращение. А вот с Кирой он, наоборот, стал совершенным подкаблучником. Неужели мы, мужчины, все такие? Неужели достаточно того, чтобы какая-нибудь вертихвостка была на двадцать лет моложе, чтобы превратить нас в таких тюфяков?

– Ну как? – спрашивает меня Кира.

– Отлично, действительно специфический вкус.

На самом деле я бы с удовольствием съел карбонару или пиццу, но почему бы не сделать их счастливыми? Папа счастлив, и она тоже. Зато шампанское – отличное, и я тоже счастлив, что сделал такой выбор. А еще тому, что не рассказал, что Джин ждет ребенка, мальчика. Или, может, девочку? Кто знает, может, они будут играть вместе. Если к тому же их дочь будет тетей моей дочки или сына!

– Прекрасно, действительно прекрасно! – говорю я, в некотором замешательстве размышляя о том, какой будет наша разросшаяся семья.

И думаю о моей матери и о том, как мне ее не хватает. По крайней мере, в этом я искренен.

33

Вернувшись в офис, я замечаю, что дверь кабинета Джорджо открыта. Одной рукой он водит компьютерной мышью, другой держит телефон, по которому тихо с кем-то разговаривает.

– Да. – И он начинает смеяться. – Вот именно. Еще чего не хватало... За это тебе и платили. – Он кивает мне головой и продолжает: – Конечно, с моим шефом! Да, спасибо, это было легко! Так что заплатить должен был ты. – Потом он говорит что-то еще, чего мне не удается расслышать, и заканчивает разговор.

– Ну как прошел обед?

– Хорошо. Я был у отца.

– А, и как он?

– Отлично, ждет ребенка.

– И он тоже? Значит, это семейный дефект, вы очень плодовиты. Тут входит Аличе.

– Хотите кофе?

– Да, спасибо.

– Пожалуй, мне тоже, – говорю я и, прежде чем она уйдет, добавляю:

– Аличе, спасибо за конспекты проектов, они очень хорошо подготовлены. И последнее.

Мы можем перейти и на «ты».

Она улыбается.

– Спасибо, но я предпочитаю обращаться к вам «вы».

– Как хочешь.

И все-таки она счастлива.

– Так, значит, они вамгодились?

– Да, очень.

– Я очень рада.

Аличе идет за кофе для нас, и Джорджо вставляет один из своих метких комментариев:

– Ну и отлично, так она будет работать все лучше и лучше. Увидимся позже.

Я захожу к себе в кабинет и вижу на столе тщательно запечатанный сверток. При нем – сложенная записка. Открываю ее.

«Ты всегда был со мной. Б.»

Всего одна «Б.», но у меня нет сомнений.

Я выхожу в коридор и зову Сильвию – секретаршу, дежурную в приемной.

– Слушаю вас.

– Кто положил этот сверток на мой стол?

Сильвия краснеет.

– Я...

– А кто его принес?

– Курьер, около полудня.

– Хорошо, спасибо.

Видю, как Джорджо опускает очки. У него в руках какие-то листки. Может быть, проект.

– Ну и какой он?

– Замечательный. Очень хороший, мне кажется. Я тебе потом о нем расскажу.

– Хорошо, пока.

Я закрываю дверь. Сажусь за стол и какое-то время смотрю на этот сверток. Потом беру его, пытаюсь определить вес. Похоже на книгу. Может, это и впрямь книга, только большая. Разворачиваю бумагу. Я ошеломлен. Этого я никак не ожидал. В свертке альбом с фотографиями. К первой странице прикреплена еще одна записка.

«Привет. Я рада, что ты его открыл. Боялась, что ты можешь его выбросить, даже не развернув. К счастью, этого не произошло. У меня их всегда было два. Мой альбом – точь-в-точь такой же, как этот – может быть, потому, что я всегда думала, что когда-нибудь это случится. Я так счастлива, как уже давно не была. Как будто снова сомкнулся круг, как если бы вдруг нашлось то, что я уже давным-давно потеряла. Увидев тебя снова, я почувствовала себя красивой, интересной, какой я себя еще никогда не чувствовала, – или, во всяком случае, уже этого не помню. Да, правильнее сказать именно так, потому что когда мы были вместе, я испытывала то же самое ощущение. Теперь я не хочу надоедать, говорить что-то еще. Если ты случайно решишь его выбросить, то, пожалуйста, дай мне знать. Я над ним очень трудилась, и мне было бы неприятно, если бы все то, что я сделала с такой любовью, оказалось в мусорной корзине. Б.».

Опять одна только эта «Б.». Я смотрю на письмо. Ее почерк стал лучше. Он округлый, но теперь она уже не играет по-ребячески с некоторыми гласными. Нет, Баби, ты не была надоедливой. Ты заставила меня вспомнить нашу прежнюю жизнь. Как я умел делать тебя счастливой. Как умел понимать, когда ты в плохом настроении, и ждать, сколько нужно, чтобы вновь тебя обрести. Привередливую, требовательную. С этими надутыми губами.

«Я тебя предупреждала, что такая уж я есть», – твердила мне ты. Ты умела меня развлекать. Ты умела делать меня терпеливым, терпимым, хотя мне всегда казалось, что я никогда таким не стану. Ты делала меня лучше. Или, может, ты заставляла меня в это верить. Тогда, когда мне все казалось неправильным, когда меня терзало глубинное беспокойство, и я чувствовал себя, как тигр в клетке. Я был в постоянном движении, не мог успокоиться и по самым разным поводам ввязывался в драки. Я смотрю на свои руки. Небольшие шрамы, вывихнутые суставы... Это неизгладимые следы обезображенных мною лиц, угасших улыбок, выбитых зубов, сломанных носов, рассеченных бровей и губ. Запрещенные удары. Ярость, агрессия, злость, гнев – на меня словно налетал ураган. А потом, с тобой, наступал покой. Было достаточно, чтобы ты меня погладила, и я словно умирался. Зато другие ласки – нежные и чувственные – воспаляли меня совсем другой дрожью. «Мы с тобой пара повышенной возбудимости; тебе, наверное, хватит», – говорила мне ты, когда я позволял себе лишнего спиртного. Иногда ты позволяла себе словечки женщины раскованной, без комплексов, даже непристойные, но всегда забавные. Как в тот раз, когда ты сказала: «Твой язык творит чудеса». Тебе нравилось заниматься любовью и смотреть мне в глаза – ты их держала открытыми до тех пор, пока не зажмуривалась от удовольствия и отдавалась мне без остатка.

«Только с тобой, – говорила она. – Но я хочу все. Хочу делать все».

Я погружаюсь в воспоминания, сладостно тону в них, в этих внезапных проблесках прежних времен. Она тает от нежности, она смеется, она на мне, она вздыхает и откидывает голову назад, она двигается все быстрее... И я, как дурак, возбуждаюсь и снова вижу ее грудь, такую красивую – два идеальных маленьких холмика, от которых я терял голову, и словно созданных для моих губ. Она моя. Когда я задерживаюсь на этих последних словах, ее образ разлетается вдребезги. Я вижу ее на пороге, с грустной улыбкой, она смотрит на меня в последний раз и уходит. Она не моя. Она никогда не была моей. С этой ужасной мыслью я открываю альбом. Первая фотография в нем – наша. Мы совсем юные. Мои волосы длинные, а ее – светлые-светлые, выцветшие от моря. Мы оба были загорелые. И наши улыбки ярко сияют. Мы сидим на заборе приморского домика, я это и сейчас помню: мы поехали туда в последнюю неделю сентября, когда родители Баби уже вернулись в Рим, и мы прожили тот день, как взрослые, как будто тот дом был нашим.

Мы затоварились в «Виничио» – единственном открытом там, в Анседонии, магазине, купив несколько бутылок воды, кофе на следующий день, хлеб, помидоры, немного нарезки и отличную моцареллу, которую привезли из Мареммы. И еще – два бифштекса, мелких уголь-

ков, красного вина, две уже хорошо охлажденных бутылки пива и большие зеленые оливки. Кассирша, слегка удивившись, спросила Баби: «Да сколько же вас?»

– Да нет, это для аперитива... – Как будто то, что пиво и оливки предназначались для аперитива, оправдывало все остальное. Мы расположились в саду ее дома, на бульваре Джинестра, в нескольких километрах от дома на утесе, куда я в наш первый раз приводил ее с завязанными глазами.

– Я знаю эту улицу, я всегда хожу по ней к морю. Дом моих бабушки и бабушки – на бульваре Джинестра, чуть дальше, – сказала она, когда я снял с ее глаз бандану.

– Да и я всегда сюда приезжал; мои друзья, Кристофори, живут в Порто Эрколе. И я ходил на пляж в Фенилью.

– И ты тоже?

– Да, и я.

– Ну надо же! И мы никогда не пересекались?

– Нет, судя по всему, нет. Я бы это вспомнил.

И мы посмеялись над иронией судьбы. Мы всегда ходили на один и тот же пляж, но в разные концы.

– Фенилья длинная, больше шести километров, и я иногда проходил ее всю, из конца в конец.

– И я тоже!

– И мы ни разу не встретились?

– Мы встретились сейчас. Пожалуй, именно тогда, когда нужно.

Я развел в садике костер, пока она накрывала на стол, а потом мы стали греться в последних лучах закатного солнца. Баби только что приняла душ, и я до сих пор помню, что на ней был мой желтый спортивный балахон, который я купил во Франции, во время путешествия с родителями. Ее волосы были мокрыми и поэтому казались темнее, и она пахла душем, который только что приняла. И еще я помню, как она расчесывала мокрые длинные волосы щеткой, закрыв глаза, балахон почти закрывал ее ноги, она носила кроссовки «Сайонара», а ногти были идеально покрашены красным лаком. В другой руке Баби держала бутылку пива, и время от времени из нее отпивала. А вот оливки ел только я. Потом, какое-то время спустя, она поставила пиво на забор, взяла мою руку и запустила ее под свой балахон.

– Но на тебе ничего нет... Ты без трусов.

– Точно.

И тут на «веспе» приехал Лоренцо, которого все звали «Лилло», – чувак из компании из Анседонии, который всегда, с самого детства, бегал за ней, хотя Баби не оставляла ему ни единого шанса.

– Привет, Баби, привет, Стэп. Что делаете? Все собрались у меня дома. Почему бы вам не присоединиться?

Баби под балахоном была голой, и там была моя рука, которая, несмотря на появление этого парня, продолжала свое дело. Баби посмотрела на меня, а я просто улыбнулся, но не остановился. Потом она повернулась к Лоренцо.

– Нет, спасибо... Мы останемся здесь.

Лоренцо несколько секунд молчал. Молчали и мы. Мне показалось, что он хочет настаивать.

Но в конце концов он понял, что лишний.

– Ну ладно... Как хотите.

И, ничего не сказав, исчез на своей «веспе» в конце улицы. Баби меня поцеловала и увела с собой в дом. Мы занялись любовью, проголодались и поужинали в полночь. Было темно, я снова разжег костер, и мы грелись, попивая красное вино и осыпая друг друга поцелуями, словно нас ничто не могло разлучить. Все было настолько идеально, что мы могли бы остаться

вместе навсегда. «Навсегда»... Какое ужасное слово! Я переворачиваю страницу, и у меня перехватывает дыхание.

34

Он лежит в люльке, с небесно-голубым бантом и браслетом на запястье, чтобы его не перепутали, чтобы мой сын не потерялся. На браслете написано: «3201-Б». Это его номер и его лицо, с едва определившимися чертами. Это день его рождения. Он еще не знает ничего – даже того, что его отца, то есть меня, тут нет. В этом мы уже похожи, поскольку и я о нем ничего не знал.

Под фотографией, в качестве пояснения, слова Баби. «Мне бы хотелось, чтобы ты был со мной рядом сегодня, 18 июля. Вы оба – одного знака. Будет ли он, как ты? Всякий раз, когда я его поцелую, обниму, буду вдыхать его запах, это будет, как если бы ты был со мной рядом. Ты здесь, ты со мной. Навсегдамой». Она так и пишет это, все слитно: «Навсегдамой».

Я просматриваю его фотографии одну за другой, словно последовательность разных времен, моментов и этапов. Некоторые из них я видел на ее страничке в Фейсбуке, но теперь, когда они у меня в руках, подобранные так продуманно и размещенные не наобум, я поневоле чувствую себя частью чего-то, чего никогда не мог себе представить и чему не могу дать имени. А вот у него оно есть. Массимо на высоком детском стульчике для кормления, Массимо, ползающий на четвереньках по голубому коврику, Массимо в смешной футболке с надписью: «I WILL SURF». И для каждой фотографии – какая-то запись, какое-то примечание, какое-то размышление Баби для меня. «Сегодня он произнес свое первое слово. Сказал „мама“, а не „папа“. Я разволновалась и расплакалась. Эти слезы из-за тебя. Почему тебя тут нет?» Она пишет это, обращаясь к некому Стэпу, которого нет, который ничего не знает и с которым она хотела бы разделить самое прекрасное, что у нее есть. «Сегодня он был просто молодцом. Придерживаясь за стену, он начал ходить, шагоча за шагом. Потом он остановился, обернулся ко мне и посмотрел на меня, Стэп... В тот момент я была готова умереть. У него твои глаза, твой взгляд и точно такая же, как у тебя, решительность. Я подошла, чтобы ему помочь, но он оторвал руку от стены и вместо того, чтобы схватиться за мою, ее оттолкнул. Понимаешь? Да это же вылитый ты!» Мне хочется смеяться, и не только, но тому, что во мне кипит, я не даю выхода. На следующих фотографиях у Массимо уже другой взгляд. Он более уверенный, он подросток. «Сегодня он съел все, не выплюнув на меня ничего! Это чудесный день. Только что проехал мотоцикл, напомнив мне рев твоего, когда я слышала, как он несется с площади Дельфийских игр, потом вниз, по улице Винья Стеллутти, потом по улице Коладжанни. Ты ехал на нем на полной скорости до площади Джачини. Охранник Фьоре тебя пропускал, быстро поднимая шлагбаум, прежде чем ты его разобьешь. Но на этом сегодняшнем мотоцикле был не ты. Где ты, Стэп? Ты буквально исполнил совет из той песни, которая тебе так нравилась: „Старайся избегать всех тех мест, где я бываю, и которые знаешь и ты...“ И тебе удалось. Мы больше не встречались. Это так». И я молча продолжаю переворачивать страницы этого альбома. Праздник на второй, третий, четвертый день рождения. Волосы длиннее, темнее. Он похудел, стал выше. Пока не стал тем ребенком, которого я всего несколько дней назад видел вживую. Наблюдать, как он меняется и растет, фотография за фотографией, страница за страницей... Мне кажется, что я уже проживал это время. Отчаянно стараюсь все это вспомнить, мои мысли блуждают в прошлом. Я зажмуриваюсь – словно для того, чтобы лучше сфокусироваться на чем-то, что от меня ускользает. Чувствую себя как человек, который, ползая на четвереньках по пляжу, разгребает руками песок, пытаясь найти сережку, потерянную красивой женщиной. Когда я внезапно открываю глаза снова, прекрасная незнакомка исчезает, а в моих руках словно остается это ожившее воспоминание. А вот и я. Я там. В доме Баби, на диване. Она наклоняется, открывает белый шкафчик и достает оттуда альбом. Мы начинаем листать его вместе, и, фотография за фотографией, становится взрослее и она. А вместе с этим усиливается и мое любопытство, моя ревность ко всему тому, что я пропустил... Я подшучиваю над ней, говоря, какой

смешной она была в детстве, но не рассказываю ей о том, как она мне нравится в каждое мгновение ее жизни. Эти разные прически, эти килограммы – чуть больше или чуть меньше, уже прошедшие юбилеи. Она не хочет, чтобы я видел одну из фотографий, хочет ее пропустить, и тогда мы деремся до тех пор, пока я ее не одолеваю. Это тот снимок, на котором она дурачится, скосив глаза. Я смотрю на него со смехом. «Как ни странно, но именно здесь ты похожа на себя больше всего». В тот же самый день она злится, потому что в ее комнате я нахожу дневник и начинаю его читать. Но вскоре мы миримся и начинаем целоваться. В какой-то момент мы останавливаемся, она внезапно отодвигается и подносит указательный палец к губам.

– Тсс...

– Что такое?

Она подходит к окну, отодвигает занавеску. «Мои родители приехали!» И быстро провожает меня до порога – меня, умирающего от желания остаться с ней.

– Эй! Можно?

Дверь открывается, и в нее заглядывает Джин.

– Привет! Что ты задумал? Я тебя отвлекаю? – говорит она, широко улыбаясь.

– Нет, конечно. Ты шутишь? Входи.

Я едва успеваю закрыть альбом и положить на него папку с проектом.

– А разве ты не помнишь, любимый? У нас с тобой очень важная встреча. Я зашла только потому, что ты не отвечал на мои звонки...

– Да, правда, извини меня, я перевел телефон на беззвучный режим.

– Давай скорее, нас ждут.

– Да-да, иду.

Я закрываю за собой дверь и прощаюсь с Джорджо:

– Увидимся завтра; похоже, что я сильно опаздываю.

– Хорошо. Пока, Джин.

– Пока, Джорджо.

Мы покидаем офис и входим в лифт. Джин нажимает на кнопку, чтобы ехать на первый этаж.

– Эй! Все в порядке?

– Да-да. Просто я слишком задумался.

– Извини, если это было что-то важное. Но мы никак не можем отложить сегодняшнюю встречу.

– Нет, не беспокойся. Ничего важного. Один старый проект. Не думаю, что он удачный.

– Хорошо, поговорим о нем, когда захочешь; тогда я тебе скажу, что думаю. Учти, я разбираюсь в телевизионных делах...

– Я хорошо это знаю, ты умница. Нам надо было порекомендовать тебя на должность ведущей. Но ты была бы слишком красивой, тебе бы слишком много завидовали.

– Была бы? – И она стучит мне кулачком по спине. – Послушай, ты, поросенок...

Но тут лифт открывается. Перед нами Парини – пожилые супруги со второго этажа.

– Все в порядке, не бойтесь. Мы скоро поженимся и проводили генеральную репетицию, чтобы проверить, поладим ли мы.

– Вот оно что... – говорит он, делая вид, что и впрямь этому поверил. Джин быстро идет к машине, и я иду за ней, но думаю, что не стану рассказывать ей об этом «старом проекте».

35

– Извините!

Габриэле, отец Джин, улыбается мне из зеркальца машины.

– Ничего страшного.

Ее мать тоже встречает меня улыбкой. Мы производим впечатление идеальной семьи.

Джин садится рядом со мной.

– Он не слышал моего звонка, был весь поглощен проектом.

Франческа на секунду оборачивается ко мне.

– Ну и как он теперь? Увидим по телевизору что-нибудь стоящее? – Ее мать всегда говорит со мной так, словно я отвечаю за все программы итальянского телевидения. – К тому же за те деньги, что мы платим по обязательному тарифу, нам должны были бы предоставлять гораздо более широкий выбор. Но они всегда показывают одно и то же.

Габриэле тоже высказывается:

– И не только: в этом сезоне они показывают одни повторы. Разве телесезон уже кончился? Как ты думаешь? А сколько в этом году денег «Итальянское радио и телевидение» выкачало из нас, итальянцев?

– Двести шестнадцать миллионов евро.

Франческа внезапно поворачивается. Она по-настоящему удивлена.

– Да неужели столько? Серьезно? И ты на них работаешь?

– Да, и еще на «Рэтэ», «Мединьюс», «Медиасет», «Скай», на все цифровые каналы и другие сети.

– А...

Они замолкают. Родители Джин обмениваются нерешительными улыбками, словно хотели прояснить для себя что-то, кажущееся им обоим неясным.

– Наверное, они думают, что я богач. И что ты сделала правильный выбор! – шепчу я на ухо Джин.

– Дурак. – И вместо ответа она кусает меня за ухо.

– Ай-ай-ай!

Мы выезжаем на Старую Кассиеву дорогу. Машин стало меньше, и Габриэле прибавляет скорость. Я чувствую, как в кармане моего пиджака вибрирует мобильник. Пришла эсэмэска с неизвестного номера.

«Тебе понравился подарок? Надеюсь, что да. Я написала тебе кое-что на последней странице, прочитал? Эй, не выбрасывай его. И дай мне знать. Спасибо. Б.».

Я чувствую, что краснею. Мое сердце бьется быстрее, пытаюсь его усмирить.

– От кого это? Что происходит?

Джин это заметила.

– Да так, ничего. Это по работе.

Она мне улыбается.

– В эти дни на тебя навалилось столько дел. Мне жаль.

Пытаюсь ее успокоить:

– Не волнуйся. Я разберусь с ними позже. В крайнем случае, завтра.

Джин дает мне руку. Я ее крепкожимаю. Потом она откидывается на спинку кресла и смотрит в окно. Отец включает радио, звучит музыка, на которую он набрел наугад. Это Дэмиен Райс, «The blower's daughter». Джин ее узнает. Теперь уже я беру ее за руку. Это саундтрек к фильму, о котором мы столько говорили – «Близость» – об отношениях, о любви, о предательстве. Помню, как после этого фильма она ушла в комнату и закрыла за собой дверь. Я понял, что она хочет какое-то время побыть одна. Есть такие фильмы, которые неизбежно

бередят старые раны – как шрамы, которые начинают ныть при перемене погоды. В тот вечер у нее изменилось настроение. Так что я пошел на кухню готовить ужин и накрывать на стол. Я нарочно шумел, чтобы она меня слышала. Я помыл листья салата, нарезал помидоры, открыл банку с тунцом и не порезался. Поставил кипятить воду и бросил в нее две щепотки соли крупного помола. Взял деревянную ложку, перемешал и не обжегся. Взял самую маленькую сковородку – если вдруг придется поджаривать лук с овощами. Банку с протертыми помидорами я перевернул, несколько раз постучал по дну, а потом открыл. Откупорил пиво и, когда уже собрался его пить, вышла она, в одной моей рубашке, босиком. Ее лицо было без макияжа или, лучше сказать, омыто слезами. Наверняка она не хотела, чтобы я это заметил. Или, может, мне было удобнее так думать.

– Хочешь немного пива?

Джин схватила бутылку, даже не поблагодарив меня, сделала большой глоток.

– Поклянись мне, что больше никогда с ней не встретишься.

– Она замужем.

– Это не тот ответ.

– Клянусь тебе.

Тогда она отхлебнула пива еще раз и крепко меня обняла. Она немного постояла так, молча, прижавшись лицом к моей груди. Ее глаза оставались открытыми. Я это знаю, потому что видел ее отражение в стекле, за окном темнело.

– Пойдем немного прогуляемся... – внезапно сказала она. – Я пьяна.

Я взял ее на руки.

– Давай я сам тебя одену.

И я стал развлекаться тем, что выбирал для нее одежду в шкафу. Я снял с нее рубашку, и она осталась в лифчике и трусиках. У меня возникло желание, но я понимал, что сейчас этого делать не стоит. Так что я надел на нее футболку, потом гольфы и, наконец, джинсы. Надел ей на ноги кроссовки, и, когда она собиралась пойти в ванную, чтобы накраситься, остановил ее, взяв за руку.

– Нет, краситься не надо, ты прекрасна и так.

– Ты все время только врешь, Стэп, просто беда. И уже не умеешь отличать реальность от вымысла.

– Ты мне и правда нравишься такой, я не вру. Я тебе всегда говорил все – и плохое, и хорошее.

– Действительно.

Мы сели на мотоцикл и понеслись прочь из города. Объезжая пробки, мы на полной скорости неслись к морю и, остановившись в Маккаресе, зашли в первый попавшийся ресторан, который оказался открытым, – в ресторан, шеф-повара которого показывали по телевизору. Как ни странно, там никого не было, но хозяин меня узнал: мы с ним встречались, чтобы обсудить проект пилотного выпуска кулинарной программы, которую, однако, так и не стали больше снимать. У меня хватило ума ему позвонить, объяснить, что произошло, сказать, что я расстроен, но надеюсь, что еще представится случай. И ему это понравилось.

– Я уже столько раз приходил на подобные совещания, но случалось так, что часто похожие программы не запускали. Но никто и никогда мне не звонил, чтобы сообщить мне об этом. А вот ты позвонил. Спасибо тебе.

– Да ладно, это самое меньшее, что я мог сделать.

– Нет, парень, ты смелый, и в этом вся разница. Приходи ко мне, когда захочешь, – к Филиппоне из Маккаресе, меня тут все знают.

– Конечно, с удовольствием.

Но больше я об этом не думал. Тем не менее в тот вечер мы оказались именно там. Хозяин сразу же меня вспомнил и очень приветливо меня принял.

– Ой, извините. Я открыл ресторан совсем недавно, но сегодня вечером тут никого нет, потому что я всем сказал, что откроюсь на следующей неделе... – Потом он приблизился ко мне и прошептал: – Да просто мне захотелось сюда прийти, осточертело сидеть дома, постоянные скандалы... Понимаешь меня, да?

Я кивнул, и он посадил нас за столик с видом на море и оставил нас в покое. «На сей раз это целиком моя заслуга, Полло здесь не при чем», – подумал я, когда подошел Филиппоне, чтобы сказать мне, что угощает нас ужином за счет заведения.

Рокот волн, вечер на фоне звездного неба, вино и рыба на гриле – все это поспособствовало тому, чтобы Джин успокоилась. Она смотрела на меня с такой нежностью, что совсем скоро мысленно вернулась в прошлое, вспомнила весь наш роман и загрустила. Так что я смеялся, шутил, развлекал ее, рассказывая понемногу обо всем, и в конце концов ее поцеловал. Вернувшись домой, мы занялись любовью и, лежа в постели, не размыкали объятий всю ночь.

Я беру телефон и удаляю сообщение. Не хочу его больше видеть. Но когда замолкли последние звуки песни Дэмьена Райса, я уже перестал чувствовать себя таким уверенным.

36

Вскоре мы приезжаем в Сан-Либерато. Дорога идет в гору, и сверху открывается вид на все озеро Браччано. Отблески закатного солнца нагревают воздух, делают его горячим. Такое впечатление, будто все вокруг – виноградники, деревья, дома, даже церковь – окрашены ярко-оранжевым цветом. В воздухе разлито спокойствие; идиллическое, безмятежное. Мы приезжаем на небольшую площадку, и Габриэле паркует машину. Мы выходим. К нам сразу же направляется Лаура, секретарша, а вскоре, следом за ней, – Пьетро, организатор. Первым делом они показывают нам церковь. Она маленькая и скромная, без украшений, но свет заходящего солнца создает идеальную атмосферу, делая ее особенно теплой. В ней около сотни мест, а алтарь, где будет происходить церемония венчания, находится на небольшом возвышении. Друзья и родные увидят все снизу. Лаура объясняет нам, как она предполагает его украсить.

– Здесь и у входа я бы поставила вазы с каллами, а вот здесь, на полу, разместила бы большие букеты белых маргариток. И по краям алтаря – белые розы...

Франческа и Джин кивают. Лаура уточняет:

– На длинных стеблях.

Обе улыбаются одновременно:

– Да-да, разумеется.

Мы с Габриэле слушаем, но гораздо спокойнее, он даже изрекает свою максиму:

– Ничего не поделаешь, женщины без ума от свадеб, а мужчины к ним почти равнодушны.

Я довольно весело киваю, хотя на секунду меня посещает странная мысль. Что значит: «Мужчины к ним почти равнодушны»? «Почти» – это как? Однако я нахожу благоразумным не углубляться в этот вопрос. Потом, с распростертыми объятиями и приветливо улыбаясь, подходит Манлио Петторини: волосы у него уже поредели, но он худощавый и сильный.

– Габриэле! Как же я рад тебя видеть!

Они искренне, крепко обнимаются. Те, кто смотрит на них со стороны, поневоле думает о том, что вместе они, наверное, пережили многие очень важные события. Габриэле показывает ему на Джин:

– Вот, это моя дочь Джиневра. Ты ее помнишь, да?

Манлио Петторини хлопает ладонью своей руки по ладони Габриэле.

– Да как же мне ее не помнить? Боже мой, как же она выросла!

– Моя жена Франческа...

– Да, конечно. Как дела?

– Спасибо, Манлио, хорошо, а у тебя?

– Грех жаловаться.

– А вот он – Стефано Манчини, жених.

Услышав, как меня представляют, я чувствую себя нелепо, но все-таки улыбаюсь и протягиваю Манлио руку. Он сразу же ее берет и крепко пожимает.

– Ого, да ты не представляешь, как тебе повезло... Знаешь, сколько людей тебе завидует? Когда эта девчушка приезжала к нам в Рошиоло, в деревню, нужно было видеть очередь, выстроившуюся перед ее домом. Она не могла выйти!

– Да, я знаю. Это правда, мне повезло.

Манлио Петторини смотрит на меня с довольным видом.

– Ну и отлично! А теперь давайте! Быстро все за стол, а то мне ужасно хочется узнать, что вы об этом думаете.

Джин берет меня под руку.

– О, счастливчик, которому так повезло, будь рыцарем, проводи меня к столу.

– Конечно, прекрасная селяночка из очереди перед домом...

- Дурак. – И она слегка толкает меня локтем в бок.
- Ой-ой-ой, – покорно говорю ей я.
- Учти, что я такая селяночка, которая может и врезать.
- Да знаю я, знаю, испытал на своей шкуре!

Все мы располагаемся вокруг большого стола на свежем воздухе, под гигантским фиговым деревом с широкими листьями. Солнце отражается в озере, и из этого уголка села вид восхитительный. Петторини подробно объясняет нам все, что собирается делать.

– Так вот, кухню я расположу там, сзади. – И он показывает туда, где заканчивается луг, то есть в противоположную сторону от церкви. – Зато столы мы поставим здесь, вокруг, под деревьями, чтобы нам было не так сыро. А наверху мы натянем тенты, все по той же самой причине, и укрепим светильники. Они будут соединены, и каждый стол будет освещен – но не слишком.

Габриэле смотрит на него удовлетворенно.

– Манлио хорошо знает, как делать свою работу.

– Да ты шутишь, а? Я люблю мою работу. И наконец-то могу делать так, как хочу. А не так, как тогда, когда я устраивал ужины в Сенате, во дворце Мадама. Вы знаете, что там швейцары решали, что полагается подавать на стол в самые торжественные дни? Вы и понятия не имеете, как они к нам придирались при выборе вина!

– И мы тоже будем придираться! – Габриэле стучит кулаком по столу, тоже прикидываясь требовательным.

– Ну конечно! – И они оба смеются.

Потом Петторини зовет официантов:

– А ну, давайте, несите первое. Так вот: я приготовил их три, чтобы то, которое вам не понравится, мы отбраковали, хорошо?

– Манлио, но нам нравится все, что ты делаешь...

– Ну хорошо, тогда отбракуем то, что вам понравится чуть меньше! У меня уже было представление, как бы я это сделал, но я не могу решать все один. С другой стороны, это же вы платите.

– Ну конечно! Но если решишь ты, и еще будет скидка, то тогда мы доверяем!

И они снова смеются. Тем временем начинают приносить тарелки с первым.

– Так вот: это спагетти «на гитаре» с трюфелями и грибами. А вот это равиоли с начинкой из овощей и рикотта на сливочном масле с шалфеем. А это – паккери из гречневой муки с вишнями, оливками и растительным маслом, настоящим на перце.

– Мне они все кажутся восхитительными, – говорит Франческа.

– Да, – кивает, улыбаясь, Джин. – Аромат исключительный.

После этого одно за другим начинают приносить вкуснейшие блюда, заботливо и очень внимательно их подают молоденькие официанты.

– Все они – выпускники школы гостиничного дела, – замечает Петторини.

Потом подают на пробу разные вина и щербеты, чтобы усилить вкусовые ощущения, потом – вторые блюда и всевозможные закуски.

– Тебе лучше есть немного, – советует мне Джин. – Придется попробовать еще кучу всего...

– Но эта телятина под соусом из тунца просто обалденная.

Произнося эти слова, я понимаю, почему мне она так нравится. Ее всегда готовила моя мать. Мамина телятина тоже была исключительной: мясо было невероятно хорошим, без единой жилки, всегда искусно нарезанным – как правило, тонко-тонко, – что делало его еще нежнее, под соусом, приготовленным из свежайших яиц и уксуса с щепоткой сахара: по крайней мере так мне казалось. Я понимал это из разговоров, которые вели на кухне женщины, обме-

ниваясь секретами рецептов... Мы продолжаем есть, пока солнце окончательно заходит за озером, и вокруг нас зажигается несколько светильников.

– Ну вот, будет примерно так. С белыми лампами около всех деревьев и, наоборот, с желто-оранжевыми – там, подальше... Чтобы еще больше создать атмосферу.

Мне кажется очаровательным все, а этот последний совиный, который нам дали попробовать, оказался холодным и безупречным, с нежнейшим фруктовым послевкусием. Потом подают землянику и малину с очень легкими домашними сливками и поливают их несколькими ложками горячего расплавленного шоколада. А потом приносят два торта-мороженого: один – с сабайоном, другой – с орехами. И, наконец, отличный кофе.

– Вот, а потом, подальше, я бы поставил стол со спиртными и крепкими спиртными напитками, которые в такой чести на каждой свадьбе... Ох, непонятно, почему оно так, но вы, молодые, счастливее нас и потому должны и пить больше!

Габриэле весело кивает:

– Мы, по крайней мере, топили в вине наши горести, а не наше счастье!

– Да! – смеется Джин. – Это точно, мы действительно друг друга обижаем.

– А вот к столу я бы, наоборот, подал эти горькие настойки.

И Манлио велит принести разные ликеры: «Капо», «Филу-э-ферру», «Аверна» и «Егермейстер».

– Одни известны больше, другие – меньше, про настойку из горечавки знают немногие, но она просто фантастическая... Попробуйте ее.

И он понемногу, буквально на глоток, разливает ее по рюмкам для ликеров.

– Правда, отличная.

– Она способствует пищеварению. Думаю, это потребуется!

Петторини смеется. И впрямь: всего того, что они решили приготовить, будет немало. Разнообразные закуски по всему парку. На одних столах будет ветчина, на других – нарезка. А еще – моцарелла, буррата, кусочки пармезана и другие итальянские и французские сыры. Жареную еду будут готовить в нескольких местах, где поставят фритюрницы для свежих лангустов и маленьких осьминогов, для приготовления панелле – блинчиков из нутовой муки, маленьких моцарелл, белых и красных миниатюрных аранчини, оливок по-асколански и польпеттин – мясных котлеток. Все это закуски. Потом подадут два первых: спагетти «на гитаре» с трюфелями и грибами; паккери с помидорами и оливками и два вторых – филе кианской говядины и сибас. Разнообразные гарниры: картофель всех видов, овощи, от цикория до брокколи, и три салата, один из которых – с грецкими орехами, кедровыми орехами и кусочками ананаса, а потом – сладости и фрукты.

Франческа и Джин говорят с Петторини о выборе хлеба, обсуждают вина, и все, как мне кажется, уже решено наилучшим образом.

– А вон идет отец Андреа.

Мы оборачиваемся и видим, как в глубине парка, освещенного последними отблесками озера, появляется священник. Он приближается быстро, и я вижу, как он улыбается и издали кивает головой.

– А вот и я, а вот и я. – Он смотрит на тележки с блюдами около нашего стола. – Похоже, я пропустил чудесную трапезу.

Джин встает и искренне его приветствует.

– Отец Андреа! Какой приятный сюрприз! А я и не знала, что ты придешь; иначе бы мы тебя подождали.

Он ее обнимает, а потом немного отходит в сторону и с любопытством рассматривает ее.

– Так что, неужели церквушка еще дальше? Добираясь сюда, я едва ли не сжег мотор моей «симки»!

Петторини смеется.

– Кто знает, сколько раз ты сворачивал не на те дороги!

Они пожимают друг другу руки.

Петторини, показав на священника, говорит:

– Вы даже не представляете, сколько мы с ним провели свадеб!

– И все эти браки все еще крепкие!

– Серьезно?

– Конечно. Перед венчанием я провожу с новобрачными отменную беседу. Да вы, похоже, немало выпили?

Он смотрит на нас с улыбкой.

– Пожалуй, что нет, не слишком.

– В меру, – добавляю я.

– А кофе вы пили?

– Да.

– Тогда давайте хорошенько поговорим. Начнем с тебя. – Отец Андреа показывает на Джин. – Ты мне ничего не хочешь сказать?

Джин краснеет, может быть, подумав о своем животе. Я улыбаюсь, но делаю вид, что ничего не понимаю. Должно быть, отец Андреа ко всему привык.

– Ладно, давайте не будем терять времени, отойдем немного в сторону: так нам будет спокойнее говорить.

– А вы не хотите чего-нибудь выпить? – спрашивает Габриэле.

– Нет-нет, на работе я не пью.

– Ну хотя бы кофе...

– Нет, потому что после кофе мне хочется спать.

Потерпев поражение, Габриэле пожимает плечами.

Джин встает из-за стола и, прежде чем отойти в сторону, бросает на меня взгляд и улыбается. Думаю, этой улыбкой она хочет сказать вот что: «Наверное, я ему скажу». А потом следом за отцом Андреа идет к столу в глубине парка. Вот, они уже сели. Теперь я вижу их силуэты, словно нарисованные на поверхности озера позади них, которое теперь похоже на школьную доску цвета индиго. Джин размахивает руками, смеется, качает головой. Она веселая, легкомысленная и, самое главное, счастливая. А я? Я-то какой? Мне почти непроизвольно приходит в голову мысль достать из кармана мобильник и посмотреть на него, словно именно там я искал ответ на этот вопрос. Ничего, никаких сообщений. Тишина. К тому же она, в стороне, – это ответ. Я беру маленький стаканчик, наливаю туда немного ликера «Капо» и снова сажусь. Медленно его потягиваю. Справа от меня, недалеко, Габриэле и Франческа разговаривают с Петторини. Он показывает им скатерти, потом все рассматривают ткань, кивают; судя по всему, они окончательно одобрили этот вариант. Манлио тоже кивает. Мне кажется, он говорит: «Это самая лучшая».

– Эй, все в порядке?

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит Джин.

– Да, отлично. Вечер просто изумительный.

– Ну вот. – Джин садится рядом. – Я ему рассказала.

– Ну и правильно сделала, если хотела с ним поделиться.

– Да, думаю, так оно лучше.

Не знаю, что она имеет в виду. Не знаю, почему может быть лучше, но ничего не говорю. Делаю еще один глоток «Капо» и продолжаю молчать. Тогда Джин берет мой стаканчик и тоже отпивает из него совсем немного.

– Крепкий.

– Тебе не стоит его пить.

– Знаю, ну да ладно, уж позволь мне время от времени немного нарушать правила. Эй, смотри, отец Андреа тебя ждет.

– Хорошо.

Я встаю и иду к нему.

Джин кричит мне издали:

– Эй, со стороны кажется, что ты идешь на плаху!

Я оборачиваюсь и смеюсь. А потом сажусь напротив отца Андреа.

– А ты и в самом деле, похоже, смирился.

– Да, но не слишком.

Он мне улыбается.

– И правда. Я доволен тем, что мне сказала Джиневра.

– И я тоже.

– Серьезно?

Я смутился.

– Конечно. Я собираюсь на ней жениться и решил это задолго до того, как оступился.

Он смеется.

– Да-да, знаю-знаю... Так вот, Стефано, хочу тебе сказать одну вещь. Это особая исповедь, с которой приходят к священнику до свадьбы. Если ты скажешь что-то особенное, то на деле когда-нибудь этот брак может оказаться недействительным. Но в любом случае священник вынужден сохранять тайну исповеди. – Он умолкает, словно желая дать мне немного времени, чтобы я подумал, чтобы принял решение. – Многие говорят что-нибудь нарочно: они хотят быть уверенными, что, как бы ни пошло дело, потом можно было бы признать брак недействительным. – Он снова молчит, потом поворачивается к озеру и, не глядя на меня, спрашивает: – Ну как, хочешь мне что-нибудь рассказать? Хочешь исповедаться?

И я сам удивляюсь тому, что говорю.

37

Возвратившись к столу, чувствую, что мне, кажется, стало легче.

– Прекрасный вечер, не правда ли? Что скажешь, любимый?

Джин крепко сжимает мне руку, пытаюсь убедиться, что я тоже испытываю восторг.

– Да, в самом деле.

– Тебе понравилось то, что мы ели?

– Очень, точнее, очень-очень. Это будет просто идеально, все очень вкусное.

Пока мы садимся в машину, она смотрит на меня искоса, а потом смеется.

– Это точно? А ты не передумал? Не бросай меня у алтаря! Мы же не будем устраивать ту странную свадьбу, когда невеста ждет жениха... Правда же?!

– Нет...

Джин, словно испугавшись, разводит руками.

– Помогите! Ты сказал «нет» как-то неуверенно. Не вполне убедительно, очень рискованное «нет»!

Я вижу, что ее мать смеется. Они сидят впереди нас; Габриэле за рулем. Они наверняка слышали.

– Да нет же...

– О Боже! А это еще хуже! Нет, нет, черт побери, ты бросишь меня у алтаря!

Она бросается ко мне, смеясь и колотя меня кулачком по спине.

– Ой-ой-ой!

– Ничего, пустяки! Может, ты и не помнишь, но я много боксировала. Я говорю серьезно, никаких шуток! Ну же? Говори!

Она поколачивает меня по бокам, но не столько бьет меня, сколько щекочет.

– Говори!

– Что я должен говорить?

– Что придешь в церковь раньше меня и не будешь устраивать никаких сюрпризов!

– Клянусь, даю слово скаута.

Я целую свои пальцы, несколько раз скрестив их около рта.

– Э, так не годится! Ты, как всегда, врешь!

– Да ладно, я пошутил. Ты считаешь, что я опоздаю? Обычно это я всегда тебя ждал!

– Да, здесь ты прав, – говорит она и становится серьезной. – Ты так долго говорил с отцом Андреа.

– Да.

– Тебе надо было столько всего сказать.

– Просто ему хотелось слушать. Мы говорили о кино.

– Послушай, ну почему ты никогда не говоришь серьезно?

– А что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? Это тайна исповеди.

– Для него! А ты можешь рассказать все!

– А вот теперь уже ты не хочешь быть серьезной.

Джин замолкает, отворачивается и смотрит в окно. Но совсем не долго. Потом она поворачивается ко мне.

– Да, правда. Ты прав. – Она опять улыбается. – Надеюсь, что, так или иначе, он был тебе полезен.

– Да, он мне нравится, очень приятный.

– Ну еще бы! Чтобы я выбрала для моей свадьбы неприятного? Смотри, он мне дал этот небольшой текст, чтобы я прочитала его на оглашении. Выберем из него, ладно?

– Ага. Так, значит, сегодня вечером мы будем молиться?

Джин мне улыбается, а потом тихо говорит:

– Ну конечно. А ты как хотел? Тут же мои родители!

– Я же не говорил, что этим надо заниматься в машине. Но вот дома...

– Дурак. Мы уже подъезжаем к твоему офису. У тебя же там мотоцикл? Возьмешь его сейчас или поедем домой, а мотоцикл заберешь завтра?

– Нет, не хочу оставлять его здесь. Заодно зайду на минутку к себе в кабинет, а то мне нужно кое-что почитать к завтрашнему дню. А потом приеду к тебе.

– Ладно.

– Вот здесь, останови здесь, Габриэле. Спасибо.

Машина сбавляет ход и останавливается. Я открываю дверцу и выхожу.

– Спасибо за все, скоро увидимся.

– Да.

Они со мной прощаются. Я целую Джин в губы и закрываю дверцу. Машина трогается, а я иду к себе в офис. В нем уже погасили свет. Вызываю лифт, поднимаюсь на свой этаж, открываю дверь. Никого нет, тишина. Включаю свет и закрываю за собой дверь. Подхожу к кофеварке и включаю ее. Беру пульт от музыкального центра, включаю радио, настраиваюсь на волну радиостанции «Ram Power». Вот она, 102.7 FM, с ее слоганом «Ты это помнишь, ты этим живешь». Это кажется случайностью, но звучит песня Лучано Лигабуэ «Иногда ночью». Не думаю, чтобы это было знаком свыше. Иду к себе в кабинет. Дверь закрыта, как я ее и оставил. Вхожу, зажигаю свет. На столе лежит папка с проектом, которую я использовал для прикрытия. Подняв ее, вижу альбом: он в том же самом виде, в каком я его и оставил. Похоже, никто ничего не трогал. Возвращаюсь в коридор и делаю себе кофе. Когда он готов, снова иду к себе в кабинет, закрываю дверь и сажусь за стол. Вынимаю из кармана мобильник и кладу его рядом с альбомом. Ничего нет. Ни одного сообщения. Ни одного звонка. Так даже лучше. Я дую на горячий кофе и смотрю на лежащий передо мной закрытый альбом. Может, мне стоило бы согласиться с тем, о чем говорил отец Андреа. Но ничего не поделаешь: я не могу совладать с любопытством. Так что я делаю глоток кофе, ставлю чашку на стол, смотрю на нее и почти маниакально переставляю ее немного вправо, чтобы она заняла часть пустого пространства, поворачиваю ее ручкой к себе. И только потом открываю альбом.

38

И возвращаюсь туда, где остановился. К фотографиям ребенка, который растет, взрослеет, улыбается, корчит рожицы, жалуется, смеется как сумасшедший... Он учится ездить на велосипеде, у него получается, он несется под гору с развевающимися на ветру волосами, сжав руками руль. Ребенок, который похож на меня. И все это прошло мимо меня. Вместо меня с ним был другой. Тот, кого на этих фотографиях почему-то никогда нет. Можно подумать, что его вообще не существует. Ни руки, ни плеча, ни одного фрагмента или даже вещей. Может, неслучайно, может, она сделала это ради меня. Но когда я дохожу до последней страницы, то вижу. Всего одна фотография, на которой она с ним. С ним – человеком, который думает, что он отец этого ребенка. И когда я его вижу, то теряю дар речи, не верю своим глазам. В Фейсбуке я его не узнал. Это Лоренцо. Не может быть. Я не хотел знать ничего – ни того, в какой день и в какой церкви это было, ни того, каким был банкет. И, самое главное, я не хотел знать, кто он такой. И теперь выясняется, что это Лоренцо, Лилло. Этот идиот. Один из тех, кто всегда, с самого детства, за ней увивался, классический вечный влюбленный. Тот, кто обычно после всех любовных романов остается твоим другом; тот, кого ты всякий раз встречаешь с симпатией; тот, кто женится на другой, а не на той, в которую он был так влюблен. Но с Баби произошло иначе. Я пытаюсь вспомнить, каким он был, какие-нибудь его особенности. Он хорошо играл в футбол, я несколько раз видел его летом, на пляже в Фенилье, но красавцем он не был. Он был коротконогим, с низко посаженной задницей, широкоплечим, курчавым, темноглазым, с поломанным зубом. Я смотрю на фотографию. Да, он не сильно изменился. Только теперь у него короткая стрижка, и одет он модно. Когда-то мы были одни в доме на море, и он даже явился, чтобы нас позвать – то есть, на самом деле, позвать Баби. Он пригласил нас на вечеринку, но Баби сказала ему, что не пойдет. Только сегодня об этом вспоминал! Нет, мне не верится. Он столько старался, что, в конце концов, у него получилось. Я представляю их вместе; пытаюсь вообразить, как начался их роман, куда он ее водил, где он впервые ее поцеловал, где... Нет, Стэп, хватит. Так нельзя, нельзя браться за старое. Останови свои мысли, заставь их, черт побери, абстрагироваться от всего этого, не распаляй воспоминаний, образов, не усугубляй ту мучительную боль, которую они у тебя вызывают. Постепенно именно так все и происходит, как будто я сам дал себе успокоительного. Внезапно мною овладевает странное спокойствие. Словно внезапно пошел дождь, и все тучи рассеялись. Снова появляется солнце, но радуги нет. Это еще похоже на море во время шторма – темное, с гигантскими волнами, смывающими все на своем пути... Но проходит всего несколько секунд, и снова видишь его ровным, спокойным. Ну вот, хорошо, теперь я даже дышу медленней. Все уже произошло. Как-то раз Полло, увидев, как я прихожу в ярость из-за Баби, как будто только она могла затронуть те струны, которые превращали меня в зверя, сказал мне одну вещь: «Знаешь, что я тебе скажу? Может, тебя это и расстроит, но, может, это и есть истинная причина того, почему ты совсем потерял голову из-за этой чертовой девчонки». И он стал на меня пристально смотреть. И, в конце концов, я рассмеялся. «Из-за чего ты смеешься?» – «Из-за того, как ты мне это сказал: „...эта чертова девчонка“». – «Но ведь так оно и есть. Посмотри, до чего ты себя довел...» И он протянул ко мне обе руки, указывая на меня ими обеими. «Ты не в себе! Так вот: хочешь узнать гениальный вывод, к которому я пришел?» Я сел на мотоцикл. «Хорошо, слушаем». Полло мне улыбнулся и сел на свой байк. Он немного помолчал и, прежде чем я его снова об этом спросил, наконец, сказал: «Одно только слово: „смирись“». Я встал с мотоцикла и жестом послал его к черту. «Отличный вывод! Ты и твои гениальные решения». – «Ты меня недооцениваешь. Запомни это слово: „смирись“».

И теперь я здесь, перед последней фотографией этого альбома, и на ней она с этим козлом. Я вспоминаю, что однажды мы это даже обсуждали. В тот день.

- Но ты не можешь ревновать, Стэп, к такому, как он, не можешь... Он всего лишь друг.
- Он меня раздражает. Да и потом, он всегда ходит за тобой по пятам и даже не считается с тем, что у нас с тобой роман.
- Неправда, очень даже считается и всегда приглашает нас, а не меня!
- Она смотрит на меня с улыбкой и нежно меня гладит.
- Я тебя убедила?
- Нет.
- И что тогда?
- Тогда я, похоже, ему врежу, и все станет яснее.
- Да хватит тебе! Меня злит, когда ты такой.

Вот именно. Я бы поступил правильно, если бы тогда ему врезал. Тогда, может, все сложилось бы по-другому. Нет. Все равно сложилось бы так. На самом деле я снова думаю о том, что упускал из виду. Он богат, очень богат, чертовски богат – настолько, что, едва закончив учебу, открыл несколько магазинов нижнего белья – чтобы, как он говорил, «создать новое направление бизнеса». Баби рассказывала, чем занимались в этой семье. Дед основал транспортную компанию в Марке. Он создал сеть междугородних автобусных перевозок там, где не было никакого сообщения – между самыми отдаленными и никак не связанными между собой городками. Так он начал зарабатывать и продолжал вкладывать деньги в свою компанию, расширив ее до Молизе и Абрुццо и накопив еще больше средств. В начале восьмидесятых его компания стала государственной транспортной сетью, захватив и Эмилию-Романью. С тех пор они стали вкладываться особенно удачно, открывая разные фирмы, а та, что окончательно укрепила их коммерческую империю, занималась продажей рекламных мест по всей Италии. Все, что рекламировали щиты в самых захолустных и отдаленных местах, в любом случае было связано с их фирмой. Сыну этого основателя, то есть отцу Лоренцо, не нужно было делать ничего, кроме как укреплять эту монополию, абсолютно ничего не меняя. В таком виде Лоренцо, разумеется, и принял бы фирму независимо от его собственных способностей. Потом он смог бы сделать ее доходной или убыточной, но ему нужно было очень постараться, чтобы разрушить такую империю. Да, я прекрасно помню, как она об этом рассказывала. Так, значит, Баби, твоя жизнь действительно заполнена всем этим? В тот вечер в машине, когда ты сообщила мне о том, что выходишь замуж, я потерял дар речи. Ты посмотрела на меня и сказала: «У меня никогда и ни с кем не будет, как с тобой, но с тобой просто невозможно». Продолжая молчать, я на секунду подумал, что ты, видимо, захотела сказать мне это на десерт – после того, как мы занялись любовью или, пожалуй, просто потрахались. Кто знает. Похоже, это были как раз те самые слова, чтобы поставить точку. Но я помню, что, прежде чем от меня уйти, ты сказала: «С другой стороны, жизнь – это работа, дети, друзья, а любовь, – это только десять процентов...» В то мгновение мне показалось, что я умираю, и я сказал себе: «Что я здесь делаю? С такими мыслями она выходит замуж?» Мне стало стыдно, я почувствовал себя скотиной, подумал о Джин, о ее доверчивости и о том, что я уже сделал... И тогда ты включила радио. Было впечатление, что ты хотела убить время, чтобы меня не прогонять, но на самом деле с нетерпением ждала, когда я уйду. Может, потому что ты знала, что лжешь, ломаешь комедию, что эти слова – не твои: это все рассуждения твоей матери. Это она заставила тебя выйти замуж за Лоренцо, или, лучше сказать, за его автобусы, рекламные места и трусы в его магазинах. Мне до сих пор приятно считать этот эпизод сомнением, оправданием, которое мне удобно принимать. Я уже собираюсь закрыть альбом, как вдруг замечаю, что рядом с фотографией этого козла находится конверт, на котором написано: «Для тебя».

39

«Вот, я уже не знаю, как тебя называть. Мне бы хотелось сказать: „Сокровище“, „Любимый“ или даже „Мой любимый“. Но я знаю, что ты уже не мой. И тем не менее когда-то был, и ты сделал бы для меня все и даже больше, чем кто-нибудь другой мог представить, – кто-нибудь „нормальный“, как ты их называл. Но ты к ним не относился. Ты был особенным. Иногда быть особенным неудобно, это неизбежно вызывает непреодолимые трудности. По крайней мере, отчасти ты был для меня недостижимым. Может быть, потому, что я боялась, потому что не была достаточно смелой, чтобы сказать: „Хватит, он мой, и я его люблю“. Только это. Но то, что произошло, уже произошло. Бесполезно жалеть о прошлом. Я отчаянно пыталась сделать так, чтобы ты был со мной каждый день, и в какой-то мере у меня это получилось. Ты был со мной каждое мгновение, даже когда я болтала с подругами, что-нибудь слушала, смеялась или когда мне было плохо; каким бы ни было мое душевное состояние, ты был со мной.

А потом, когда родился Массимо, все стало еще проще, потому что в его губах, его улыбке, в этих глазах, которые смотрели на меня даже тогда, когда он еще не умел говорить, я снова видела твой взгляд, твою любовь, твоё любопытство... Это были те же самые глаза, которые неизвестно что искали во мне. Так вот: я уверена, что когда ты увидел фотографию Лоренцо, когда узнал, кто мой муж, то сказал: „Вот видишь? Я правильно делал, что его бил!“» Я улыбаюсь. По крайней мере, в этом она меня знает. «Он всегда меня любил, мечтал быть со мной, и когда мы начали встречаться, я поняла, что в нем есть качества, идеальные для человека, за которого можно выйти замуж. Он щедрый, любезный, достаточно внимательный. И потом... помнишь, что я тебе говорила? Для меня брак занимает в жизни немного места, а остальное – работа, друзья, дети». Да, ты действительно говорила о любви и отводила ей лишь десять процентов. «Однажды я пересмотрела фильм „Знакомьтесь, Джо Блэк“. Там есть сцена, когда героиня летит в самолете с отцом, и он ее спрашивает: „Ты любишь Дрю? Того парня, за которого собираешься замуж?“ Дочь ничего ему не отвечает, и тогда отец говорит: „Я хочу, чтобы кто-нибудь свел тебя с ума, чтобы ты летала, как на крыльях, хочу, чтобы ты пела в экстазе и кружилась в танце, как дервиш. Пусть с тобой случится безумное счастье. По крайней мере, не отвергай его. Знаю, что это звучит сентиментально, но любовь – это страсть, одержимость, когда ты не можешь жить без человека. Вот что я тебе скажу... Бросайся сломя голову, найди человека, которого ты полюбишь до беспамятства, и который полюбит тебя так же. Как его найти? Забудь о разуме и слушай свое сердце. Я не чувствую твоего сердца. Потому что правда, моя дорогая, в том, что, если этого нет, жизнь не имеет смысла. Пройти жизненный путь и глубоко не полюбить – все равно, что не жить. Ты должна попробовать, потому что если ты не пробовала, то, значит, и не жила“. Я пересмотрела этот эпизод столько раз, что выучила его наизусть, но в первый раз, увидев его, я разрыдалась. Я плакала, и Лоренцо, когда вошел, испугался и спросил меня, что случилось, но я не могла вымолвить ни слова. И тогда он разозлился, он хотел узнать, он думал, что что-то случилось с Массимо. Но случилось-то со мной. Никто не говорил мне таких слов, никто меня не останавливал. Наоборот: моя мать почти заставила меня выйти замуж за Лоренцо. Она искусно промывала мне мозги, ежедневно показывая мне, какой могла бы стать моя жизнь, и какая она – жизнь женщины, которую осыпают знаками внимания, окружают комфортом, красивыми вещами, к тому же, когда у нее есть ребенок... Естественно, когда я сказала ей, что беременна, не возникло ни малейшего сомнения, кто отец. Но несколько месяцев тому назад мы ходили на обед к моим родителям, и в какой-то момент Массимо стал смеяться точь-в-точь так, как ты. Мама посмотрела на него. До этого и она тоже смеялась, но тут выражение ее лица изменилось и стало таким, словно внезапно ее посетила какая-то мысль. Она обернулась, посмотрела на меня, ее глаза вспыхнули, и она мне сказала: „Он очень красивый, твой сын“. – „Да“. – „Кто знает, каким он станет“.

И больше мы друг другу ничего не сказали. После того фильма я поняла, что должна тебя увидеть и что на самом деле я всегда знала, что этот момент настанет. Фотографии Массимо я собирала с первого дня – с тех пор, как он родился, и до того дня, когда должна была с тобой встретиться. Сцена из того фильма была такой, будто кто-то поставил передо мной большое зеркало, и я увидела в нем всю мою жизнь. Зная, что потом я плакала навзрыд и больше не могла говорить, ты можешь представить, что я в нем увидела. Пустоту, не считая моего сына. В моей жизни нет ничего, чтобы я могла почувствовать себя так, как хотела бы. Красивый дом, машина, вечеринки, друзья, но ежедневно все это словно обостряет мою боль, заставляя ощущать мое существование еще более пустым, более бесполезным. Мы даже думали подарить Массимо сестренку или братишку, но у нас не получилось». При мысли об этой ее попытке у меня внезапно сводит желудок, перехватывает дыхание, меня начинает тошнить, но мне удастся с этим справиться. Мне хотелось бы разорвать это письмо из-за того отвращения, которое я испытываю, из-за того, что она рассказывает с такой легкостью. «У нас не получилось». И я представляю себе грубую попытку, направленную только на это. Представляю себе это тоскливое удовольствие, жалкое наслаждение, пассивную, почти скупающую женщину, притворную соучастницу акта, словно она лучшая актриса какого-нибудь мягкого порно. И потом представляю этого глупого, ни на что не годного парня, который трепыхается на ней, под ней, или сзади... И почему я его тогда не побил? Я знал, что должен всегда прислушиваться к своим ощущениям, они самые точные. А теперь? Что мне подсказывает интуиция? У меня в руке это письмо. Осталось прочитать только полстраницы, просвечивающиеся на обороте. Что еще могут таить для меня все эти слова? Они представляются грозными воинами, прячущимися в окопе, готовыми броситься в атаку, чтобы причинять боль, убивать, разрушать. Я уже знаю, что не устою перед искушением, и, несмотря ни на что продолжу. Так что я переворачиваю страницу и продолжаю читать. «Однако хватит, не хочу тебе докучать подробностями моей личной жизни. Я хочу сказать тебе одно: с тех пор, как я посмотрела “Джо Блэка” и снова подумала о тебе, я только и делала, что представляла нашу встречу – то, какой она будет, где произойдет, каким ты окажешься, как удивишься и как будешь счастлив увидеть меня. Или, наоборот, как ты разозлишься, или, еще хуже, останешься равнодушным. И когда это наконец произошло, я только и делала, что смотрела в твои глаза. Да, я пыталась обнаружить в них какое-нибудь твое впечатление, понять, что ты испытываешь, встретив меня после стольких лет, одним словом, чтобы задать вопрос, который тебе так нравится: „Пламя погасло или горит?“ Мне пришлось прибегнуть к помощи твоей секретарши, я кое-что про нас рассказала, и она приняла это близко к сердцу. Она сказала, что мы теряем прекрасную возможность, но пока еще не слишком поздно. Она показалась мне умной, стремительной, способной; ты сделал отличный выбор». Да уж, жаль, что она у нас больше не работает. И именно из-за тебя. Впрочем, она не обладала всеми теми качества, которыми ты ее наделяешь. «Она не захотела рассказывать ничего о тебе; я должна сказать, что пыталась разговорить ее всеми способами, но у меня этого не получилось. В этом она оказалась надежной. Может, ты с кем-нибудь встречаешься, собираешься жениться, или тебя бросили. Я этого не знаю. Знаю, что ты не женат, я видела, что на тебе нет обручального кольца, да и к тому же в Интернете об этом ничего нет. Впрочем, для меня гораздо важнее другое. Ты счастлив? Мы еще поговорим? Еще встретимся? Можно на это надеяться? Мне было бы так приятно». Ну надо же: сегодня вечером все так интересуются моим счастьем. И как раз тут раздается сигнал моего мобильного. Пришло сообщение. Я его открываю. Это Джин.

«Что делаешь, любимый? Смотри не перетрудишься! Скоро все станет еще сумбурнее. Возвращайся... я тебя хочу».

Я улыбаюсь. Складываю письмо, засовываю его в альбом, который прячу в дальний ящик. Так вы все действительно хотите это знать? Ладно, подумаю об этом завтра. Это кажется мне ответом Скарлетт О'Хара. На самом деле вся эта история представляется мне увлекательным

блокбастером, и я – его герой, который, к сожалению, не знает, что произойдет. Кто его знает, что будет дальше. Или, перефразируя того же Баттисти, можно сказать: «Жизнь покажет».

40

– Всем здравствуйте.

Я захожу в офис с позитивным и веселым настроением, который на самом деле неоправдан, но я решил, что лучше всего преодолевать сегодняшние трудности именно так – не думая о них. Потом будет видно, потом что-нибудь произойдет, настанет момент, когда я приму решение. Или, может, все уже просто разрешилось само собой.

– Добрый день. Приятно видеть вас в таком настроении. – Ко мне подходит Аличе, передавая мне какие-то листки. – Тут я отметила ваши сегодняшние встречи. А это – некоторые из писем, которые только что принесли.

– Хорошо, спасибо. – Я направляюсь в свой кабинет.

– Хотите кофе?

Я оборачиваюсь к ней с улыбкой и говорю:

– Да, спасибо, почему бы и нет?

И Аличе удаляется. Она идет спокойно, почти не виляя бедрами. Должен сказать, что она еще и очень симпатичная, почти не красится и очень мила в своей простоте.

– Все в порядке, шеф? – Джорджо здоровается со мной из своего кабинета.

– Все в порядке.

– Ничего нового? Больше никто не появился?..

Задавая последний вопрос, он делает жест левой рукой, словно поглаживая мячик, или, точнее, изображая округлый живот.

– Эх, не стоило мне тебе ничего говорить. Больше я тебе, чертяка, ничего не скажу. Я тебе здесь кто – клоун?

И я закрываю дверь. Сегодня на моем столе никаких подарков. Тем лучше. Я бы, пожалуй, не вынес еще одного бог знает какого откровения. Да и среди писем, похоже, нет ничего, что показалось бы странным. Да нет. Вот. Письмо для Стефано Манчини. Оно не отпечатано на машинке или на компьютере; его, наверное, вручили лично. Нет ни марки, ничего в этом роде. Я вглядываюсь в почерк; мне он, похоже, не знаком. Я беру складной нож. Он лежит на столе, и я его использую для разрезания бумаги. Открываю письмо.

«Уважаемый господин Стефано Манчини! Я – Симоне Чивинини, мне двадцать три года. Я бы хотел у вас работать. Поскольку вы в этой сфере недавно, но начинали с низов, я уверен, что в моих словах вы разглядите две главные вещи: желание и энтузиазм. Я был бы рад с вами встретиться. Прилагаю к письму мой проект и оставляю вам номер моего телефона и адрес электронной почты. Я в вашем распоряжении, когда захотите. Я готов выполнять мелкие поручения, делать рутинную работу, а когда-нибудь, если вы сочтете это своевременным, хотел бы стать сценаристом. Я написал, что вы начинали с низов, не для того, чтобы вам польстить. Я следил за вами с тех пор, как начались все эти проблемы на спутниковом канале „ТДВ“, знаю всю вашу историю. Поэтому был бы рад с вами познакомиться. В любом случае благодарю за внимание».

В конце письма я нахожу номер телефона и адрес электронной почты. Смотрю код. Он указывает на город Чивитавеккья, но автор письма, наверное, сейчас в Риме – проездом или у кого-то остановился, поскольку это письмо передали лично. В приложении – проект под названием «Кто кого любит». Забавное название. По крайней мере, необычное. Начинаю читать. Передача длится пятьдесят минут. Игра укладывается в несколько отдельных раундов, за которыми интересно наблюдать. Написано хорошо, просто, без прикрас. Так что я продолжаю читать. Суть в том, что шесть мужчин и семь женщин или наоборот по очереди рассказывают о каком-то моменте их жизни, о чем-то, что произошло с любимым человеком, партнером или супругом, то есть одним из тех, кто находится в другой группе. Люди будут рассказывать о том,

как они встретились, о первом свидании, о первом поцелуе, о том, как они впервые занялись любовью – где или каким-то необычным образом. Игроки должны правильно соединить людей попарно, в соответствии с историями, которые расскажут все тринадцать человек. Если угаданы все пары, то значит, выявили и лишнего человека, оставшегося без пары. Дальше дается всего одна минута, чтобы среди сидящих в студии людей найти того, кто влюблен в этого тринадцатого. Никто ничего не рассказывает, на это нужно огромное везение. Если кто-то сможет отгадать, то сорвет куш. Суммы выигрышей могут быть разными. Одна величина для более «сложных» пар, или одинаковые суммы для всех пар и более солидная сумма в случае, если угадают и тринадцатого с его возлюбленным среди публики.

Закончив читать, я испытываю истинное удовлетворение. Просто невероятно: этот двадцатитрехлетний парень придумал формат, который может стать настоящей новинкой не только для итальянского рынка, но и для зарубежного. Поэтому я выхожу из кабинета и иду к Джорджо.

– Посмотри это.

Я кладу сценарий на стол. Приходит Аличе. Она, молча, но со своей обычной милой улыбкой приносит нам два кофе.

– Спасибо.

Она оставляет нас одних. Джорджо берет письмо.

– Что это? Какое-то особое требование?

Он поднимает бровь, неизвестно что имея в виду.

– Да, требование выкупа.

Джорджо смотрит на меня в недоумении.

– Да ладно, шучу. Это проект молодого сценариста. И, по-моему, неплохой. Он очень подошел бы для прайм-тайма, учитывая, что и «Рэтэ», и «Мединьюс» искали что-то подобное, чтобы немного освежить сетку вещания...

– Неужели это действительно такая масштабная вещь? Написанная молодым автором?

– Да.

– Итальянцем?

– Да?

– И насколько молодым?

– Ему двадцать три. Он никогда не работал на телевидении и выбрал нас как компанию, которой хочет предложить свой проект.

Джорджо читает сопроводительное письмо, прилагающееся к проекту. И начинает смеяться.

– Он выбрал нас? Как бы не так! Он выбрал тебя! Он твой фанат! Ты сейчас на таком подъеме, что от поклонников отбоя нет... Правда, а?

Я качаю головой. Тогда Джорджо быстро встает, проходит мимо меня и закрывает дверь. Мы остаемся одни. Он садится на диван.

– Должен сказать тебе две вещи, даже три.

Я сажусь в кресло напротив.

– Я весь внимание.

– Так вот, я узнал, что Оттави два раза перечислял деньги директриссе Джанне Кальви.

– Ого. Но так ее же засекут.

– Он перечислил их на счет матери своего партнера.

Джорджо настоящий молодец; даже не могу себе представить, как ему удалось получить такого рода информацию, но должен признать, что наверняка это было нелегко.

– Кроме того, он подарил ей «Ролекс» последней модели с бриллиантами и недельное пребывание в «One & Only» по системе «все включено» на две персоны.

– А это что?

– Один из самых эксклюзивных поселков на Мальдивах; на острове всего шестнадцать бунгало, и в каждом из них – свой дворецкий, обслуживание по системе «все включено» и отличный спа. Думаю, речь идет о трех тысячах евро в день.

– Отлично! Я сам подумал туда съездить, когда ты сказал о шестнадцати бунгало. Но теперь не поеду, когда ты упомянул о трех тысячах.

– Ладно. Сделаем вот что. Если у нас получится завоевать зарубежный рынок, как минимум десять стран, продав им два новых формата и пристроив один сериал, тогда мы обязательно туда поедem, договорились? Для нас это стимул достичь результата. Ты знаешь, что многие американские компании в начале года намечают цели, которые можно достичь? Это становится своего рода забегом, чтобы получить лучший приз.

– Договорились.

Цель настолько амбициозна, что я прекрасно понимаю: уж этим-то мы не рискуем.

– Вот моя рука.

Несмотря ни на что, я с большим удовольствием ее пожимаю.

– Хорошо, а теперь перейдем ко второму пункту. Продюсер сыграл очень грязно, и мы, если ты не против, поступим не лучше.

– Но он занимается подкупом, а мне, извини, не хочется идти в том же направлении.

Джорджо улыбается.

– Отлично, именно это я и хотел услышать. Нет, должен был это услышать. Мы не будем делать никаких подарков, но в любом случае так или иначе постараемся заполучить тот сериал.

– Не хочу ничего противозаконного. Не хочу ни от кого зависеть. Не хочу, чтобы меня шантажировали.

– Но этого и не будет. Уверю тебя, ты ничем не рискуешь. Ни ты, ни «Футура».

Этот разговор был важным. Джорджо Ренци – человек корректный. Потом он смотрит на меня так, словно ему в голову пришла другая мысль.

– Сделаем так. Ответственность будет только на мне. Я действую на собственный страх и риск, а не от лица «Футуры». У меня с Оттави свои счеты, и я бы, так или иначе, их свел, это только вопрос времени. Единственное, я не хочу тебе ничего рассказывать, ни в коем случае не хочу тебя в это впутывать.

Я ему улыбаюсь.

– Не понимаю, о чем ты говоришь...

– Хорошо, отлично, именно этого я и хотел. А теперь третий вопрос, самый для меня важный...

Я встаю, беру бутылочку с минеральной водой и делаю большой глоток. Он ждет. Потом я снова сажусь в то же кресло. Похоже, этот последний вопрос его немного смущает. Уж не знаю, что он хочет мне сказать.

– Ну так вот... Мне очень нравится эта компания, мне нравится то, что мы сделали, делаем и, надеюсь, сделаем. Однако мне хотелось бы кое-что прояснить... – Джорджо делает небольшую паузу. Я его не тороплю. – Если ты думаешь, что иногда я позволяю себе чрезмерные шутки, если что-то не так, ты должен мне об этом сказать. Люди часто ошибаются, следуя моим советам. Слишком многое держат в себе. И от того, что не умеют время от времени решать свои проблемы, в конце концов не выдерживают, взрываются – да так, что потом отношения уже не восстановить. Так вот: я не хочу, чтобы это произошло между нами.

Джорджо смотрит на меня. Похоже, что он закончил. Он с облегчением вздыхает, словно сбросил с себя груз, и устраивается поудобней.

Я ему улыбаюсь.

– Все в порядке. Пока нет ничего, что бы меня раздражало. Думаю, я бы тебе об этом сказал.

– Даже когда я шучу по этому поводу? – Джорджо снова показывает на живот.

– Конечно. И в этих случаях тоже. Более того: ты заставляешь меня смеяться и тебе удается разрядить обстановку.

– Хорошо, я рад.

Я собираюсь встать.

– И последнее.

У него меняется тон.

– Да, говори.

– Если тебе потребуется совет, если ты захочешь узнать мое мнение или излить душу...

В общем, если захочешь чем-нибудь поделиться – я здесь.

– Так я уже поделился!

– И когда?

Я указываю на листок с проектом.

– Я поделился с тобой словами моего фаната...

Джорджо смеется.

– Я имел в виду твоих фанаток!

– Я понял. – Я открываю дверь. – А теперь пока. Увидимся после.

– А куда ты?

– У меня обед, следующий фанат. Но я тебе не скажу, мужчина это или женщина.

41

Увидев меня, он улыбается. Он сидит за столиком. Перед ним бутылка и несколько оливок. У него все тот же забавный взгляд в стиле Джека Николсона.

– Как дела?

Маркантонио встает и здоровается со мной.

– А у тебя? Я получил твое приглашение на свадьбу. – Он смотрит на меня и качает головой. – Черт, вот никогда бы не подумал. От тебя можно было ожидать всего, чего угодно, но только не этого.

– Чего всего?

– Откуда мне знать? Я бы не удивился, если бы ты спутался с какой-нибудь манекенщицей, уехал в Америку, кого-нибудь обрюхатил... Но только не того, что ты женишься!

Я бы хотел сказать, что в действительности обрюхатил двух женщин, но собираюсь жениться на одной. Но предпочитаю ничего ему не говорить, а просто улыбаться.

– Почему брак кажется тебе таким буржуазным? Тебе, с твоими убеждениями, твоими политическими взглядами, твоими дворянскими титулами, требующими заключать браки, чтобы жить и укреплять свое положение...

– Да, но на самом деле в наше время брак революционен! Давай сделаем заказ... Что ты будешь есть?

Мы находимся в Прати, в ресторане «Сеттембрини», куда выходят показать себя. Очаровательнейшая официантка-негритянка обслуживает столики и, улыбаясь, подходит к нам.

– Вы готовы?

– Всегда готовы! – отвечает Маркантонио, улыбаясь ей. Она улыбается ему в ответ, и кажется, что они уже давно и хорошо знакомы. Мы заказываем здоровую пищу. Маркантонио, хотя и пьет франчакорту, заказывает запеченного лосося и стручковую фасоль, а я – салат «Цезарь». Девушка, получив наш заказ, удаляется.

– Ты ее знаешь?

– Хотел бы узнать ее получше. Кое-что в ней мне пока не совсем ясно...

Он, как обычно мрачно, улыбается и наливает мне немного франчакорты.

– Эй, немного, а то мне потом еще работать!

– Какой же ты серьезный, каким же ты стал занудой... Ну и где он, тот симпатичный драчун, которого мне удалось ввести в мир телевидения на канале «ТДВ»?

– Ушел в отпуск, к счастью!

Мы смеемся. Потом Маркантонио поднимает бокал и смотрит мне в глаза. Похоже, он стал серьезным.

– За твое счастье.

Уф. Все просто помешались на этой стороне моей жизни.

И тем не менее он добавляет:

– Каким бы оно ни было.

Он смотрит на меня, улыбается, мы чокаемся и пьем. Вино холодное, действительно замечательное, и Маркантонио осушает бокал за секунду.

– Тебе нравится?

– Очень. Оно идеальное.

– Хорошо, я рад. На самом деле оно, по моему мнению, должно быть еще чуть менее кислым. Оно из винограда, который мы выращиваем, там, на наших холмах в Вероне.

– По-моему, оно просто изумительное.

– Но может стать и лучше.

– Расскажи, как ты.

Маркантонио смотрит на меня и качает головой, словно говоря: «Терпимо».

– Я не думал, что буду так сожалеть о смерти родителей. Помню, когда ты говорил мне о своей матери... Знаешь, тогда, слушая тебя, я пытался почувствовать себя в твоей шкуре. Ты мне в какой-то мере пригодился, ты мне помог, но недостаточно.

Я не знаю, что сказать, и молчу, улыбаясь подобающей случаю улыбкой – наименее бесполезной из тех, которые я мог бы изобразить, – но не знаю, какой она у меня получилась. Маркантонио наливает себе еще немного вина.

– Моя мать была очень сильной; она смогла остаться с моим отцом, несмотря на его измены, а на последнем этапе, когда он заболел, опекала его еще больше, по-настоящему его опекала, помогала ему оставаться в хорошей форме. А потом однажды утром она не проснулась... Подумай, какая нелепость. Не прошло и месяца, не стало и его. Я думал, что он умрет раньше мамы, но они меня застали врасплох даже в этом. – Маркантонио улыбается и делает еще один глоток вина. – Может, так они хотели мне показать, что, несмотря на скандалы, которые они устраивали, а мы с сестрой это слышали, они по-своему любили друг друга. Они не могли жить друг без друга. Я рад, что вышло именно так, это наводит меня на мысль, что у них была большая любовь, они показали мне это только перед смертью, но она все же была...

В этот момент подходит официантка. Она ставит перед нами тарелки.

– Вижу, вы разговариваете. Если я вам понадобится, позовите.

– Конечно, спасибо, Пришила.

Они улыбаются друг другу, а потом она уходит, но, не сделав и пары шагов, что-то берет и возвращается. Ставит на стол около Маркантонио пепельницу, снова улыбается и на этот раз уходит окончательно.

– Она знает, что мне нужно...

И он вынимает из кармана пиджака пачку сигарет и зажигалку «Зиппо».

– Хочешь закурить?

– Спасибо, нет.

Маркантонио зажигает сигарету и глубоко затягивается.

– Завидую твоей привычке курить время от времени и только по вечерам. Ты не зависишь от дыма... Это здорово. Ты ни от чего не зависишь!

Я начинаю есть мой «Цезарь».

– Время от времени у меня возникает ощущение беспокойства и тревоги, и я так или иначе от них завишу. Но я к своим тревогам привык, сроднился с ними.

– Будь осторожен, не держи это все в себе слишком глубоко. Иногда возникают бурные реакции – и они, как оказывается, гораздо сильнее тех, что были на нашей памяти. И, самое главное, сильнее тех, что, как нам казалось, мы можем контролировать, – говорит Маркантонио.

– Спасибо, – говорю я ему с улыбкой.

– Не за что. Мой отец был таким. Время от времени его прорывало, и ему становилось плохо... – Маркантонио замолкает и о чем-то думает. Наверное, вспоминает об отце, о нем и о матери; может, это какие-то его давние детские воспоминания. Я ему не мешаю. Но потом он внезапно возвращается к действительности. – Спасибо за твои сообщения. И спасибо за телеграмму.

– Я бы приехал на похороны под Верону или туда, где они были.

– Спасибо. Но в этом не было необходимости. Мы хотели, чтобы на похоронах были только самые ближайшие родственники. Ты же понимаешь, люди не должны знать, что род Мадзокка вымирает, как и все остальные. – Маркантонио смеется и качает головой. – Ну мы и семейка дураков, гордых упрямцев.

И сам Маркантонио – в первую очередь. Но я ему этого не говорю, он еще и обидчивый.

– И ты там не остался? Я-то думал, ты решишь управлять землями, хуторами и тем бесчисленным имуществом, которое, как ты мне говорил, есть в каждом доме, – мебелью, виноградниками... – Я указываю на бутылку. – А еще картинами, коллекциями антиквариата...

Маркантонио закрывает глаза и машет руками, словно останавливая меня и отказываясь от всего этого.

– Я тебя умоляю! Меня тошнит от общения с людьми. Это теперь заботы моей сестры, она делает все. Она терпеливая и спокойная, расчетливей меня, она все умеет делать лучше меня! – Он гасит сигарету, наливает мне еще немного вина и наполняет свой бокал. – Я предпочитаю работать здесь, в Риме, графическим дизайнером, со всеми чертовыми проблемами – а ты сам знаешь, какие они... – Он мне улыбается. – Но сколько бы здесь, в Прати, ни крутилось людей, эти красивые девушки не такие, как в Вероне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.